

ДМИТРИЙ СЫЧЁВ

ОСКОЛОК

Annotation

Один несдержанный порыв и монолит привычной жизни рушится, разбрасывая вокруг себя осколки. Тепло очага и родные стены уступают место холодным ветрам и сбитым сапогам наёмника, а всё что у него было остаётся далеко позади. Но точно ли всё? Дварф по имени Далур один, но одиночество — его несбыточная мечта и его самый страшный кошмар. Он с парой других наёмников взялся за заказ, помочь страже найти пропавших людей. Глухие северные леса не любят чужаков и хранят много мрачных тайн. Гораздо больше чем наёмникам хотелось бы узнать.

Глава 1. Ухабы

Медленно, почти уныло тянется извилистая дорога сквозь глухие северные леса. Единственная на многие вёрсты вокруг. Дорога — это ещё очень громко сказано, две телеги с трудом разминутся, да и то не везде. Но для этих мест — пойдёт. Теперь-то шире и не нужно, порой неделями даже пеших путников не видно, не то что груженных телег. Только ранней осенью наступает некоторое оживление, и то ненадолго. Обоз, доверху заваленный шкурами, засоленной рыбой, костью, да хмурыми мужиками от Каменной Топи до Лесного Предела пройдёт, на ярмарку, и он же потом назад ползёт. Снова груженный под завязку, только теперь уже инструментом, скобяными изделиями и всякой всячиной нужной кому-то, чтобы дотянуть до весны. Ну и мужики уже не настолько мрачные, всё чаще пересмеиваются, да довольно косятся на крепко перевязанные тюки. А ведь было время... Даже постоянный двор стоял, аккурат на полпути между Каменной Топью и Лесным Пределом. И не всегда в осеннюю пору свободное место в нём найти получалось. Только про то время уже и местные не помнят. Так, кто-то от своего деда слышал, а тот в свою очередь от своего.

Чаще случается так, что без сильной надобности в этих краях народ не появляется. Зачем? Глухой посёлок на отшибе, дальше только беспокойные горы и непроходимые топи, где кроме комарья и ягод нет ничего, а они того не стоят.

Но в этот раз необходимость была. Вергард, десятник стражи из Лесного Предела, ехал тут по очень важному делу. Он сосредоточено наблюдал с кислой миной, как подмытая осенними дождями лента дороги неспешно исчезает под телегой. Его стало засасывать в невесёлые мысли, словно в жирную осеннюю грязь.

«Дельце то мне предстоит действительно важное. Не пушнину на зерно сменять. С самого бы шкуру не спустили за такие дела... Попался буквально за руку! Новый капитан, сука, решил порядок навести. Ну ничего! Знаем мы таких! Вся горячность уйдёт, как дождь в песок, едва закусится с кем повыше. Те, что повыше, про него, Вергарда, знали, но не трогали. Монеты никому не лишние. А теперь из-за этого... Ладно, всё наладится и будет как было.

Ну а пока трястись тут на телеге до этой Каменной Топи. Хотя, мне то оно только на руку. Дней десять и это лишь в одну сторону. Пока там провожусь с их злключениями... Глядишь, да и уляжется муть в нашем прудике. Да, всё-таки вовремя в Каменной топи пропали холуи лесные, очень вовремя!

Только вот почему капитанишка этот меня так просто отпустил? Кричал же, что таких, как я, надо вешать рядом с мразью всякой вдоль трактов. А на следующее утро — бац! — и отпустил. И Толс, заместитель мой, подошёл и рассказал, что гонец из Каменной топи приехал, они там просят нашей помощи.

Да, удачно всё! И подальше от неприятностей буду, и героем-спасителем вернусь. Очень удачно вышло с этими селянами.

Такое вот важное дело, шкуру свою спасать. Дней десять дороги в одну сторону, десять в другую. Ну и на месте сколько проторчать придётся? Как пойдёт конечно, но пару недель хотя бы надо. Главное, особенно не торопиться с поисками, а за это время как раз всё и наладится. Обязательно наладится!»

Вергард грустно вздохнул и почесал плюгавый волосяной вал, разваленным частоколом окружавший его макушку. Блёклые карие глаза с тоской забегали по сопровождавшим его стражникам.

«Людей, жаль, маловато выделили, мой десяток и всё. С таким отрядом в глухих лесах с поисками не развернёшься особо. Хотя, опять же, чем меньше народу, тем дольше провозимся. Но и найти их нужно, хоть и не сразу.»

Вергард построил печальную мину и поскреб редкую щетину на подбородке. В мыслях он никак не мог прийти к решению, как особо не торопиться с поисками, но по возможности найти людей живыми, в огромном лесу, да и всего с тринадцатью людьми под его началом. Вспомнив о наёмниках, десятник немного приободрился.

«Ну да ничего! Нашлись желающие за сравнительно небольшие деньги ноги по северным буреломам ломать вместо меня. Славно! Эх, скорее бы доехать, десятый день в пути. Вот-вот за очередным поворотом покажутся ворота Каменной Топи. Ах, как же хочется расположиться в доме какого-то крестьянина и пить пиво, славно закусывая, пока десяток с наёмниками бегают по лесам да болотам. А может, и в трактире приличная комната найдётся? Чтобы по конурам их не сидеть, да детский плач с бабьим воем целый день не слушать. Это, конечно, если трактир найдётся... Места-то глухие».

Вергард от скуки уже в сотый раз крутил эти мысли в голове. Переживания по поводу взятки, как обычно, беспокоили его недолго и вскоре притупились. Он настолько убедил себя, что всё будет хорошо и обязательно наладится, что теперь его мысли всё больше занимали выпивка и снеть.

«Всю задницу уже отбил на этой телеге, да по ухабам! Когда уж дыра эта клятая покажется!»

Мужчина едва заметным движением губ сдул пену с воображаемой кружки пива и мечтательно причмокнул. Но тут же одёрнул себя и, чтобы отвлечься от пока недостижимого, принялся вновь разглядывать своих наёмных

спутников.

На телеге, спиной к вознице расположился дварф и правил лезвие своей секиры. И без того широкоплечий, сидя, он казался совершенно квадратным. Когда сквозь кроны деревьев пробивался редкий солнечный лучик и сверкал на металле, недовольное лицо дварфа сглаживалось и на нём мелькало что-то вроде удовлетворения. Впрочем, солнце уже давно скрылось за тучами и дварф сидел хмурым.

«Далуром, кажись, звать его? Скрытный какой-то, борода, весь в себе. Пока мой десяток вяло переругивается, убивая дорожную скуку, этот коротышка молча сидит. Чего только он хмурится? Он так скоро свой топор в пыль сотрёт. Вона уже, по отражению бриться можно. Да и топором самим тоже, куда как остр, наверняка. Ан нет, всё всматривается, скребёт да трёт. Интересно, что за огрехи такие видит?»

В толстых пальцах дварфа удивительно ловко появлялись то правильный камень, то войлочная ткань, и неустанно елозили по боевому топору. Стояние оружия было безупречно. Изредка Далур принимался за шлем, к которому тоже было не придраться, и наоборот. Вергард даже немного завидовал такому снаряжению. Своё он проводил в порядок только перед смотром, и только до того состояния, когда скорее всего не пристанут. Не единожды он пытался выработать в себе привычку уделять внимание вещам чаще, но дольше чем на пару дней его никогда не хватало. Десятник снова уныло вздохнул и положил руку на заурчавший живот.

«Сейчас бы пожевать чего... Этот-то ест, зараза, за двоих. Хотя ладно, зато на привалах работает за троих. Спать только мешал по первости, да и сам, видимо, не спал толком. Вон мешки какие над бородой висят. Шумно ворочается каждую ночь, до самого утра. А под утро стонать во сне начинает, да говорит что-то. Неразборчиво так, но вроде имя какое. А может вообще на своём лопочет? Поди разбери... Впрочем, в ссору лезть никто так и не решился, слава дварфов как вояк всем известна, ну его... Нет, конечно до стали никто не доведёт, но зубов лишиться, или там носа, сломанного никто себе не желает. Да и глядит волком, если к нему с праздным трёпом лезут... А вообще, кому не всё равно, почему он там стонет? Вон Толс храпит, что загнанная лошадь, и ничего, все привыкли.»

Вергард лениво потянулся. Где-то в душе он радовался тому, что сегодня они доедут, и этой ночью наконец то получится поспать в тишине. Он ещё раз украдкой глянул на Далура.

«Иногда на привале сядет чуть в стороне от вечернего костра и сидит не шевелясь, лишь изредка что-то глухо бормоча под нос и склоняя голову так низко, что густящая, в локоть, не меньше, длиной русая борода топорщится, растекаясь по кольчуге. Кстати об этом! Кольчуга всегда была на нём, шлем всегда под рукой, щит за спиной, а топор или в руках, или у пояса. Чегой-то он всегда наготове? Леса тут глухие, вряд ли кто-то окромя зверья нос покажет из зарослей. Всё это дварф снимает и складывает у изголовья только на привалах. Очевидно, воевать надумал. Вона лоб как хмурит, аж брови, как куст каждая, вместе сходятся. Сидит порой на телеге, да зыркает злобно так на каждую ветку.»

Вергард принялся внимательно разглядывать медленно плывущие мимо него заросли. Тёмно-зелёным коридором вместе с дорогой они уходили далеко вперёд. Вергард уныло вздохнул. Этот вид за последние дни его сильно утомил.

"Да, странный он, этот Далур. Обычно дварф хорошо знает цену своему топору и умению, и стоят они куда как недешево. Этот же согласился за бесценок помочь. Какая-то мелочь для себя, да чуть денег на подготовку. Ой не уверен, что от него будет толк. Как известно, дварфы-следопыты хороши в своих родных горах, а не в густых лесах и чащобах. Да и на следопыта он совсем не похож, в отличие от ещё двух наёмников. Хотя если дело дойдёт до боя, он будет полезен. Но вот дойдёт ли? Да и с кем? Глухие леса... Здесь или от зверья, или от тоски сдохнешь, неясно что быстрее.»

Вергард встрепенулся и оглянувшись, забегал глазами по лицам. Он быстро пересчитал всех, про себя проговорил имя каждого из своего десятка. Десятник задумчиво хмыкнул.

«Кстати, об оставшихся наёмниках! Где их Держатели Мира носят? Этих двоих опять не видно, и чего им на телеге не сидится. Шершень их что ли ужалил в известное место? Ну ничего, вернутся. Они постоянно в лес ходят, то по одному, то вместе. И всегда возвращаются. Ужинают, сволочи, каждый вечер свежим мясом и грибами, пока мы тут сухарями и вялеными полосками давимся. Жёсткие что твоя подошва. Хотя, сказать по чести, порой делятся.»

Невдалеке от повозки Вергарда из-под куста вынырнул среднего роста тощий мужчина. Его неожиданное появление спугнуло ворона, который тут же с противным криком взлетел. Старый десятник вздрогнул от неожиданности и потянулся к оружию, но сразу же успокоился. Хлопанье крыльев и хриплое карканье быстро скрылись за тяжёлыми, ещё не облетевшими кронами.

«О! Как чума, помяни только — почитай, накликал! И такой же неприятный. От его угрюмой морды выть хочется, ну или сразу ножом себе брюхо взрезать.»

Десятник неприязненно уставился в затылок человеку. Некогда гладко выскобленный некрасивый череп мужчины зарос неровной щёткой коротких волос. Остальную часть головы покрывали сплошным ковром шрамы от

страшного ожога.

«Как выжил только? Когда картошку в углях печёшь, и то краше да глаже выходит. От уха вон один пень уродливый остался с дыркой посередине. Интересно, а он им слышит?».

Десятник поморщился и отвернулся. Взгляд снова заскользил по осточертевшим листьям и конским крупам, пока, наконец, не упёрся в уплывающую под телегу жирную дорожную грязь. Вергард угрюмо вздохнул.

«Зарекался же тарашиться на него. Appetit только портить. И непонятно ещё от чего больше, отморды его унылой или от украшений этих... Кстати, за время в дороге так и не узнал, как зовут. Молчаливый, всё время к чему-то прислушивается, даже если вокруг тишина. Говорит редко, и неохотно. Ещё нелюдимей коротышки того. Так Молчуном и прозвали. Ну да ладно, он нас не развлекать нанялся, а компанию для разговоров я и так найду. Толс тот же с радостью язык почешет. Но вот как бесшумно вынырнул из-под куста, и кажется, тот слегка перед ним расступился и сомкнулся за его спиной. Вот он будет полезен. И по лесу ходит что по каменной мостовой, уверенно и без следов. Кожаная куртка с вшитыми пластинами, дубина и праща. На кой хрен ему дубина и праща? Спрашивали конечно... Отмалчивается, как воды в рот набрал, да в упор глазами буравит. Ну да ничего, если что мои ребята мечами помажут. Не впервой!»

Вергард взял лежавшую возле него на телеге флягу и жадно сделал несколько крупных глотков. Немного воды пролилось и теперь небольшими капельками сверкало в седой щетине на подбородке. Десятник снова нарушив свой зарок и оглянулся на Молчуна.

«Он, кажется, и не в путь отправился, а так, до соседней деревушки планирует еще засветло добраться. Идет, молчит по обыкновению и сосредоточенно думает о чем-то. Молчун и есть. Все к нему так и обращаются, впрочем, его это вполне устраивает. А вот второй всё нет и нет. Арди её вроде звать. Крупная девка, кровь с молоком. Такая в кабаке любой зайдёт смело, и ещё вопрос, кому там больше риска выйдет! Светлые волосы вяжет в тугую короткую косу, и если бы не она да вечный бурый платок, повязанный на шее, я бы со спины с мужиком спутал. А вот на лицо приятная».

Старый десятник ненадолго провалился в воспоминания, мысленно перебирая женщин, которые у него были за долгую жизнь. Морщинистое лицо разгладилось и глаза так по-молодому блеснули глядя на десятилетия назад.

«Да, она ничего так! Не аристократия конечно — черты слишком простые и крупные, но приятные. Так же налегке идёт, как хрен этот горелый, словно сговорились. Ещё и куртка на манер одежды Молчуна... Точно сговорились! А вот оружие другое. Лук, меч и кинжал, что до меча лишь немногим не дотянул, да полупустой мешок за спиной. Ну с этой хоть парой слов можно перекинуться. Правда рядом с отрядом её тяжело застать. Видел, как на звук тетерева приговорила. И сама же его схарчила за ужином. Лес тоже знает, так что уверен, что польза будет.»

Вергард вновь упёрся глазами в хмурого дварфа. Потом медленно перевёл взгляд на Толса. Вскоре он оглядел всех из десятка по очереди и взгляд вернулся в дорожную грязь. Десятник скорчил лицо, как от зубной боли и с досадой потёр лоб.

«Да, по большому счету на неё и Молчуна вся надежда. Толс с десятком привыкли в караулах скучать, да пьяных гонять по городу, какие им поиски пропавших в глухих лесах? Если верить письму от старосты, пропало двадцать человек. Пошли работать в поле утром, а в полдень никого уже и не было. Думается, перепились где-то, но староста тамошний, говорят мужик серьёзный, своих в кулаке держит. Видимо, правда что-то приключилось, не самое хорошее. Эх, затек я весь. Жопа квадратная уже от лавки, и такая же деревянная. А ну-ка, пройдуся немного».

Вергард тяжело спрыгнул с телеги, помял немолодые уже колени и побрел рядом. Всё тело затекло и идти удавалось лишь сильно прихрамывая. Низкие серо-стальные тучи мешали понять перевалило ли за полдень, но по его ощущениям — да, и часа через четыре должны показаться ворота Каменной Топи. А уж там, сытому да с полной кружкой, да ещё сидя у очага, жизнь будет куда милее, а проблемы... Проблемы как-нибудь да разрешатся. Не впервой. Старый десятник человек бывалый, и не такую кашу расхлёбывал.

Вергард зло зыркнул на тучи и негромко ругнулся. Небо быстро темнело, будто передразнивало хмурившихся в ответ Далура и Молчуна, но пролиться дождём всё не решалось. По-осеннему холодный ветер увлечённо шуршал листвой и намекал что всё может измениться в любую секунду.

«Сухо пока. И на том спасибо! Мёрзнуть в намокшей одежде, продираясь по раскисшей дороге — то ещё удовольствие. А вот Толсу, похоже, всё нравится: едет себе на кобыле чуть позади, довольный, под нос себе всё песенки насвистывает. Интересно, что за радость такая у него? Хотелось бы тоже так радоваться ссылке в глухомань. Хотя я рад. Дело то у меня важное, да ещё какое! Ну ничего, ещё несколько часов, и пиво, ну или сидр с горяче...»

Над ухом испуганно и пронзительно заржала лошадь. Вергард весь подобрался и начал было поворачиваться, но лента дороги коброй метнулась в лицо и взорвалась темнотой.

И чего он всё время косится? То и дело пялится, неужели и правда думает, что получается украдкой и его не видно? Ну хоть с разговорами лезть перестали и на том спасибо!

Далур раздраженно фыркнул и несколько раз капнул пахучего густого масла на войлочную тряпицу. Рука начала ритмично тереть металл оружия. Конечно, он понимал, что это ни к чему, и никакая ржавчина не осмелится появиться на доброй dwarфийской стали ещё очень долго, но он себя не простит если такое вдруг случится.

Клонило в сон. Прошлой ночью удалось задремать лишь под самое утро, как и за день до этого. Впрочем, как и за два. Стало хуже. Далур не мог вспомнить, когда хотя бы три дня подряд ему удалось нормально поспать. Незваные гости приходили аккурат к моменту, когда он начинал дремать, а после них... После них уже ни о каком сне до утра и мечтать не приходилось. Телега ещё эта раскачивается из стороны в сторону, словно колыбель.

Далур потёр глаза. Сейчас что-ли подремать пока не доехали? Авось топор за пару часов не заржавеет. Dwarф ещё несколько раз любовно провёл тряпицей по блестящему металлу и положил оружие возле себя. Мало-ли что в лесах этих может случиться. Ненадёжные они... Когда до посёлка-то доедем?

Далур повернулся к шагающему невдалеке Вергарду. Только dwarф открыл рот, чтобы спросить, как лошадь Толса с перепуганным ржанием встала на дыбы и ударила перед собой копытами. Противно хрустнуло и брызнула кровь. Вергард ничком рухнул в жирную грязь. Толс не удержался в седле, мешком шлёпнулся на дорогу и махом выплюнул весь воздух из лёгких. Он беззвучно открывал и закрывал рот в тщетных попытках вдохнуть хоть немного.

Далур повернулся в сторону головы их небольшой колонны. Буквально в десяти шагах на краю дороги возле плотных зарослей кустарника стоял медведь. Он жадно вдыхал воздух и водил большой головой по сторонам. Умные глаза внимательно смотрели на вооруженных людей, словно пытаясь понять их намерения. К испуганному ржанию лошадей присоединились звуки извлекаемых мечей, но никто не торопился подходить на расстояние удара лапой. Стражники бестолково толпились с оружием в руках, разом лишённые и десятника, и его заместителя — Толса. Они лишь выставили мечи перед собой и громко, наперебой выкрикивали ругательства. Тщетно. Отпугнуть животное таким нехитрым способом не удавалось. Слово ободрённый замешательством людей зверь глухо заворчал и начал медленно приближаться к стражникам, тяжело переваливаясь на мощных лапах. Лошади, испуганные запахом крови и такой близостью с хищником, гарцевали и были готовы в любой миг удариться в паническое бегство.

Далур спрыгнул с повозки, громко звякнув кольчугой, и кинулся к Вергарду. Под головой старого десятника быстро рос круг пропитанной алым дорожной грязи. Dwarф осторожно приподнял окровавленную голову, раздвинул остатки волос на затылке десятника, и осмотрел рану. Влажно блеснула кость и Далур в сердцах сплюнул. Рана была поганой. Не каждого dwarфа удавалось спасти с такой, чего уж говорить про человека?

Раздался резкий свист, Далур ненадолго отвлёкся от раненного десятника и уставился в направлении звука.

Молчун шёл навстречу медведю уверенным шагом. Хищник встал на задние лапы, шумно втянул воздух и оглушительно заревел. Молчун остановился в трёх шагах от медведя. Мужчина едва доставал до груди хозяину северных лесов и казался совсем маленьким и незащищённым. Одно движение могучей лапы и человеку несдобровать. Молчуна делал руками едва различимые быстрые пассы. Грозный рёв сменился недовольным утробным ворчанием, а медведь встал на четыре лапы и теперь просто смотрел на маленького человека. Dwarф был готов поспорить что в глаза. На голове Молчуна выступил пот, крупные капли текли по затылку и шее за пазуху, но он продолжал молча стоять и делать резкие жесты руками.

Далур проклял себя за промедление и принялся рвать рукав у десятника. Dwarф ожесточенно ругался в бороду, почти рыча. Ещё раз быстро осмотрел рану. Начал ругаться ещё злее, не забывая сноровисто накладывать повязку. Странно, что такие большие руки с толстыми пальцами могут делать такую тонкую работу столь быстро и аккуратно. Грязная тряпка в тот же миг расцвела красным. Далур окликнул ближайшего стражника, замороженно следящего за гляделками Молчуна с медведем.

Мужчина не шелохнулся, будто не услышал громкого окрика. Тогда Далур подскочил к нему и сильно дернул за руку в направлении Вергарда. Стражник едва не упал в грязь, чудом устояв на ногах.

— Давай же, мать твою, помоги мне положить его на телегу! Та-ак, взяли. С-сука, ты как берёшь?! Аккуратней! Я тебе руки вырву, ещё раз так схватишь! Быстрее, быстрее! Та-ак, клади. Теперь помогай. Тут держи! — положив руки стражника на место, где нужно прижать повязку, Далур принялся копать в своём мешке. Меж пальцев стражника сквозь ткань текла кровь — Ну брал же, брал! Где оно? А, вот! Та-ак, убирай руки. Убирай, говорю! Нет, клянусь сталью, я тебе их оторву если не уберёшь! На вот, держи. Полей, когда скажу, половину пузырька. Вот сюда. Та-ак...

Далур закончил с повязкой и снова позволил себе отвлечься от десятника.

Возле стражника, стоявшего ближе всех к кусту, раздалось шуршание, и на дорогу вывалились два медвежонка. Они тут же испугались такого страшного человека и один из них пронзительно вскрикнул. Второй же,

подражая взрослым медведям, встал на задние лапы. Он едва доставал до пояса человеку, но принялся тонко реветь и испуганно косить на мать.

Медведица с видимым усилием оторвала взгляд от глаз Молчуна и неуверенно заворчала. Тряхнула большой головой, словно стараясь отогнать какое-то наваждение. Спустя мгновение она яростно взревела и кинулась к стражнику, стоящему около медвежат, со скоростью, которой никак не ожидаешь от такого крупного зверя. Одним ударом здоровенной когтистой лапы она опрокинула человека на землю и тут же сомкнула челюсти на его шее. Быстрыми и мощными рывками медведица трепала стражника из стороны в сторону. За рычанием зверя отчетливо слышался хруст кости. Морда медведицы быстро покрылась кровью. Человек безвольно мотался из стороны в сторону, словно огромная кукла. Стражники наконец очнулись от оцепенения и с криками плотным полукругом обступили её. Но отогнать разъяренное животное от товарища не удавалось.

Медведица встала на задние лапы и загородила собой своё потомство, готовая убить каждого, кто сделает ещё хоть один шаг ближе. Над дорогой летали крики людей и оглушительный рёв зверя. Стражники делали короткие выпады мечами с разных сторон, и шерсть медведицы кое-где уже слиплась от крови.

Молчун снова пронзительно свистнул. Его руки не останавливались ни на секунду, продолжая свой причудливый танец. На этот раз он смотрел на медвежат. Твёрдо и спокойно, словно он не на лесной дороге рядом с взбешенной медведицей, а на ярмарке, в столице Левнара знаменитой на всё королевство своим зверинцем. Медвежата притихли и замороженно уставились на Молчуна.

Полоса воздуха между ними исказилась на миг, поплыла словно от жара. Лицо человека исказила болезненная гримаса, а медвежата истошно завизжали и кинулись прочь, в кусты. Громкое шуршанием удалялось в глубь леса. Медведица оглушительно заревела на людей и кинулась вслед за медвежатами, ломая подлесок.

— Что такое? Медведь? — из кустов с другой стороны дороги вынырнула крупная девушка с мёртвым тетеревом в одной руке и луком в другой — Отогнали? Расшумелись так, что всё зверье в округе распуга... — она осеклась, увидев стражника с почти оторванной головой, лежащего в луже крови.

— Медведица. С медвежатами. — Молчун нахмурился ещё больше обычного и утёр рукавом ручьём побежавшую из носа кровь. — Медвежат шуганул, мать за ними убежала.

— Лошадь не укокошила, так вы решили? — Далур снова принялся поправлять перевязь десятника. — Дед с минуты на минуту помрёт. В селение его нужно, мне его лечить-то нечем, а рана ой какая поганая. Как тебя там? М-м-м... Толс! Хорош хрипеть, подгоняй своих, его быстрее к лекарю нужно.

— Вини! Гар! Быстро погрузите его в те... Телегу. — Толс держался за грудь и жадно вдыхал воздух. Он сделал неопределенный жест в сторону покойника. — Торн! Бери мою лошадь и стрелой в Каменную Топь, гони вперед нас! — с каждым словом голос становился всё увереннее. — Пусть врачеватель тамошний готовится принять десятника. Скажи, что у него голова пробита, пусть готовит всё нужное! Гар, ты давай правь телегой. Гони быстро, но аккуратно. Не растрясги бы его совсем, до смерти. Ну, живо!

Нешадно погоняя лошадь и разбрасывая комья грязи, стражник скрылся за зарослями кустарника на изгибе дороги. Вскоре стихли и его крики.

Тропа стала споро исчезать под телегой. Споро, но совсем не весело. Далур склонился над раненым и время от времени что-то плескал из своего пузырька на повязки, приговаривая: «Та-ак, может, и сдюжит. С-сука, мозги наружу. Держись, дед».

Телега то и дело подлетала и тряслась. На особенно больших кочках не понижая голоса, дварф говорил всё, что думает о таких возницах, и что можно доверять людям с такими руками. Далур ловил на себе недобрые взгляды, но надолго от десятника не отвлекался. Позволял себе лишь с вызовом поглядывать секунду другую в ответ, и только. Ну да пусть косятся, главное, чтобы делу не мешали.

Хмурое небо заразило весь мир своей мрачностью. Всё вокруг затянуло стремительно сгущающимися сумерками, и тёмный лес по обе стороны дороги слился в мельтешащие чёрные стены. Ямы и ухабы на тропе стали едва различимы, а на каждый подскок телеги Далур привычно отвечал крепкой бранью.

Лес резко закончился, как швея ножницами обрезаала. Уже совсем стемнело. Ветер доносил от селения едва уловимый запах дыма и чего-то съедобного. Над чёрной полосой на возвышении то тут, то там, виднелся свет в незакрытых ещё ставнями окнах. По обе стороны ворот горели два огромных факела, освещая добротные створки. За ними кроме темноты, ведущей вглубь посёлка нельзя было ничего разобрать. Истошно лаяли собаки и прыгали вокруг своих хозяев, кажущихся такими маленькими издали.

Гар не жалел лошадей и гнал всё быстрее и быстрее. Он изо всех сил торопился доставить раненого десятника к лекарю живым.

Фигурки людей стремительно росли, по обе стороны от ворот стал проглядываться частокол, да и сами ворота стали обрастать деталями.

— Осади. Не довели, — прогудел Далур и смачно, с досадой, сплюнул на пыльную обочину. — Толс! Вергард умер.

Глава 2. Ноша

— Вставай. Надо завтракать и идти. Толс сказал, будет ждать у старосты через час после рассвета, — над только недавно задремавшим дварфом нависла фигура Арди.

Едва светало. Сквозь небольшие оконца у крыши проглядывалось медленно сереющее небо. Сильно пахло свежим и чистым сеном.

Далур привстал на локтях и огляделся — глаза напряжённо прочесали тёмные углы.

Никого.

Дварф заметно расслабился и размашисто потянулся, до хруста в суставах и дрожи в руках. Ещё одна ночь прошла. Пускай она снова была почти бессонной, но зато до вечера можно не бояться... Далур пододвинул свои тяжёлые, подкованные сапоги ближе и принялся перематывать портянки.

Молчун сидел у расстеленного на сене плаща, разламывал свежий хлеб и разливал по глиняным чашкам молоко. Арди взяла небольшой узелок из ткани и развернула его. Там оказались несколько толстых ломтиков мягкого домашнего сыра. Всё это богатство они выменяли на тетерева так удачно добытого вчера. Ну и с дороги ещё остались вяленые полоски мяса. Завтрак обещал быть вкусным и сытным — как раз то, что нужно перед тяжёлым и долгим днём.

— Видок у тебя так себе! Чего, не спал всю ночь? — спросила Арди дварфа и отправила в рот кусок хлеба.

— Не спалось, вот и не спал, — Далур спросонья не понял вопрос девушки. Он подсел к еде и принялся вяло жевать полоску мяса. Покрасневшие глаза дварфа уставились куда-то в пустоту, а брови привычно сошлись на переносице.

— А ты куда? Не голоден что-ли? — Арди недоумённо посмотрела на отошедшего в сторону Молчуна. — Кто знает, будет ли обед...

— Успею.

Дварф и девушка жевали с аппетитом и поглядывали на Молчуна. Тот сидел неподвижно и если бы не медленно вздымающаяся грудь, его можно было бы принять за изваяние. Минуты тянулись одна за другой, пока, наконец, Молчун не встал и принялся ожесточённо тереть лицо ладонями.

— Что это ты делал? — Далур недоверчиво уставился на мужчину. — Ты просто молча сидел как статуя.

— Думал, — буркнул Молчун и в свою очередь принялся за еду.

Арди и Далур почти доели, и теперь лишь не торопясь пили свежее молоко. Молчун налегал на сыр и хлеб. Крошки падали на плащ, но мужчина аккуратно их собирал и отправлял в рот.

— Вергард мёртв, а договорённость была только с ним, и то устная, — девица потянулась и сладко зевнула. — Не зря же столько времени тащились в глушь. Зима на носу как-никак. Деньги на зимовку ой как пригодятся. Думаю, Толс знает, о какой сумме шла речь, но всё же не хотелось бы потратить столько времени впустую.

— Впусту-у-ую? — Далур недоумённо растянул слово. — Вона сколько бедолаг пропало, может, и живыми уже нет, а тебе всё золото подавай? Разберись, попробуй, что в головах творится. — дварф мигом вспыхнул. Он немного набылчился и уже открыл было рот для продолжения, когда его прервала Арди.

— Да погоди, — девица примирительно подняла руки — Я же не говорю, что если Толс нам не заплатит, мы сразу развернемся и поминай как звали. Может, староста чего предложит. Не знаю, как ты, Далур, а я — наёмница. Помогаю тому, кто помогает мне. Я — мечом, мне — монетой. Я не прочь выручить кого-то. Но не в том случае, если это растягивается на месяц и в итоге мне в лучшем случае скажут спасибо. — она недовольно поморщилась — Тут такая штука Далур, что сапожник не продаст мне обувь за «спасибо», да и кузнец меч не станет править. Жирный трактирщик на постоялом дворе затребует свою плату за крышу над головой и горячий ужин и уж поверь, эта плата должна будет позвякивать.

— Есть что-то кроме денег в твоей голове? Совесть? Сострадание? — Далур буравил девушку глазами.

— Как есть не выспался. Только глаза продрал, и сразу о высоком. — девица поморщилась. — Есть. Но высокими идеалами и громкими речами сыт не будешь. Мы уже здесь, посмотрим, что удастся выяснить. Но будет лучше, если по окончанию работы мой кошель потяжелеет. Впереди зима. Её нужно будет переждать в городе, под крышей, у уютного очага. Ты можешь податься в свои горы или шахты, или где вы там обитаете. А я — птица вольная. Всё моё в заплечном мешке, да, может, ещё в паре мест, слишком далёких отсюда, чтобы о них вспоминать. Ладно, чего спорить. Всё решится уже вот-вот.

— Горы... — тихо протянул Далур и помрачнел ещё больше. — Неча языками впустую молоть, пошли к Толсу, — проворчал дварф, всем своим видом выказывая недовольство. — Сколько времени уж прошло, как пропали. А мы всё трепемся, да плату обсуждаем.

— Ну пошли, — девица хмыкнула и принялась укладывать свои нехитрые пожитки в мешок.

Молчун энергично жевал горбушку и, не проронив ни слова, наблюдал за беседой. По обезображенному лицу

невозможно было понять чью сторону тот занял в мыслях. В один глоток он допил остатки молока, с некоторой тоской и сожалением поглядел на лежащий на сене плащ, тёплое и уютное ночное пристанище, и принялся сворачивать его.

Вскоре наёмники вышли из сарая. Они плотно затворили за собой скрипнувшую створку и быстро пошли по изогнутой, словно коромысло, улице. Дом старосты стоял не очень далеко, вчера они бывали возле него, но уже затемно. Этот посёлок слишком мал, чтобы заблудиться, да и дорога уже была известна.

Хоть осень уже принялась красить листья, а затем безжалостно их срывать и разбрасывать по округе, небо было чистым. Чудесное утро обещало стать погожим и тёплым днём, будто и не было вчера чёрных тяжелых туч, грозящих пролиться дождём.

Каменная топь оказалась типичной северной деревушкой, с низкими и основательными срубами домов. Крыльцо каждого жилья украшала различная резьба: животные, деревья или же просто какой-то нехитрый узор. Дома чередовались с добротными сараями и загонами. Кто-то выращивал на заднем дворике какую-то еду, кто-то держал скотину. Несмотря на царивший вокруг порядок и основательность, в воздухе тяжёлой тучей висела тревога. Пастух гнал овец и хмуро глядел по сторонам, а не насвистывал обычную для себя, задорную песенку. Бабы у колодца тихо переговаривались, многие с заплаканными лицами и красными носами, натёртыми платками за бессонную ночь.

Ни смешков, ни перешёптывания за спиной у незнакомых наёмников. Посёлок-то небольшой, душ сто пятьдесят, и пропажа двадцати человек отразилась на каждом. Друг, брат, сосед, собутыльник в кабаке. Переживали беду всем миром. Хорошее настроение от уютной ночёвки и такого славного светлого утра стало быстро улетучиваться.

Спутники впитывали тревогу, щедро разлитую вокруг них. Отовсюду доносились обрывки невесёлых разговоров.

— Дак две недели уж нет, даже больше поди...

— Не найдут! Куда там...

— Эх, жалко Лани, одна ведь осталась, малютка совсем...

— Стража-то с городу не годна ни на что! Мне свояк с Лесного предела всё про них рассказал...

— Руг мне серебро должен! До ярмарки занимал. Эх, теперь пропали денежки.

— Что ты! Что ты! Сердца у тебя нет...

— Отару Гвина пока сам пасу, а что делать?

В конце узкой улочки показался дом, явно побогаче и побольше всех прочих. У крыльца стояли люди, и даже издали на большинстве из них угадывались форменные куртки стражи Лесного Предела. Они разговаривали с высоким и худым стариком. Его длинные усы нависали над седой щетиной и раскачивались от каждого движения.

Некогда добротный кафтан теперь сидел мешком, придавая помятому старику совсем уж неопрятный вид. Глаза устало смотрели поверх тяжёлых чёрных мешков, которые было видно и с десяти шагов.

Старик что-то говорил то Толсу, то стоявшим возле него мужикам. Судя по одежде, те были местными. Дед досадливо дёрнул себя за висячий ус и смачно сплюнул на землю.

— Да пойми ты, Гарон! У меня приказ! Старший офицер умер, и я теперь должен доложить в город о случившемся и получить дальнейшие указания. Мне жаль, но я вынужден ждать несколько дней, пока моя весть дойдёт до начальства, они решат, что к чему, и ответят.

— Что я людям-то скажу? — Гарон, наверное, в сотый раз досадливо сплюнул. — Вот этим вот! — он указал узловатым пальцем на мужиков, стоящих рядом. — Жёнам я что скажу? Пришли, мол, спасители, наших искать. Сидят вот теперь на солнышке, греются, ждут всё чего-то. А пропавшие ваши, значит, ещё погодят. Днём раньше, днём позже — невелика разница. Так выходит? Ты-то запрёшься в трактире, а мне-то людям в глаза смотреть. Эх, недаром про вас говорят... — Гарон ещё раз махнул рукой и смолк.

— Что говорят? — недобро щурясь, спросил Толс — Кто-то прилюдно и намеренно позорит честь и достоинство городского стражника?

Гарон хмуро и недовольно смотрел на Толса, и молчал.

— Нам никого ждать не надо, почтенный староста, — бесцеремонно влезла в разговор Арди — Это Молчун, это Далур. Меня можешь Арди звать. Если наша договоренность с Вергардом ещё в силе, мы можем приступить к поискам хоть сейчас. Ночёвка придала сил, дело неотложное, так чего нам медлить?

— Вергард сам решил вас нанять и сам хотел платить. Я его кошельку не хозяин. Его деньги я отвезу назад в Лесной Предел, и их отдадут вдове. Я, конечно же, включу в донесение вопрос об оплате наёмников, но сам раскошелиться не готов. Ждём ответа от наших старших. Всё! — Толс перебил начавшего было что-то возражать Гарона. — Я распоряжусь, мой десяток опросит людей в посёлке. Составим пока план. Если придёт ответ «искать» от капитана — тут же и начнём.

Толс резко развернулся на пятках и пошёл прочь. Стражники безмолвно пошли за ним.

— Вернёшь ты вдове, как же, пёс шелудивый, — с плохо скрываемой злобой процедил староста в спину Толсу. Он устало повернулся к Арди. — Денег-то у нас немного. Я не знаю, на какой цене вы сошлись с этим Вергардом, но я навряд ли смогу её выплатить. Хотя помощь нам очень нужна, видят Держатели Мира, это так. Я не ожидал, что нужно будет платить, не готов я к этому. Со своими-то я конечно пошукаю, глядишь соберем чего. Говорю сразу, не шибко много. Мы тут не жируем.

— Я последнее брать не стану. Но и мимо не пройду! — запальчиво начал было Далур, но Арди его прервала.

— погоди ты. Может, и не придется вообще ничего брать. Не такие же дураки руководят стражей, как этот Толс. Думается мне, что добро они дадут. Скажи, почтенный, — Арди уже обращалась к старосте — с кем можно поговорить тут? Может, кто видел или слышал, чего? Может, смутьян был какой, подбил мужиков, и они в лихие люди подались? Оно ведь всякое бывает. Есть хоть что-то? Мы всё, конечно, сами проверим и посмотрим, но укажи хоть с чего можно начать.

Молчун бросил взгляд куда-то на крышу дома старосты, нахмурился и задумчиво хмыкнул.

— Знаешь, Арди, такое дело, всё больше сплетни и домыслы. Свидетель есть один, да только поди пойми, правду говорит или выдумывает. Девчонка, одиннадцати лет от роду, несла обед отцу на поле, тот забыл свёрток дома. Вот она говорит, что видела у дальнего леса кого-то. Может, зверя, а может, и нет. Невысокие и в шерсти все. На поле-то никого уже не было. Она прибежала к нам вся в слезах, ничего толком было не понять. Испугалась, что папку не нашла, эти ещё у леса... Ну мы-то сразу и пошли сами глядеть, что стряслось. Инструмент весь пропал с зерном, скошенным вместе, а следы вели сначала к лесу, потом к дороге. Охотники наши сказали, что толпой шли, сами ли, или вёл кто — неясно. За день до того праздник был у нас, свадьбу гуляли, у озера, до которого идти аккуратно по той дороге. Натоптали так, что теперь и не понять, что уже было, что только появилось. Вот и все зацепки. Окрестности-то все мы сами облазали, на полдня перехода. Толку чуть. А насчёт того, что в лихие подались — сильно сомневаюсь. Кто же разбойничать перед зимой уходит, когда обозы ходить прекращают? Да и жёны с детьми остались почитай у всех. Старшим на работы с ними Бранд пошёл, мужик ответственный. Он бы дело так не оставил. Да и почему посреди работы с поля прямиком? А следов драки или борьбы там не было.

Гарон поскрёб узловатыми пальцами колючий подбородок и грустно вздохнул.

— Знаешь, я тут всю жизнь с этими людьми бок о бок прожил. В лихие люди они точно не пойдут. Случилось что-то, сердцем чую, а умом понять не могу, что именно. Можете, конечно, поспрашивать у охотников наших, они окрест всё прочёсывали, но не думаю, что они больше моего вам скажут. Ещё раньше, в день свадьбы значит, сынишка травника нашего, Ингвара, ушёл, как водится, за кореньями да листочками в лес. Да так и не дождался его обратно. Ингвар совсем скис. Сначала метался сам по лесу, как ненормальный, а последние дней пять из дому не выходит, пьёт как не в себя. Кроет всех, кто к нему придёт, чёрной бранью и дверь не открывает. Мы уж и так к нему, и эдак... Видать, время нужно. Пусть переболеет мужик, сын всё-таки пропал.

— Как пьёт? Мёртвым-то его не нашли. Может живой еще, помощи ждёт где, а он пьёт? — глаза дварфа округлились от возмущения, дыхание участилось. — У нас бы такого папашу быстро без бороды оставили и выгнали с позором на все четыре стороны. Видано ли, сын пропал, а он усы в кружке мочит. Стыд и позор!

— погоди, Далур, сейчас не о его совести речь, — встряла Арди. — Почтенный, скажи, где мы можем найти этих охотников и Ингвара? Хотелось бы лично переговорить с ними, важной может оказаться любая мелочь.

— Гейб! Давай сюда, бегом! — Гарон окликнул паренька лет тринадцати, крутящегося неподалёку. — Проводи гостей куда скажут, да сбежать не вздумай. Смотри, уши быстро оборву.

Паренёк опасливо сглотнул и посмотрел на сурового мужчину, а его рука потянулась к уху, словно стараясь защититься от наказания.

— Куда хотите? — спросил мальчишка. Он бесцеремонно и с живым интересом разглядывал незнакомцев, покрытую шрамами голову Молчуна и многочисленное оружие Далура.

— Для начала к охотникам, потом уж куда они скажут, — ответил за них Гарон. — Если буду нужен — я в посёлке, беда бедой, а остальным как-то зимовать надо. Дел куча что твоя гора. Что будет нужно — обращайтесь. Тут вам каждый скажет, где меня искать. А дом мой вон тот, — староста указал рукой себе за спину, устало вздохнул и заторопился куда-то по улице.

— Идём скорее, тут недалече. Мне ещё с отцом дрова готовить надоть, он сейчас придёт. — сказал мальчишка, громко шмыгнув носом, и крикнул мужчине, стоящему неподалёку: — Верн! Скажи отцу, что я на дяляк сразу прибегу, Гарон сказал показать им, где тут что. — он не дождался ответа и с важным видом он зашагал по улице. — Пойдем, отведу куда надоть. Я тут всё-всё знаю!

Народа стало попадаться всё больше, и почти каждому встречному паренёк походя сообщал, важно раздувая щёки, что помогает городским в поисках, по указанию Гарона.

— Красивый топор, — сказал Гейб и снова стрельнул глазами в секиру дварфа. — А он острый? Я на дяляке работаю совсем тупым, но тяжёлым. Во-о-от такенные поленья расшибаю, — он развел руки, как будто пытался обхватить ствол дерева. — А твоим так можно? Твой, наверное, тоже тяжёлый, вона какой большой, — он снова

дождался ответа и начал рассказывать очередному встречному, что помогает страже по поручению Гарона.

За небольшим изгибом улицы показался частокол и ещё одни ворота — копия тех, через которые въезжали вчера — с распахнутыми створками.

— Вот в этом доме Ингвар живёт, — Гейб ткнул пальцем в стоящий первым к воротам дом с небольшим огородом, заполненным аккуратными рядами небольших кустиков и трав. — И до дома охотников тут недалеко, за ворота выйдем и видать его уж около леса.

— Давайте сначала этого Ингвара поспрашиваем, всё по пути, а потом уж в лес пойдём.

— Я за. Чего попусту сапоги туда-сюда топтать, — пробурчал дварф.

Арди вопросительно посмотрела на Молчуна. Тот коротко кивнул, и девушка продолжила: — Следов уже, конечно, не прочесть, но вдруг ветку какую сломали, или уронили что-то.

При упоминании Ингвара, а может и леса, Далур морщась что-то отрывисто буркнул, но спорить не стал и пошёл вслед за остальными по направлению к крыльцу.

Молчун несколько раз ударил в дверь и стал прислушиваться — тишина.

— Отец говорит, Ингвар водку жрёт что ты воду, — неуверенно произнес Гейб переминаясь с ноги на ногу у крыльца. — А как напьётся, брешет на всех, как собака цепная, да биться лезет, хоть на ногах не стоит толком. Первые дни к нему ходили поддержать, а опосля плюнули. Я его, поди, дня четыре уже не видал.

Далур нахмурился больше обычного, зло дернул себя за бороду и решительно поднялся на крыльцо. Молчун с усмешкой сделал шаг в сторону, давая дорогу дварфу. С немалой силой Далур несколько раз ударил кулачищем в дверь. Та немного приоткрылась и сразу уперлась во что-то. Дварф навалился плечом и толкнул. Дверь с громким скрежетом открылась наполовину. Она оказалась не заперта, но подпёрта изнутри тяжёлой скамьей.

— Жди здесь, — сказала Арди пареньку и шмыгнула в здание следом за Молчуном и Далуром.

После уже вполне разгоревшегося утра в помещении оказалось темно. Ушло какое-то время на то, чтобы глаза привыкли к царившему здесь полумраку. Далур видел в темноте, как и все дварфы, но и без этого обоняние уже говорило о многом. В комнате стоял густой запах целой смеси «ароматов». Запахи испорченной еды, рвоты и какой-то кислой браги проникали в нос и, казалось, уже не планировали покидать его. Далур попытался прочистить горло и толи кашлянул, толи отрывисто рыкнул.

В скором времени глаза привыкли к освещению и у Арди с Молчуном, и они увидели лицо дварфа, искажённое гримасой отвращения. Его взгляд упирался в грузного мужчину на полу. Тот лежал без рубахи и в светлых штанах, подозрительно темнеющих в области паха. Слипшиеся пряди длинных сальных волос рассыпались вокруг головы. Скомканная, измазанная рвотой рубаха лежала в трёх шагах от него. Грудь мужчины медленно и размеренно поднималась.

— Открой ставни. Здесь нужно проветрить, — бросил Молчун Арди и, взяв кружку со стола, вышел на улицу.

Пока Арди управлялась с окном, Молчун вернулся с кружкой, с которой капала вода. Аккуратно смотря куда ставит ногу, он подошёл к лежащему на полу и вылил половину ему на лицо, после чего отвесил звонкую пощёчину.

Свет из открытого окна упал на покрасневшую щёку Ингвара. Раздался невнятный то ли вздох, то ли мычание. Молчуна обдало кислым перегаром. Ещё половина кружки и ещё одна пощёчина.

Пьяный наконец открыл глаза, приподнял голову и совершенно стеклянными глазами посмотрел куда-то сквозь Молчуна.

— Что э-э-э ты... Эм-м-м. Да... Уф-ф-ф... Э-э-э-э. — Глаза вновь закрылись, и голова с глухим стуком упала обратно на пол. Руки потянулись было к ней, но опали на середине пути.

— Этот нам не помощник. До полудня так точно, — Арди смотрела как Далур, сокрушенно качая головой и хмурясь, вышел на улицу. — Пойдём к охотникам. Может, они что-то нам расскажут. А этот... Этот пусть... Отдыхает.

Свежесть утреннего осеннего воздуха почти кружила голову после запаха в доме, но ощущение того, что вонь успела за это короткое время вьестись в одежду, не покидало. Далур с отвращением ерошил бороду своими толстыми пальцами, словно старался вычесать зловоние из жёстких густых волос.

— Гейб! Скажи нам, где найти дом охотников, а сам тем временем иди к Гарону и передай ему, что к вечеру Ингвар нам нужен трезвым. Пусть приставит к нему кого... — Арди заметила, что парень не рад заканчивать своё приключение и возвращаться к работе на делянке, добавила: — Это очень важно, ты теперь посыльный нашего отряда. Не подведёшь? — она дождалась пока паренёк надулся от гордости и замотал головой и сказала: — Спасибо.

— Как в ворота пройдёте, вам напрямик по дороге долеса, потом поверните направо и вдоль опушки немного. Не срезайте только, там овраг. Не промахнётесь. Могу довести хоть до самого порога, коли вы...

— Гейб, мы найдём. У тебя важное задание. Так что не стой, беги, — Арди посмотрела вслед убегающему мальчишке и заторопилась за уже немного отошедшими спутниками.

Далур непрерывно что-то рычал на своём гортанном и резком языке себе в бороду. Знать дварфийский было не обязательно, чтобы примерно понимать, что же говорит дварф. Презрение и брезгливость сквозили в каждом жесте, в каждом слове, не говоря уже о выражении лица. Оно побагровело и то и дело кривилось.

Молчун немного поотстал, и шагал к воротам, в открытую ухмыляясь ругани Далура. Арди поравнялась с мужчиной, негромко сказала: — Ишь ты, гляди как заливается. Как бы травник там пламенем не полыхнул от таких посылов.

Улыбка Молчуна стала ещё шире. На обожжённом лице она выглядела неуместной и жутковатой.

— Да уж, пить, воевать да ворчать — в этом им равных нет. Слышал бы Ингвар, как его тут распекают — протрезвел бы тут же. А если по делу — нам Ингвар Ссаные Портки немного, сказать-то может. Разве что где обычно сбор запасов проводили... А сынок мог пропасть где угодно, лес-то большой. И вообще это может быть никак и не связано.

— Смотри, — вдруг тихо сказал Молчун и незаметно ткнул Арди локтем. Мужчина перестал улыбаться и кивнул на правую воротину, — этот ворон за нами от самой ночёвки следует. Лапки нет. Приметный.

На воротах действительно сидел крупный ворон и крутил головой. Птица, словно поняв, что говорят про неё, мощно хлопнула крыльями и устремилась в сторону леса.

— Вороны — умные птицы, — Арди пожала плечами. — Этот ещё и любопытный. Не думаю, что здесь есть что-то удивительное.

— Я его не чувствую. Совсем. — Молчун озадаченно потёр место, где раньше было ухо и уставился через открытые ворота вслед улетающей птице.

Арди вновь пожала плечами:

— Ты и медведя не почувствовал, к огорчению Вергарда. А тут птица...

— Не так всё просто. Я чувствую только когда намеренно пытаюсь. — Молчун продолжал смотреть на крошечную чёрную точку вдалеке.

Арди хмыкнула и промолчала.

Они миновали ворота, и они обнаружили Далура, вглядывающегося в даль. С северной стороны городок стоял на возвышении. По каменистым склонами вниз утекала широкая дорожка. Она петляла меж щедро рассыпанных здесь валунов и трещин в породе. Далеко впереди дорожка упиралась в сплошную желтеющую стену деревьев.

Молчун повёл взглядом вправо от тропы, по кромке леса, пока не увидел вдалеке едва различимую крышу, торчащую над невысоким кустарником. Он указал рукой в том направлении.

— Нам, видимо, туда, — прогудел Далур. — Погодите чуть. Я сейчас, мне надо... гхм... Я отойду малёха в сторону. — дварф быстро пошёл в сторону вдоль замшелой бревенчатой стены, пока не скрылся за валуном.

Остановившись, он сбросил мешок со спины и прислушался. Поняв, что за ним никто не пошёл, дварф принялся расстёгивать ремень. Чуть приспустив портки, он нащупал небольшой внутренний карман и извлёк оттуда круглый плоский камешек с незаконченной руной. Поправив шганы, он зажал камень в широкой ладони, а другой рукой принялся кинжалом выцарапывать недостающие линии, изредка поливая камень пахучей мутной жидкостью из небольшого пузырька.

Вскоре дело было сделано. Руна тускло блеснула и исчезла, а Далур удовлетворённо хмыкнул и бросил влажный камень куда-то вдаль. Дварф дождался приглушенного удара и пошёл обратно к спутникам.

Солнце уже поднялось высоко, тучи на небе так и не появились. Тёплый ветерок несильно колыхал бороду Далура и плащи всех троих. Идти по широкой, хорошо утоптанной и сухой тропе под небольшой уклон было легко и приятно. День обещал быть светлым и тёплым.

Молчун крутил головой и всматривался в небо. Без внимания не оставались и редкие невысокие деревца неподалёку.

Арди едва слышно насвистывала что-то, и казалось, что она просто вышла прогуляться, наслаждаясь погожим утром.

Далур уверенно шагал впереди всех и исподлобья поглядывал на медленно надвигающийся лес. Что-то древнее в его крови говорило, что это не лучшее место для дварфа. Проклятые палки постоянно хрустят под ногами. Подлесок шумно ломается, когда коренастая фигура пытается продрасть сквозь него.

Ветки цепляются за бороду, стараясь вырвать большой клочок.

Ветки цепляются за кольчугу и ломаются с оглушительным треском.

Ветки цепляются за плащ и стараются удержать неловкого путника на месте.

Лес — это ужасное место для дварфа.

По сторонам от тропы то здесь, то там кустарник сменял овраги, и чем ближе становились деревья, тем больше зелени обступало дорожку. Впереди над всеми этими кустиками возвышалась тёмно-зелёная и лишь местами чуть пожелтевшая стена леса.

Граница угадывалась чётко — плотное переплетение ветвей, за которыми быстро терялась тропа, едва

пересекая её. Вдоль леса вправо уходила ещё одна тропинка, намного уже первой, куда все трое и свернули.

По этой узкой тропинке они вышли к небольшой поляне, на которой стоял большой дом. Из-за старого сруба скромно выглядывал небольшой сарайчик с дровяником и несколько пялок.

Возле сарая мужчина стаскивал здоровенные чурбаны к колоде, на которую был облокочен колун. Увидев приближающихся вооруженных незнакомцев, он схватил его и, выставив перед собой, закричал:

— Кто такие?! Назовись! — мужчина застыл и переводил испуганный взгляд с секиры Далура на лук Арди и обратно.

— Успокойся, почтенный. Мы от Гарона. Я Далур, это Арди, это ... гхм... Молчун. Опустит топор и никого не бойся. Мы пришли помочь, и нам от тебя только разговора и нужно.

Узкие плечи незнакомца опустились, колун повис вдоль тела, в расслабленной руке. Немолодой уже мужчина почесал большие залысины на седой голове и шагнул им навстречу.

— Прощенья прошу. Я — Танли, охотник. Вы поймите правильно, у нас такая беда, а тут вооруженные незнакомцы, — он снова немного напрягся и спросил немного севшим голосом: — А зачем Гарон направил вас сюда?

— Вы лучше других знаете эти места, к тому же вы уже пытались найти следы пропавших. Расскажи всё, что можешь, — Арди принялась расспрашивать Танли, пока Далур доставал восковую табличку и готовился делать пометки. — Что нам нужно знать про этот лес? Где-то поле, с которого пропали люди? Где обрываются следы? Что вы нашли? Кто захаживает в эти края? Кто мог бы это сделать? — Арди на секунду задумалась и продолжила: — Главное, куда они могли пойти? Может, какие-то хутора, или тракты есть неподалеку? Подумай крепко, Танли. Это важно.

Мужчина запустил руку в жидкие седые волосы и поскрёб затылок. Наконец он собрался с мыслями и заговорил.

— Да, а что я могу рассказать-то? Как сгинули. В лес зашли, значит, и до дороги нашей озёрной прямо ходом. Кустов наломали, конечно, по ним направление и поняли. А там как отрезало. Тропа там широкая и утоптана плотно. Следов на ней и не видать, да и дождей на то время с неделю, если не дольше, не было. Прошли мы по ней, конечно, до самого озера, прочёсывая обочины, значит, искали, где они сошли с тропы, но... Говорю же, как сгинули. Оленя след нашли. Тропа кабанья пересеклась, но людских следов близ озера как есть не видали. Тем более гурьбой такой шли, — брови сошлись к тонкой переносице, когда Танли пытался припомнить детали. — Разве что уплыли, но рыбаки нашенские с озера говорят, что не видывали никого в тот день.

— Так и что? Не испарились же они. Куда могли уйти? — чуть раздражённо спросила Арди.

— Думается мне, что если куда и ушли они, то на север. Озеро-то наше аккурат на северо-востоке от посёлка, значит. Поля на востоке. Охотимся мы обычно ещё восточнее или южнее. Реже на запад ходим за зверем, — мужчина начал грызть грязный ноготь большого пальца, хмуря брови всё сильнее. — Ну а так что... В одном дне с лишним на север — предгорья старого хребта. Моему прадеду его прадед рассказывал ещё, что в горах тех когда-то дварфы жили, да орки обитали. Только не один век уж не видывали здесь ни одних, ни других. На северо, значит, западе в днях двух пути топь большая. Туда не ходим совсем, как и на север далее, чем несколько часов пути. Возле топи попадаются стоянки гоблинские. На севере тоже, но реже. Знаете, леса здешние богаты, зачем судьбу за ус дёргать? Нам и южнее промысла хватит.

— Всё? — вскинул брови Далур, глядя поверх восковой таблички.

— Да вроде... — протянул Танли, но вдруг хлопнул себя по лбу. — Тракт, значит! Есть такой на западе! Идёт вдоль болот и упирается аккурат в предгорья на севере. Брошен давно. Кое-где ветровалом перекрыт. Ещё прадеды говаривали, что его дварфы мостили, торговать метили с нашими, с людьми, значит... Да так и не доделали. Обрывается вскоре. Сам-то я не видал, опять же, кто-то говаривал, кто — уже и не вспомню. Да и не ходит там никто. Большого сказать не могу. Рад бы, да нечего.

— Скажи, а гоблинов, будь проклято их племя, — Далур сплюнул и продолжил: — близ города не видели?

— Нет, почтенный. Только стоянки не ближе дневного перехода на север, и ещё дальше на северо-запад. Да я их, гоблинов этих, и в глаза не видывал ни разу за свой век. Только стоянки. Не лезут они к нам сюда.

На одну из пялок грузно приземлился ворон. Он зацепился за перекладину одной лапкой и с любопытством наклонил голову, глядя на собеседников.

— Я с твоих слов сделал зарисовку. Неточная, конечно, но хоть что-то, — Далур протянул охотнику табличку и стал водить палочкой, перечисляя, пока тот утвердительно кивал: — вот тут посёлок, тут горы начинаются. Примерно здесь поля, здесь озеро.

Танли ткнул грязным пальцем в табличку.

— Поля к городу ближе. Озеро навряде чуть севернее. Мы — здесь. Тракт старый не скажу, как идёт. Знаю лишь, что вдоль топей и с запада. А так навряде всё верно, — он поднял глаза на Далура и уважительно сказал: — Ловко ты со слов набросал. Нам сейчас, конечно, недосуг, работы валом... Но для такого дела... Вам нужен

проводник по лесам? Карта картой, но в лесу ходить уметь надо, заблудиться проще простого, а чащи ой какие густые встречаются.

Арди благодарно улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Спасибо, почтенный, но по лесу ходить обучены. Твоего рассказа и карты нам вполне хватит. Пойдём мы. Ещё раз спасибо за помощь. Скажи, в этом доме всегда кто-то есть? Вдруг что понадобится.

— Да, я тут пока дрова готовлю к зиме. Чуть позже придут ещё наши, с охоты — туши свежевать да разделявать. Так что тут почти всегда кто-нибудь да есть, — Танли поднял к груди сжатый кулак. — Удачи вам. Очень надеюсь, что найдёте чего. Много людей хороших пропало, надобно отыскать. Хорошо если живыми, нет — так хоть похоронить по-людски.

Молчун кивнул и отошёл в сторону. Он дождался пока остальные подойдут к нему, а Танли вернётся к работе, и спросил:

— Гобла?

— Думаешь, осмелели зелёные? — Арди неуверенно качнула головой. — А почему сейчас? Раньше ведь не трогали. Я уверена, что они и знают об этом посёлке, и охотников видели. Но ведь не трогали никогда. Хотя ты, наверное, прав. Больше-то некому, глухомань такая. Только почему без драки пошли неясно. Да и на кой хрен им селяне...

— Луки увидели, да и не полезли мужики в драку. Не готовы были люди, — последнюю фразу Далур произнес чуть презрительно, одновременно поправляя широкий воинский пояс с висящей на нём секирой. — А на что им люди так-то ясно. Боги их тёмные, ритуалы мерзкие. Почуяли зелёные слабину, болота — близко, дружина с городом — далеко. Я этих тварей руками ломать готов, пока ни одного гада не останется, — Далур заводился, дыхание участилось, кулаки сжались, он весь как-то нахохлился и набычился. — Они же... — поняв, что его понесло, он осёкся, прокашлялся и сказал: — Ладно. Карта у нас есть, лесоходы. Пошли искать следы.

Арди по плечу больно ударила невесть откуда прилетевшая шишка, где-то над их головами, у верхушек деревьев раздалось карканье. Потирая ушиб, она попыталась взглядом найти виноватого, но кроме листвы и веток зацепиться глазами было не за что.

— Где начнём? Нас, кхм... Трое... — Арди с сомнением покосилась на Далура, — в огромном незнакомом лесу. Следов нет. Скорее всего, это и правда гоблины. Я не слышала, правда, чтобы они угоняли в плен толпы селян, обычно они путников близ лесов и болот убивают и грабят. Да и то если только одиночку или совсем маленькую группу, но чего только не увидишь и не услышишь.

— До озера? — буркнул Молчун.

— А почему нет? Можем пройтись по дороге до озера, посмотреть повнимательнее следы какие-то, хотя времени уж прошло... Есть ли толк? Либо можем пойти к топям, где стоянок гоблинов больше, и тихонько, — она вновь с сомнением покосилась на дварфа, — посмотреть и послушать, что там происходит. Но если Далур прав, и гоблины увели их для какого-то своего ритуала, шансы, что они ещё живы, очень малы. Если вообще есть. Никто не захочет кормить столько ртов просто так столько времени. Опять же — нас трое. Велик шанс не набрести на стоянку, тем более на нужную. Тут я надеюсь, ты нам поможешь.

Она вопросительно взглянула на Молчуна, тот после короткой паузы кивнул.

— Далур, покажи-ка и нам табличку, — Молчун и Арди встали по бокам у дварфа и посмотрели на нацарапанную карту. — Подними-ка чуть выше. Так, хорошо. Поле здесь. Озеро здесь, мы здесь. Топь и гоблины где-то здесь. Значит, чтобы гоблинам прийти к полю с этой стороны, — она водила поднятой рядом палкой по табличке, — им надо было обходить Каменную Топь с юга, потом идти по лесам в которых охотятся местные, потом обходить поле по краю, и лишь потом выходить к людям. Долгий путь, да и зачем?

Молчун отрицательно покачал головой.

— Другой же дорожкой — пройти по равнине с северной стороны городка. По равнине, просматриваемой со всех сторон, к тому же в хижине охотников всё время кто-то есть. Гоблины трусоваты для того, чтобы в открытую ходить у посёлка, когда рядом есть прекрасный лес. Остаётся последний вариант. Самый удобный и простой. Здесь, — она ткнула палкой в область к северу от дороги, расположившуюся аккурат между озером и хижинной охотников. — Предлагаю поискать какие-то следы там, — она посмотрела на небо. — До сумерек ещё далеко, а как начнёт смеркаться, вернёмся в город и поспрашиваем у Ингвара, где они там корешки свои выковыривали с сыном на пару. Ну, пошли? Через час-другой будем на месте.

Молчун уверенно кивнул и поправил мешок за спиной.

— Годится! — Далур начал было что-то ещё говорить, когда над головой раздалось карканье ворона.

Молчун сразу нахмурился, как-то подобрался и замер. Вскоре он развернулся и зашагал по тропинке, тихо бормоча под нос: — Не чую...

— Я... В кусты, — Далур направился к ближайшим зарослям.

— У тебя всё нормально? Что-то ты зачастил, — поинтересовалась Арди.

— Молоко, наверное... Погодите пару минут, а то ищи вас потом по всему лесу!

Молчун остановился поодаль, а Арди хмыкнула, пошла к нему и сказала: — Ты смотри нутро какое нежное у него. Молока чуть попил и всё, под каждым кустом норовит отметиться.

Продравшись через стену из веток и листьев, Далур достал из внутреннего кармана плоский камень и стал пристально в него вглядываться. Что-то поскрёб кинжалом, чуть полил из пузырька. Долгое время ничего не происходило, но наконец камень потеплел. Далур облегченно вздохнул, спрятал камень в скрытый карман и широкими шагами пошел обратно.

— Я тут что подумал, — сказал, возвратившись к спутникам, Далур, — может, нам всё-таки взять с собой пару охотников проводниками? Да и лишние глаза на поисках... Не лишние. Как и луки, если столкнемся с гоблой. Нет, я не боюсь! — поспешно добавил он. — Но это будет... Хм-м... Надёжнее. Как отбить пленников у целой шайки всего втроём? Стрела она ведь под любой доспех дорожку найдёт. Скольких я убью, прежде чем это случится? Глупо будет так умереть. И людям не помочь, и самим сгинуть. Я-то дома насмотрелся на зелёных. Маленькими группами они не ходят. Мы их били... Но втроём это будет непросто. Ещё и среди этих проклятых веток, где они как рыба в воде.

— А впятером, думаешь, будет проще? — усмехнулась девушка и ободряюще улыбнулась. — Не переживай, Далур. Мы не на войну с ними идём. Только в крайнем случае, и только чтобы отступить. По поводу поисков... Молчун сказал, что у него есть способы поиска быстрее и тщательнее, чем помощь охотников. Тут уж доверимся ему. Да и если охотники наткнутся на гоблинов, вряд ли живыми уйдут. Так будет лучше, Далур, не сомневайся. А теперь пошли, у нас не так много времени.

Почти сразу они разделились. Арди забрала севернее и почти сразу исчезла в зелёном океане. Далур же пошёл вслед за Молчуном. Там, где человек ловко втискивался в прогал меж веток, широкоплечему дварфу приходилось с треском продирааться. Он громко сопел и сплёвывал ругательства. Деревья в ответ лишь настойчивее цеплялись за дварфа. Время от времени Молчун кричал птицей и замирал, вслушиваясь в лес. Арди отвечала ему откуда-то издалека, и они шли дальше. Комары настырно лезли в лицо Далуру. Тот размахивал руками, гневно тарачил глаза на противных насекомых и дёргал себя за бороду, но те раз за разом возвращались.

Наконец Молчун остановился, прокричал птицей трижды, дождался ответного сигнала и повернулся к дварфу.

— Арди придёт до заката. Нужна твоя помощь. Ничему не удивляйся и просто охраняй меня. Вдруг кабан какой или медведь. Мне нужно будет всё моё внимание, я не смогу отвлекаться ни на что. Будет дело плохо — дай пару оплеух, — он посмотрел на большие кисти дварфа и усмехнувшись добавил: — Только не от всей души. Очухаюсь. Ничему не удивляйся. Птиц и мелкую живность не трожь. Ты поймёшь.

Далур с прищуром посмотрел на человека и кивнул. Незаметным глазу движением выхватил секиру из-за пояса и снял щит со спины.

— Надеюсь, не пригодится, — Молчун натянуто улыбнулся и бесшумно пошёл к старому дереву с толстым стволом.

Мужчина постелил на землю свой плащ, сел на него и положил увесистую дубинку прямо перед собой. С негромким хрустом повёл плечами, задумчиво потёр изувеченное ухо и посмотрел вверх, на кроны деревьев. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и замер.

Далур стоял неподалеку, с интересом наблюдая за Молчуном. Постепенно дыхание человека замедлилось. Долгое время ничего не происходило, и дварф решил было, что тот просто уснул, но потом на дубинку перед Молчуном села птица. Она немного посидела, глядя на Молчуна, наклонила голову, чирикнула и упорхнула. На её место вскоре прилетела другая. Потом третья, потом ещё одна, потом две сразу. Сердце не успевало ударить и двадцати раз, чтобы кто-то пернатый не приземлялся на дубинку Молчуна для того, чтобы немного посидеть и улететь. Бесконечная череда птиц всех мастей и размеров, несколько белок, песцов...

Заросли вокруг Молчуна наполнились шорохами и криками. Далур крутил головой как заведённый и ругался вполголоса. Дварф пытался всматриваться и вслушиваться в лес вокруг него, старался найти опасность, но в такой обстановке это было невозможно. Неба за кронами было почти не видно, кроме совсем небольших лоскутков, и Далур уже потерял счёт времени, когда поток посетителей иссяк.

Молчун продолжал сидеть, его можно было принять за невероятно реалистичную статую, если бы не редкое и глубокое дыхание.

Далур сложил щит и топор у ног, достал пару полосок мяса и кусок хлеба и принялся с аппетитом жевать. Когда с едой было покончено он посвятил себя излюбленному делу — уходу за секирой. Дварф негромко ворчал в бороду, но не забывал и поглядывать по сторонам. Время тянулось, ничего не происходило. Чуть звенел металл боевого топора, а Далур всё чаще с непониманием косился на Молчуна. В очередной раз взглянув на того, Далур заметил текущий по вискам мужчины пот. Дыхание Молчуна, теперь резкое и отрывистое, как после бега, ускорило всё сильнее.

Кусты вокруг Далура снова закипели шорохами и вскриками. Поток птиц возобновился. На этот раз они пребывали на дубинке перед лысым человеком гораздо меньше времени. Два-три удара сердца, и улетали прочь.

Снова потянулось время. Далур вскочил на ноги в боевую стойку, прежде чем понял, что поблизости услышал шорох. Шорох, который явно не могла издать птица или белка. Шорох кого-то явно крупнее.

— Далур, спокойно! Это я, — донеслось из-за куста, и спустя мгновение вышла Арди.

Она быстро подошла к Далуру и села рядом с ним прямо на землю. Девушка вытянула ноги и с видимым удовольствием принялась массировать икры.

— Ничего. Вот вообще ничего. Обычный лес. Нет следов стоянок, нет следов большого отряда, шедшего через лес. Многовато времени прошло... Куда там найти зацепки. Нашла только вот это, — она протянула дварфу что-то зажатое в кулаке и бросила на открытую ладонь старую деревянную трубку. — Набрела на небольшой родник, на север отсюда. Села попить водички, и глаз зацепился. Лежала прямо у воды. Выглядит старой, да и влаги набрала. Может, давненько уже там, кто знает.

— Спросим у местных. Вдруг узнает кто трубочку. Охотники могли к роднику ходить, да выронить. А может, и нет. Резьба-то недурная, да и цела ещё вполне. Ну разве что размокла, — дварф понюхал трубку и поморщился. — Курили из неё, думаю, не столь давно. Запах ещё сильный. А вот табак — уж лучше навоз кобылий курить, чем такое... Ну да чего взять, это же люди... Из глуши, — торопливо добавил дварф.

Он завернул трубку в тряпочку и ловко убрал в заплечный мешок.

— Я удивлён, что в первый день и что-то да нашли. Ты глазастая! Глядишь, да и поможет нам это чем. Нам бы до темна вернуться. Плутать по лесам в полной темноте — так себе затея. А как ты нас нашла? Последний раз вы с ним, — Далур кивнул в сторону Молчуна, — перекликались давненько.

Арди усмехнулась.

— Это было нетрудно. Сейчас все птицы с округи летят к нему. Смотришь направление и идёшь себе, — вдруг на лице девушки промелькнуло удивление, она резко подобралась и вскочила.

На дубинке перед Молчуном сидел крупный ворон на одной лапке и смотрел на неё. Он расправил внушительного размера крылья, пронзительно крикнул и улетел.

— Ты чего? — Далур тоже вскочил и подхватил с земли оружие. Спустя мгновение он уже укрылся за щитом и стал всматриваться в кусты за Молчуном.

— Кого увидала? Гобла?

— Нет там гоблинов, успокойся. Ты сейчас видел здорового такого ворона, с одной лапкой?

— Ворона? Тьфу, с-сука, — дварф немного расслабился и отложил щит. — Экая невидаль. Тут птиц пролетело за последние часы — не счесть. Лапы-то у них я не считал, чтоб им пусто было. А почему ты спрашиваешь? Чем известен этот твой ворон, что на него непременно стоит обратить внимание?

— Да мне кажется, что я вижу его не в первый раз. И Молчун про него говорил. Необычное совпадение.

— А ты уверена, что это именно тот ворон? Не обозналась? Да и не сказать, что тут светло сейчас. Мало ли однолапых ворон в мире летает. Да и ты сама сказала, что сейчас все птицы с округи к нам сюда дуром валят. Так почему бы и ворону этому клятому не полететь? — Далур посмотрел опять на неподвижного Молчуна.

— Наверное, ты прав, — Арди ответила уже спокойнее, села на место и принялась доставать из заплечного мешка нехитрую походную снедь. — Давно птицы во второй раз прилетать начали? — спросила она и принялась жевать полоску мяса, запивая водой из фляги.

— Давненько. Солнца не видать, точно не скажу. А по цвету неба толком не пойму. Смотри-ка, их, кажись, меньше становится.

Поток птиц и животных заметно уменьшился. Случалось, что дубинка перед человеком пустовала по несколько минут. Далур внимательно уставился на Молчуна.

— Мне кажется, или он побледнел? Дышит, как после хорошей драки.

— Ничего. Всё скоро закончится. Давай ещё немного подождём. Надеюсь, он сможет рассказать нам больше. Старая трубка в лесу — это, конечно, хорошо, но для поиска явно недостаточно.

— Так он маг какой? Или как их, которые с природой близко якшаются... Друид? Ты знала?

— Громко сказано. Ни то, ни другое. Просто следопыт, который кое-что умеет и знает. Даже если и друид — то в самом начале пути. Да, я знала. Уже дней пять как. Ты, сидя на повозке, точил и без того, вне всяких сомнений, острейшую секиру по эту сторону северных лесов, — она усмехнулась и посмотрела на дварфа. Тот и сейчас занимался полировкой оголовья топора.

Далур, впрочем, ничуть не смутился и продолжил своё занятие.

— А мы достаточно много времени бродили по окрестностям вдоль дороги. Иногда порознь, иногда вместе. Он всегда знал, где зверь или птица. Потому-то мы и ели так часто мясо в дороге. Сначала думала, везёт. Потом стала подозревать неладное. Потом прямо спросила... Он прямо и ответил. Мол, так, по верхам кое-чего умею. На этом в принципе и всё.

— Ну а ты? Ты тоже? — Далур пристально посмотрел в глаза Арди.

Та легко рассмеялась.

— Я-то? Нет. Что, по-твоему, почтенный дварф, во мне выдаёт колдунью? Волос вроде не рыжий. Нет, Далур. Крепкая рука, да верный глаз — вот и вся моя магия.

— Вот это мне по духу! — Далур широко улыбнулся. — Такой магии я и сам обучен. — Он вдруг замолчал и серьёзно спросил: — А что он сейчас делает?

— Он говорил, что сможет использовать мелких животных и птиц как разведку. Со слов Молчуна, ответы будут путаные и туманные, но это лучше, чем самим прочёсывать вёрсты и вёрсты леса. Это должно нам дать точку, с которой мы и начнём поиск.

— Да уж. Оно, конечно, лучше, чем ничего, но что ему смогут наболтать птицы? — дварф недоверчиво покачал головой. — Эй!

Далур резко подскочил и побежал к Молчуну. Тот упал ничком, прямо на свою дубинку, чудом не придавив едва успевшую улететь птицу. Далур приподнял его, убрал дубинку и перевернул человека на спину. Заплечный мешок дварф подложил под голову Молчуна.

— Дай воды, — он уверенным командным тоном сказал стоявшей с озабоченным видом Арди.

Пока та возвращалась с водой, Далур прощупал пульс, послушал дыхание, потрогал лоб.

— Умой его, — он бросив очередное указание и пошёл к своему мешку. Из его недр он достал небольшой стеклянный пузырёк с бурой жидкостью внутри.

Дварф сжал зубами пробку и с громким звуком выдернул её. Далур сунул снадобье под нос Молчуну. Мужчина слабо дёрнулся и завозился, но в себя так и не пришёл.

— Перенапрягся, кажись, — Далур плотно закрыл пузырёк и убрал обратно в мешок. — Ему бы передохнуть. Но не здесь, а переночевать нормально, под крышей и одеялом.

Он посмотрел на едва проглядывающее небо. Дело близилось к сумеркам, и от утренней безмятежности и голубизны неба остались лишь приятные воспоминания. Из-за крон за ними подглядывали тяжёлые тучи.

— Как бы дождя ночью не было, — Арди как будто прочитала мысли Далура, и тот задумчиво кивнул.

— Значит, так. Бери все наши пожитки. Щит тоже понесёшь, — с видимым сожалением произнёс дварф. — Я возьму его. Он вроде не шибко крупный. Пойдём обратно. Всё равно, тут нам делать сегодня больше нечего, а в посёлке Ингвар, — Далур презрительно сплюнул. — Глядишь протрезвел. Да и узнать про трубку у местных не мешало бы.

— Уверен? Тут топать прилично. Не уверена, что до темна дойдём. И по лесу сколько брести, — Арди с сомнением посмотрела на дварфа.

— Железно, — тот с вызовом поднял голову. — Я тут мокнуть не намереваюсь ночью. Да и Молчуну оно на пользу не пойдёт.

— Как скажешь, — она принялась собирать вещи и навешивать их на себя. — Пойдём сначала на юго-восток. Тут недалеко вроде хоженная дорога до озера. Там будет идти всяко удобнее, чем лезть через дебри.

Далур глухо угукнул.

— Ну, я готова, — Арди стояла, обвешанная вещевыми мешками, с луком за плечом, широким дварфийским щитом в одной руке, мечом в другой и дубинкой Молчуна у пояса.

— Прямо богиня войны, — блеснули крупные желтоватые зубы, когда Далур широко и открыто заулыбался.

— Пошли уже, — громко фыркнула Арди. — Я впереди. Буду выбирать дорогу.

Далур закинул Молчуна на плечи. Ноги человека почти касались земли, зато голова покоилась на широком плече дварфа, на одном уровне с телом. Далур немного подбросил его, удобнее уложил вес, сделал пару медленных шагов, привыкая к нему, и коротко бросил:

— Ходу.

Арди шла впереди. Девушка старательно обходила овраги и совсем уж непролазный подлесок. Шагах в пятнадцати позади твёрдой поступью шагал Далур. Он изредка поругивался на очередную вцепившуюся ему в бороду ветку. В такт шагам дварфа немного дёргалась голова Молчуна, безвольно лежащая на сильном плече. Казалось, что всё, чем недоволен этот дварф — это столь ненавистный ему лес, да хмурое небо.

Вскоре они вышли на довольно широкую тропу, ведущую с юго-запада на северо-восток.

— Ну всё! Теперь по ней и напрямик до посёлка, — девушка свернула вправо. — Ты как?

Далур что-то невнятно буркнул и демонстративно зашагал в направлении посёлка.

Сумерки сгущались. Звуки леса становились резкими и пугающими. Ветер трепал кроны деревьев, срывал листву и швырял её в незваных гостей, словно решил запугать их.

Далур нёс свою ношу уверенно, твёрдо ступая по утоптанной дороге. Он шёл лишь немногим медленнее обычного. Разве что на щеках, там, где они не были прикрыты бородой, виднелся румянец. Несколько раз он опускал Молчуна на землю и проверял его состояние. Удовлетворённо хмыкнув, дварф делал поток воды,

закидывал мужчине обратно, и они шли дальше. Уже на подходе к посёлку дыхание Далура чуть участилось, но других признаков усталости он всё так же не выказывал, даже скорости ходьбы не снизил.

— Давай-ка положим его на сеновале, а сами к Ингвару и Гарону, — Далур в очередной раз немного подкинул Молчуна на плечах, когда тот стал сползать. — Можем разделить, чтобы было быстрее. Я могу зайти к старосте, а ты к этому травнику.

— Да тут всё рядом, давай лучше вместе. Много времени не выгадаем. А так мало ли что в разговоре всплывёт, или кому вопрос какой в голову придёт. Так оно надёжнее.

Они подошли к воротам и увидели, что те закрыты. Арди достала дубину Молчуна и постучала в воротину.

— Эй, там! Открывай.

С другой стороны тут же отозвался незнакомый голос:

— Кто идёт? Назовись!

— Далур, Молчун и Арди! — гаркнул дварф. — Гарон знает. Отворяй давай!

— Предупреждён. Погоди маленько, сейчас открою.

С той стороны ворот послышалось приглушённое кряхтение и возня, затем одна створка приоткрылась, и выглянул мужик лет сорока, с неопрятной бородой и щекастым лицом. Увидев перед собой компанию, о которой все судачили днём, он остановил взгляд на Молчуне, висящем на плечах Далура.

Мужик охнул и сразу же открыл створку полностью.

— Проходите! Помочь чего? Али кликнуть кого? Что-случилось-то? Живой?

— Всё хорошо. Живой. Не суети, — Далур нырнул в образовавшийся проход. Ноги Молчуна немного зацепили воротину.

Арди оглянулась на темнеющий вдалеке лес и нырнула следом.

— Меня-то Гарон тут поставил, — мужик досадливо сплюнул в пыль. — За Ингваром, значить, смотреть, чтобы не налился снова. Ну и за воротами до полуночи поглядывать. Как появитесь, наказал вам про Ингвара доложить. Ну, стал быть докладываю! Ингвар, скажу вам, как собакой дрянной покусанный. Злющий сидит дома. Мы с мужиками пойло всё отняли у него и пробьли с ним, пока не успокоился. Тяжко ему сейчас с похмелья. Да и на душе препоганейше. Но указ Гарона выполнили. С самого утра ни капли не пил! — он развернулся и закрыл воротину. Покряхтывая мужик принялся вкладывать толстенный засов в скобы.

— Давай Молчуна пока положим на лавку и сразу зайдем к этому... Травнику, — с отвращением выплюнул это слово Далур. — Не хочется потом через весь посёлок к нему возвращаться, когда вот он, рядом совсем.

— Про то и толковала. Давай, отчего же нет.

Они направились к уже знакомому крыльцу. Сложив заплечные мешки и оружие около скамейки, Арди постелила на неё плащ Молчуна, и Далур аккуратно уложил на него мужчину.

— Эй, почтенный. Мы ненадолго зайдём к Ингвару, а ты пригляди, пожалуйста, за нашим другом и вещами. Чтоб никто к ним не подходил даже! — Арди крикнула мужику у ворот, и тот крикнул в ответ.

— Здеса не полезут! Народ не тот! Но лады, глаз не спущу!

Далур поднялся на крыльцо и несколько раз сильно ударил в дверь кулаком. При каждом ударе полотно немного вздрагивало.

— Пошли на хрен! Ясно? Не хочу никого видеть! — из-за двери послышался глубокий голос. — Оставьте меня в покое!

Далур помрачнел и попробовал налечь на дверь могучим плечом, но та оказалась заперта изнутри.

— Открывай, Ингвар! Мы помочь тебе хотим. Так и ты помоги нам! Мы пропавших ищем! — Далур делал видимое усилие чтобы говорить спокойно. — Не боись, не задержим. Кое-что спросим и уйдем. Не кричать же через дверь, как умалишённым! Ну, открывай!

Изнутри что-то звякнуло и дверь немного приоткрылась. В щели показалось опухшее лицо, обрамлённое сальными локонами волос. Чуть желтоватые глаза враждебно поблескивали поверх внушительных мешков. Вместе с головой появился запах нечистот и чего-то кислого. Голова безостановочно подрагивала.

— Ну? Чего надо-то? — спросил Ингвар. Его язык заметно заплетался, лицо морщилось. — Чем могу помочь и, главное, чем вы поможете мне? Издеваться пришли над горем отца? А? — на последнем возгласе голос травника сорвался и стал визгливым.

— Людей пропавших ищем. Сын твой, слышал, тоже среди них. Пропал, когда пошёл собирать травы и коренья, или хрен знает, что вы там собираете, — закипающий дварф уже цедил слова, медленно, сквозь зубы. — Хотели спросить, где вы их обычно собирали. В какую часть леса он пошёл? Где начинать искать? — он замолчал на несколько мгновений, немного успокоился, затем продолжил. — Понимаешь, пропали люди. Твои соседи. Твой сын. А ты... Ты, вместо того чтобы искать его или хотя бы помогать кому-то, кто это делает, сидишь и пьёшь до рвоты...

— Далур, — Арди положила руку на окаменевшее от напряжения плечо дварфа. — Не стоит. Он...

— А ты поучи меня, недомерок. Гляди-ка! Помочь он хочет. Каким хреном, следопыт недоделанный? Наши искали и не нашли. Не чета тебе, кстати. Так что пасть свою...

Договорить он не успел.

Мощным толчком плеча Далур распахнул дверь и пошёл к упавшему травнику. Арди повисла на дварфе, стараясь урезонить, но тот не замечал её.

— Ты, говно бесхребетное! Открой рот ещё. Ну, давай! Сейчас ты у меня язык вместе с зубами проглотишь! — пудовые кулаки Далура были сжаты и угадать его намерения не составляло труда.

Он подошёл к пытающемуся встать травнику и рывком поднял его на колени. Через мгновение пудовый кулак дварфа ударил в лицо бедолаги. Тот снова упал и на этот раз затих.

— Далур! Демон тебя сожри, ты совсем охренел? А если убил? Ему много не надо! — Арди встала между дварфом и лежащим на полу человеком, не давая тому пройти. — Успокойся! Ну!

Далур шумно и глубоко дышал. В глазах плескалась ярость, он пытался обойти Арди. Дварф схватил её за руку и начал тащить в сторону, освобождая себе дорогу, но та схватила со стола кружку и выплеснула содержимое ему в лицо.

В кружке оказалась вода. Она стекала по лицу и бороде дварфа, пока тот глупо хлопал глазами. Багровая пелена наконец отступила, взгляд прояснился и в нём появилось понимание.

— Я... Э-э... Тьфу. Ну с-сука... — он отпустил руку Арди, резко развернулся на пятках и вышел на улицу.

Девушка подошла к Ингвару. Она увидела, что грудь травника вздымается и немного успокоилась. Арди зачерпнула в стоящем в доме ведре ещё воды и плеснула ему в лицо. Вода текла по щекам, смешивалась с кровью, бегущей из рассечения и уродливой кляксой расползалась по грязному полу.

Ингвар открыл глаза и попытался встать. Тело не слушалось. Он не слышал вопросов Арди или не понимал их смысла.

После очередной попытки подняться на ноги он завалился на бок, его вырвало и Ингвар наконец обмяк.

— Да твою мать! Не мог ты, мудило корявое, просто ответить на пару вопросов? — с досадой спросила Арди у скорчившееся у её ног тела. — Да. Нет. На север. Не знаю. — девушка нарочно подражала голосу травника и преувеличенно трясла головой.

Арди сплюнула на без того грязный пол и пошла из дома. В дверях она почти столкнулась с мужиком.

— Что у вас тут случилось? — тот попытался зайти в хижину или хотя бы заглянуть. — Я слышал крики и грохот!

— Характер у вашего травника — то ещё говно. А у дварфа тяжёлый, под стать его кулакам. Один нахамил, другой не сдержался, — девушка устало вздохнула и продолжила чуть мягче. — Мне жаль, что так вышло. Помоги, пожалуйста, с Ингваром. Его надо уложить и накрыть лоб холодной мокрой тряпкой.

— Да что же он ему сказал такенного, что бить сразу?

— Иди, спроси. Он сейчас тут, на улице, ты с ним чуть разминулся, — раздражённо огрызнулась Арди. — Но сначала помоги.

Вместе, взяв подмышки и за ноги, они аккуратно перенесли Ингвара на лежак. Мужик тут же нашёл какую-то тряпку, окунул в воду, отжал и накрыл лоб травника.

— Я зайду к нему сегодня ещё как с ворот сменюсь. Тряпку смочу и посмотрю, как он. Зря твой друг так. Ингвар нормальный мужик, так-то. Просто горе у него большое, — мужик озабоченно качал головой.

— Так мы и хотели у него узнать, куда сын пошёл, где искать. А он... — Арди устало махнула рукой. — Ладно. Оклемается. Жаль, конечно, что так вышло, но это дела не смертельные. Нам надо.

— Куда?

— Сначала к Гарону. А потом — не твоя забота, почтенный.

Когда Арди вышла на улицу с мужиком, тот покосился на стоящего невдалеке Далура, плотно прикрыл дверь и заторопился к воротам.

— Ну? Угомонился? — спросила Арди.

Дварф стоял низко наклонив голову и молчал. Кулаки то и дело сжимались и разжимались. Ярость угасла не до конца и было видно, как Далура потряхивает.

Арди принялась навешивать на себя вещи, лежащие у лавки.

— Бери давай Молчуна, и пошли. Темно уж. Ещё к Гарону идти. Но пойду я одна. Ты лучше с ним побудь.

Далур молча взял с лавки безвольное тело и глядя только себе под ноги пошёл. Как и ранее, веса он словно и не ощущал.

Пока они добрались до сеновала, густые сумерки переросли в темноту. Далур уложил Молчуна на лежак из сена, застеленный плащом, и накрыл его.

— Дай мне трубку, поспрашиваю у Гарона чья она. Скоро вернусь. Сам дойди пока до хозяйки, узнай, светит нам горячий ужин или нет, — Арди устало взяла протянутую ей тряпицу с трубкой и сунула в небольшой поясной

мешочек. Девушка оставила дварфа хлопотать о Молчуне и ужине, а сама выскользнула на улицу.

Далур уселся в сено. Он тяжело дышал и попеременно сжимал кулаки. Дварф старался успокоиться, собрать разбегающиеся мысли, когда почувствовал привычный холод на спине. Он пробирал до кости, и едва проникнув под кожу уже не торопился оттуда никуда уходить. Как будто на голую спину взвалили глыбу льда.

— Отстаньте! — рявкнул в темноту дварф и быстро закрутил головой. Взгляд бегал из одного угла в другой и обратно, раз за разом. Как обычно, там никого не было.

“Избить пьяницу — тоже мне подвиг. Но я не могу позволить так разговаривать с собой каждому кому вздумается. Особенно такому человеку. Хотя ты уверен, что он хуже тебя, а Далур? Из-за него хотя бы никто не умер. А ты... Ты позор клана. Ты пустая порода и с этим тебе ничего не поделать.”

Эта вспышка гнева его только расстроила. Дварф стал противен сам себе. Вторя его мыслям, Далура окатила привычная волна презрения. Чей-то холодный и тяжёлый, как мельничный жернов, взгляд упёрся аккуратно между лопаток. Он давил ещё сильнее прежнего. Далуру казалось, что вот-вот его кости затрещат от веса.

— Уходите, пожалуйста... — прошептал Далур и зажал уши. Он принялся раскачиваться и затравленно озираться. — Я опять всех подведу. Я... Я не хочу. Хватит! Я не мог ему спустить этого с рук! Слышите?

Как и всегда, ему никто не ответил. Только холод на спине стал расползаться ещё дальше. Он сводил жестокой судорогой плечи, и словно когтями стискивал сердце.

Далур опёрся дрожащими руками на свой топор и тяжело встал. Крупные капли пота бежали по его лицу, но дварф ежился, словно на ледяном горном ветру. Далур неровно дышал. Он то и дело сбивался с ритма и старался успокоить хотя бы дыхание. Дварф бросил затравленный, полный боли взгляд в самый тёмный угол и быстро вышел под начавшийся дождь.

Глава 3. Иголка хвои в еловом бору

Когда Далур открыл глаза, едва рассвело. Серый холодный свет сочился в многочисленные щели сарая. дварф поёжился и опасно принялся озираться вокруг. Молчун крепко спал. Мужчина свернулся калачиком и размеренно сопел. Дыхание было глубоким и ровным. Хороший знак. Он уже не лежал в бессознательном состоянии как вчера вечером.

Арди в помещении не было.

Далур вяло натянул сапоги и уселся обратно на лежак. Он поёжился от утренней прохлады и принялся вычёсывать бороду внушительным гребнем с редкими зубцами. В голову настырно лез вчерашний вечер и стыд за несдержанность. Далур ещё раз испуганно покосился на ближайший угол, но там было пусто.

Всё на сеновале дышало миром и покоем.

Далур закончил чесать бороду и принялся за холодную, оставшуюся со вчерашнего вечера кашу. Он съел ровно треть и вышел на улицу.

Посёлок нехотя просыпался. То здесь, то там начал прохаживаться по своим делам народ. Со всех сторон драли горло поселковые петухи. На улице было ещё свежее чем в сарае, и эта прохлада смахнула с дварфа остатки сонливости. Далур заложил большие пальцы за широкий пояс и покачивался с пятки на носок. Взгляд блуждал по небу и то и дело цеплялся за подсвеченные рассветными лучами облака.

Из-за угла вынырнула Арди.

— Могла бы и предупредить, гулёна. — Далур перевёл взгляд на неё и недовольно хмыкнул.

— Раз уходила, значит надо было. Вы всё равно спали, как два кота у печки. Пойдём Молчуна поднимать. Солнце уже высоко.

Они зашли в сарай, и Далур осторожно растормошил Молчуна.

— Эй! Просыпайся давай! Ты как, братец?

Человек открыл глаза и уставился куда-то сквозь Далура.

— Ты меня слышишь? Видишь? — дварф помахал своей большой ладонью перед лицом человека.

Молчун снова закрыл глаза и поморщился.

— Да. Я... Ох, голова... Мы, а... Лес? Сука, как гудит, — он спрятал лицо в ладонях и застонал.

— Держи, попей, — Далур протянул ему флягу. — Будет очень горько, но голова прояснится. Пей это весь день. Ты знаешь, что... Вставай давай и поешь, там осталось со вчера немного каши и хлеба. Приходи в себя и готовься. День будет долгим и, думается мне, тяжёлым. Для тебя-то в твоём состоянии и подавно, — он посмотрел, как морщится Молчун после глотка, усмехнулся и хлопнул того по плечу. — Давай-давай, пей. Это лекарство.

Арди с аппетитом жевала горбушку. Она зачерпывала на жёсткую корочку кашу и жадно откусывала.

— Была я, значит, у Ингвара, — начала она, не до конца прожевав. — Тебе Далур повезло. Он не помнит ни-хе-ра вчерашний вечер. Хорошенько ты его приложил. Глаз заплыл, и тошнит его постоянно, но зато сговорчивее стал. Трубка эта не его сына. Это раз. Траву он должен был собирать западнее городка, лишь слегка забирая на север. Это два. А ещё он припомнил, что сынишка спрашивал про какой-то цветок, Скальный Изумруд, жутко дорогую штуку, желанную всеми алхимиками. Нужен он для зелий из старых книг, точнее, не сам цветок, а лишь его корень, но не сезон уже был для его сбора. Да и как сказал Ингвар, его очень и очень тяжело найти. Растёт он только в горах, встречается очень редко, и для сбора подходит всего одна неделя в году. Хотя, может, не поверил сынок и решил попробовать найти и собрать... А ближайшие горы у нас аккурат на севере. Это три, — она горбушкой протёрла посуду от каши и отправила её в рот. — Такие дела.

— Так это что у нас получается? Все ходы ведут к гобле! — глаза Далура загорелись недобрый огнём.

— Наверное, — похоже Арди его восторг не разделила. — По поводу трубки. Точно никто не знает. Гарон не узнал её, народ наспех опросили, они не узнали тоже. Но! Один мужик увлекался резными трубками. Вырезал и собирал. Его-то как раз и увели среди прочих в тот день. Видимо, путь наш лежит на север. А что ты дал Молчуну?

— Снадобье одно, из наших, надёжных. От него должно полегчать. А всё-таки ты чего не предупредила, что уйдёшь?

— Думала, вернусь до того, как встанете, — Она усмехнулась. — А что, к Ингвару со мной пошел бы?

Лицо Далура тут же исказило отвращение, и он зло дёрнул себя за бороду.

— Вот поэтому и не предупредила, не хотела настроение портить. А ты, кстати, чего такой любовью к нему проникся? Ты, мне помнится, хотел помочь всем, кому только сможешь и задарма. Вот и от денег Гарона чуть не отказался. А тут такая перемена.

— Чего-чего, — Далур недовольно буркнул. — Я не так давно среди вас живу. Никак не могу к вам, людям, привыкнуть. Мы надёжнее. Если бы у нас пропал сын у кого — наши с ног бы сбились, пытаюсь найти или отомстить за его пропажу. И отец старался бы больше всех. А этот... Всё, на что его хватило — упитому в штаны

сать. И когда такой герой грубить начинает... — Далур снова дёрнул себя за бороду. — Я правда хочу помочь. Но я привык помогать сильным. Ну или хотя бы не тряпкам, пропитанным сивухой. Когда ты протягиваешь руку, а тебе в неё плюют — не надо удивляться, если она сожмётся в кулак.

— «Мы, люди!» Как ты ловко всех одной гребёнкой, — Арди хмыкнула. — Тяжело тебе, наверное, живётся с таким взглядом. Ну да как знаешь, ни в чём убеждать не собираюсь. Как и разубеждать.

— Всех, да не всех, одной, да не одной, — Далур насупился, недовольный разговором. — А до взглядов моих чего тебе?

— Скажи, Далур. А сколько тебе лет? — спросила Арди, проигнорировав его вопрос. — По вам тяжело понимать. Могу отличить только совсем молодых и детей, ну или совсем стариков. Хотя я видела-то их один раз в жизни. С караваном ходили в ваш верховой городок торговый. Кажется, что вы все одного возраста.

— Шестьдесят восемь, — дварф с подозрением посмотрел на Арди. — А тебе чего с этого?

— Молодой совсем, ну, по-вашему. Ничего. Просто интересно. А почему решил с нами, на поверхности жить? Чего дома не сидишь? Извини, конечно, что спрашиваю. Просто нечасто с вашим братом встречаешься, и мне интересно.

— Не сиделось, вот и не сижу, — отрезал Далур. — Вон Молчун уж встал. Пошли людей искать. Языки и потом можно потрепать.

Арди повернулась к Молчуну и увидела, что тот стоит и морщась пьёт из фляги.

— Ты как? Голова прояснилась? — Далур неловко поменял тему разговора, обратившись к Молчуну.

— Пойдёт. Разгуляюсь.

— Вспомнил вчерашний день? Что тебе там птички начирикали? То, что у нас есть, Арди уже рассказала, но сначала давай ты.

— В лесу кто-то ходит. Больше меня и меньше меня. Перед тем, как вырубился я, севернее птицы видели много двуногих. Больше меня и меньше меня. Шли на запад. Птицы не понимают нашего языка и общаются способом, совсем не похожим на наш. Всё, что удалось выяснить.

— Совпадает с тем, что мы узнали, — Арди кивнула.

— А что за история с Ингваром?

Арди пересказала их визит к травнику в деталях. Она недовольно косилась на дварфа, а тот словно не замечал её взглядов. Молчун широко улыбался. Его явно забавлял этот рассказ.

— Ты сможешь этот фокус с птицами повторить опять? — Далур вновь попытался увести тему в сторону.

— Нет. Несколько дней не смогу.

— Ну, значит, придётся полагаться на свои ноги, глаза и уши, — Арди хлопнула себя по бёдрам. — Предлагаю сразу взять западнее, приблизительно до того места, где синишка травника коренья дёргал, и оттуда уже идти на север. Судя по всему, местные дебри уж слишком оживлённые.

— Ну, стало быть, пойдём. Светло уже.

Сарай скрипнул дверями и остался позади. Спутники пошли по улице, миновали уютные домики, вышли через северные ворота и направились напрямиком к начинающемуся чуть западнее лесу.

Молчун внезапно остановился, медленно снял пращу и уже почти вложил в неё снаряд, когда с большого валуна с издевательским карканьем вспорхнул крупный ворон с одной лапой. Мужчина огорчённо сплюнул и убрал пращу.

— Ты чего? — Далур удивлённо крутил головой в поисках опасности.

— Ворон. Следит.

— Однолапый? — Далур сразу вспомнил свой вчерашний разговор с Арди.

Дождавшись кивка, он убрал топор и добавил: — Он вчера прилетал, и Арди как его увидела, мне в паре слов рассказала. Часто что-то совпадает.

— Чего этой пакости пернатой надо? — Арди пыталась найти взглядом птицу.

С запада раздалось приглушенное карканье.

— На глаза лезет нарочно. Что-то он от нас хочет?

— Не знаю. Но мне это не нравится.

Пока они шли по опушкам и редкому лесу, ворон несколько раз пролетал над их головами или ждал, пока его увидят на очередной ветке, и лишь после этого взлетал. Иногда казалось, что надоедливая птица больше не вернётся, но вскоре впереди вновь раздавалось громкое карканье. Миновал полдень, когда они вышли на небольшую лесную поляну, со всех сторон обрамлённую густыми зарослями. У дальнего края лежало поваленное дерево. Его покрытый густым мхом толстый ствол словно приглашал отобедать за ним.

— Давайте немного перекусим. Только не на ходу. Так кусок в глотке застрекает, — Далур указал рукой в сторону лежащего дерева. — Вон там и сядем. Чуть пожуем — и дальше. Я тут готового взял, чтобы хотя бы на обед сегодня не кашеварить, если не вернёмся к ночи.

— Да, давай. Потом нам будет не до привалов. Но только быстро. Осенью день не балует, — Арди посмотрела на Молчуна, как тот жадно припал к фляге с горьким отваром. — Как твоя голова?

Молчун сделал неопределённый жест и убрал флягу. Когда он сморщился его обожжённое лицо покрылось складками и он стал похож на идола диких племён с островов.

— Есть не хочется, но я бы посидел. Мозги по голове болтаются.

Ствол дерева был немного влажным, как и всё вокруг, после ночного ливня, но он послужил прекрасным столом и стулом. Небо над головой то темнело, как перед дождём, то светлело и никак не могло определиться, пролиться ему водопадами воды или явить чистейшую лазурь и солнце.

Молчун прилёг на стволе и словно уснул. Арди и Далур сели друг напротив друга и принялись жадно поедать хлеб с солониной и кашей. Прогулка по лесу благотворно сказалась на их аппетите, и простая холодная еда казалась невероятно вкусной. Далур смахивал крошки с бороды, причмокивал и шумно сопел.

— Приятной вам трапезы, почтенные! — раздался незнакомый голос совсем рядом. Арди резко развернулась и в руку из-за пояса прыгнул кинжал. Далур мгновенно спрыгнул с поваленного ствола и схватился за топор.

— Тише, тише! Я пришёл без зла, — в десятке шагов от них стоял неприметный мужчина лет шестидесяти. Худоба грозила прорезать кожу выпирающими костями, а клочковатая борода торчала в разные стороны. Всё в его внешности было каким-то нелепым, и даже жалким. Только серые цепкие глаза смотрели твёрдо и казались очень неуместными.

Он продемонстрировал пустые руки и поднял их ладонями вперёд.

— Видите?

Далур окинул пришельца взглядом и немного успокоился.

— Ты кто? Местный?

— Нет. Я тут ненадолго. Скорее проходом. Меня зовут Флан. А вас, почтенные?

— Арди.

— Можешь звать Молчуном, — мужчина встал со ствола и, морща лицо, недоверчиво разглядывал пришельца.

— Далур. Если ты не местный, то что здесь делаешь? Эти места — не торговый тракт, я бы даже сказал, глухомань. Только не говори, что наткнулся на нас случайно! Вот уж дело небывалое было бы, — дварф опустил топор, но убирать его за пояс не спешил.

— О, ты прав, почтенный Далур. Сказать, что я здесь праздно шатаюсь — значит соврать. И шёл я к вам намеренно. Да, да, именно к вам. Ну вернее, сначала вы ко мне, — он улыбнулся, и на ствол дерева рядом с ним сел однолапый ворон.

— Кто ты и чего хочешь? Зачем следил за нами? — Молчун сразу подобрался и сжал кулаки. Немного пошатываясь он подошел чуть ближе к незнакомцу.

Далур нахмурился больше обычного, наклонил голову и опять поднял топор.

— Ну, будет вам. Я один и не вооружён. Я всё вам расскажу. Спокойно. Давайте лучше уберём оружие и продолжим разговор в более... хм-м... мирной обстановке.

Далур даже не шелохнулся.

Арди прочёсывала взглядом кусты за спиной незнакомца, а Молчун буравил его взглядом.

— Да, конечно же, сначала нужно объясниться. Понимаю. Как я уже говорил, зовут меня Флан. Вот... Путешествую. Летом в лесах, зимой ухожу южнее, есть у меня там зимовки близ хуторов. С людьми почти не общаюсь, так, по осени зерно выменять, да в лавку заглянуть. Друзья у меня другие, — он с лаской посмотрел на замершего ворона. — Со зверями у меня отношения особые. Да и приятней мне с ними. Я — отшельник.

— Экий болтливый, как прорвало. Давай по делу! Не заговаривай зубы. Зачем искал нас и что делаешь в этом лесу? — Далур бесцеремонно перебил его.

Флан вздохнул.

— Какой же ты нетерпеливый. Да, дварфы горячий народ. Ну если угодно — давай. Я слышал, что вы наёмники. А мне как раз нужна помощь от ребят вашего толка, а именно...

— От кого слышал? От местных? От кого именно? — Далур снова перебил его.

— Нет, не от местных. От своего старого друга, — он указал рукой на ворона, тот расправил крылья и закричал, будто представляясь. — Если бы ты не перебивал меня после каждого слова, почтенный Далур, мне было бы куда проще всё объяснить, а вам, стало быть, понять.

Дварф наклонил голову ещё ниже, крепче стиснул рукоять топора и молча смотрел на Флана.

— Я же говорю, у меня со зверем дружба особого толка. Вот кхм... Молчун, пожалуй, поймёт, о чём я говорю, да? Хотя он-то и в самом начале этого долгого пути. Да, вы правы. Я немного... Присматривал за вашим передвижением. И немного... Слышал разговоры. Я хотел убедиться, что смогу вам доверять и смогу попросить о небольшой помощи.

— Я говорил, что ворон следит за нами, и это не совпадение, — Молчун открыл флягу и сделал глоток.

Немного расслабившись, он привалился к стволу и замолчал.

— Я бы выразился по-другому...

— Слежка и есть. Как ни назови. Значит, ты про нас знаешь намного больше, чем мы про тебя. Будь добр, поторопись убрать это неравенство, — Арди выглядела расслабленно, но глаза не останавливаясь бегали в поисках малейшего движения.

— Ну, зовите как хотите. Этот вопрос для меня совершенно не принципиален. Мой путь лежит на север, аккурат в горы. Там есть... Пещеры, в которые я очень хочу попасть. Но выяснилось, что лес близ гор сейчас кишит гоблинами. Да и в горах мои друзья видели кого-то покрупнее.

— Орки, — со злобой бросил Далур.

— Наверное. — незнакомец беспомощно развёл руками. Сейчас он выглядел как крестьянин от которого сбежала овца, но глаза не давали этому образу сложиться до конца. — Сведения, которые мне приносят, не всегда полностью понятны. В любом случае, мне не помешает помощь. Я думаю, вам это будет интересно. Каждому из вас. Что же касается оплаты... О, об оплате мы договоримся.

— Как тебе наверняка известно, — акцентировала Арди, — у нас сейчас уже есть работа, которую надо сделать. И она важнее, чем провожать кого бы то ни было в горы, непонятно зачем. Если ты нам поможешь, мы подумаем над твоим предложением. С твоими талантами нам будет проще закончить её быстро.

— Насколько я знаю, ваша нынешняя работа может оказаться бесплатной?

— Может оказаться, а может и не оказаться. Я слово давал, что помогу, — отчеканил Далур.

— Ну что же, если слово... Как можно нарушить. — по его ровному тону и простодушному было не понять, говорит он серьёзно или издевается — Хорошо! Наверное, я смогу себе позволить задержаться на несколько дней. Если же не успеете — я уйду. А вместе со мной и упущенные вами выгоды. Поиски крестьян — это конечно очень важно, но это решительно не моё дело, я на него не нанимался. Но я могу вам кое-что подсказать. И если за неделю вы успеете выяснить что-то про крестьян — мы поговорим ещё раз, и вы хорошенько подумаете над моим предложением. Идёт?

Арди посмотрела на своих спутников. Молчун коротко кивнул. Далур что-то неразборчиво проворчал в бороду, но явно не отказался.

— Идёт. — Арди твёрдо посмотрела в глаза Флану — Рассказывай, что хотел, и нам надо идти. Время не ждёт.

— Хорошо. Как вам будет угодно. У гоблинов сейчас большая охота в этих лесах. Это небезопасно для всех прочих рас. Насколько я понял, туда стеклись несколько крупных племён и встали одним большим лагерем. Я знаю, где находится этот лагерь. Я не знаю, там ли эти пропавшие люди, но насколько мне известно, именно с гоблинов вы планировали начать свои поиски, так? Ну так вот вам моё предложение. Я даю вам все необходимые ориентиры, а вы обещаете, что мы вернёмся к этому разговору через неделю. Идёт?

— Обещаем? Невеликие же тебе нужны гарантии, старик.

— О, я верю в людей. По крайней мере стараюсь. Обманывать — это очень плохо. В первую очередь для обманщика. К тому же с вами дварф, — Флан сдержанно улыбнулся. — А как говорят, слово дварфа крепче камня. Спрашиваю ещё раз. Идёт?

Они вышли к дороге. Древний тракт был давно заброшен, тут и там проглядывали зелёные стебли травы. Но он был всё ещё ровным. После раскисших от осенних дождей лесных троп и бурелома идти по нему было бы сплошным удовольствием. Далур раздражённо посмотрел на затянутое тяжёлыми тучами небо и зашагал по тракту твёрдой поступью, радуясь тому, что можно не продирается через ветки, когда его окликнула Арди

— Эй! Ты что, собрался прямо так по дороге топтать? Давай к нам, не дури, пойдем вдоль.

— Что? Но так быстрее дойдем! — встрепенулся дварф.

— Быстрее на тот свет дойдешь. А мне и этот мил, сколь говённым он ни будь. Тебе сказали: лес кишит гоблой, охота у них большая. А ты собрался шагать по дороге, на виду. Дерево в поле — и то незаметнее будет.

— Увидят — их сложности. Я всегда готов потолковать с ними на понятном языке. Эти сраные ветки мне уже до печёнки доцарапались, — проворчал он. — К тому же непонятно, действительно зелёные виноваты, или ещё куда делись селяне эти. Может, мужичьё в разбой пошло? А? Впервой ли?

— Думаешь, зелёным это будет интересно, когда они тебя увидят? К тому же старейшина деревни за каждого поручился. Да и ты сам вызвался идти, за язык не тянули, — немного удивлённо сказала Арди.

— Вызвался... — буркнул дварф.

Молчун не стал дожидаться пока кончится разговор. Вместо этого он соскользнул по грязной обочине к кустам и скрылся в них. Арди подождала несколько мгновений и последовала за ним. Далур с тоской оглядел древние камни под ногами и, досадливо сплюнув, заспешил следом. Мокрые листья снова мазнули по лицу и кольчуге, а мелкие ветки поспешили зацепиться за бороду.

Дальше продвигались медленно и осторожно, на некотором расстоянии друг от друга, внимательно прислушиваясь и вглядываясь в лес вокруг. В ветвях шуршал ветер, время от времени сбивающий с листья капли. Молчун остановился и подождал пока его нагонит Арди. Когда девушка подошла он протянул ей руку.

— Обломок стрелы. Гоблинская.

— Там ещё кровь и поломаны ветки, — девушка указала рукой на куст невдалеке. — Ночным дождём не смыло, значит сегодняшняя. На обломках — клочья меха. Давай ещё внимательнее. Сейчас нам главное не проворонить этих охотников. Там остались следы, но нам нужен их лагерь, а не туша кабана. Поэтому идём дальше. Передам Далуру, чтобы шумел поменьше и был наготове.

— Угу, — Молчун смахнул с лица комара. Аккуратно ставя ноги и стараясь не задевать ветви и не спотыкаться о корни, он опять медленно пошёл вперёд и вскоре исчез в листве. К Арди подошёл недовольный дварф.

— Гоблины были здесь сегодня, — Арди показала ему обломок стрелы. — Убили кабана, судя по всему. Давай ещё тише и осторожнее.

Далуру взял топор в руки и снял со спины щит. Сузившиеся глаза забегали по ближайшим кустам, ожидая что все гоблины леса, несомненно, сейчас соберутся вокруг них.

— Если увидишь — в драку не лезь, нам это сейчас ни к чему, — она дождалась мрачного кивка и бесшумно пошла вперёд.

Далуру нащупал в потайном кармане плоский камень, выругался и пошёл следом за остальными. Как дварф ни старался меньше бряцать кольчугой, сталь изредка позвякивала. Этот звук должен быть расстраивать в предстоящем деле, но Далура он лишь успокаивал. Больше гоблинов и лесов дварф ненавидел только гоблинов в лесах. Каждое шуршание листочка настораживало и сулило стрелу из-под очередного куста. Иногда впереди появлялась Арди, встречалась с ним глазами и тут же уходила. В очередной раз она показалась впереди, прижала палец к губам и сделала знак подойти к ней.

— Есть. Впереди зелёные. Молчун говорит, семеро. Давай очень тихо и медленно за мной, — голос Арди был едва различим, хоть она и стояла в одном шаге.

Они вышли к краю просеки, и Арди нырнула в густой подлесок. Далуру мрачно вздохнул последовал за ней. Там оказался Молчун, сосредоточенно наблюдавший за кем-то. Далуру осторожно отодвинул на немного листья и начал всматриваться в небольшой прогал. На другом конце просеки вокруг оленьей туши суетились небольшие зеленоватые фигурки. Ростом ещё ниже Далура, с узкими плечами и совсем худые. Маленькие тела постоянно двигались, размахивая тонкими и длинными руками. Большие серо-зелёные головы по-птичьи беспокойно поворачивались из стороны в сторону. Пока одни гоблины воинственно потрясали своими копьями, другие спокойно стояли с луками и посмеивались. Двое зеленокожих споро разделяли здоровенную оленью тушу, время от времени весело переругиваясь.

Далуру злобно зашептал что-то на своем языке.

— Флан сказал, что их топи начинаются напрямиком к западу от этой просеки. Пока нам надо идти вдоль неё. А как кончится — ещё западнее. Можем и за ними пойти, ну это только если они в лагерь, — Арди говорила очень тихим шёпотом. — Им надо добычу унести. Предлагаю подождать и посмотреть, куда они пойдут. Оставлять их за спиной я не буду.

— Может, схватим одного? — блеск в прищуренных глазах Далура не сулил ничего хорошего. — Он нам и споёт про своих соплеменников да про лагерь, и у них ли селяне. А я уж задам ему ритм на костях. Ох, и запоёт он...

— Нет. Глупо. Всех не переловишь. А уж если успеет какой с просеки в лес уйти — никогда ты там его не поймашь. Да и языка я их не знаю. Не уверена, что их учат общему в перерывах между охотой на оленей и поеданием грибов с ещё какой дрянью. Да и селянами рискуем. Я считаю, надо тихонько идти позади. Молчун?

Мужчина коротко кивнул.

— Решено. Идём позади до самого лагеря. Там мы выберем укромное место, в котором ты нас дождёшься, — она обратилась к Далуру, — а мы с Молчуном тем временем осмотримся. Если они там — мы найдём, где их держат. Главное — найти сам лагерь до темноты. Они у родных топей — наверняка будут жечь костры и не сильно озаботятся охраной. Да и зачем? В лесах кроме них и нет никого... А ночной лес он такой, шорохами полнится. Они вместе с темнотой нам будут ой как сподручны.

Далуру с расстроенным видом медленно кивнул, но спорить не стал. Прекрасно понимал, что в делах слежки и разведки ему далеко до Арди.

Меж тем гоблины споро выпотрошили оленя и погрузили его на волокушу. Они оставили требуху на радость лесным падальщикам и потащили тушу куда-то на запад. Тонкие веселые голоса разносились над просекой то и дело прерываемые смехом. Один из гоблинов особенно энергично и радостно размахивал копьем и немного пританцовывал на ходу. Он делал быстрые уколы перед собой, подпрыгивал, радостно хохотал и никак не хотел

униматься. Остальные зеленокожие посмеивались, наблюдая за приятелем.

— Отпустим их немного. След от волокуши мы точно не потеряем. Подождём пару минут и пойдём следом, — Арди посмотрела на Молчуна. — Давай ты вперёд, присмотришь за ними, а я с Далуром чуть сзади.

Молчун кивнул и задумчиво потёр шрамы на месте, где раньше было его ухо. Поморщился, сделав большой глоток из фляги. Затем развернулся и неслышно выскользнул из куста.

— Если встретим кого — постарайся, чтобы нас не заметили. Мы сюда не драться пришли. Пока что. Мне кажется, у тебя будут все шансы пустить топор в ход, но я была бы очень рада, если бы это произошло не сегодня и не в гоблинском лагере посреди леса.

— Пошли, пока Молчун один далеко не упёр, — немного зло бросил Далур и, подражая ушедшему ранее человеку, постарался тихо протиснуться между веток. Одна зацепилась за кольцо кольчуги, и с тихим треском сломалась, другие же зашуршали, словно поднялся сильный ветер. Из-за листвы до Арди донеслось приглушённое ворчание.

Девушка поморщилась, поправила меч и неслышно скользнула следом за дварфом.

Долгое время они шли по лесу и настороженно прислушивались к каждому звуку. Арди и Далур напряжённо вглядывались в каждый просвет в листве. Они старались засечь любое, даже малейшее движение. Несколько раз Молчун появлялся впереди и давал знак остановиться. Вскоре он махал рукой, и осторожное продвижение по лесу продолжалось. Просека уперлась в опушку, на противоположной стороне которой виднелся едва различимый силуэт Молчуна. Когда он увидел дварфа и девушку, он призывно махнул им рукой. Арди низко пригнулась и легко побежала. Одной рукой она придерживала меч, в другой держала лук. Девушка неслышно скользила по просеке. Чуть позади тяжело топал дварф с боевым топором в руках.

Они успели преодолеть две трети опушки, когда сзади послышался оглушающе громкий треск. Кто-то громадный продирался через лес напрямик и даже не старался обходить кусты. Этот кто-то приближался и шум стремительно нарастал.

— Ходу! — бросила Арди и не разгибаясь засемила с удвоенной скоростью к Молчуну, под защиту и тень деревьев.

Далур бежал рядом. Он закинул щит за спину, а вместо него взял в руку метательный топор. Вторая рука всё также сжимала секиру. Он тоже, как и Арди пригнулся, но из-за этого начал сильно отставать. Казалось, что бряцание его кольчуги и оружия слышно всей округе, даже на фоне нарастающего треска деревьев.

Молчун заложил снаряд в пращу. Он искал взглядом, в каком месте из стены деревьев выйдет тот, кто так громко шумит, и поглядывал на бегущих к нему товарищей. Первой прибежала Арди. Она сразу упала на землю и спряталась за крупным корнем. Вскоре и Далур забежал за деревья. Он тяжело привалился к стволу дерева рядом с Арди и оглянулся на просеку.

Из сплошного переплетения веток и густой листвы с треском вырвалась фигура. Высоченная, как два Молчуна ростом, но вся какая-то нескладная, словно нарисованная художником которому позировали разные люди для написания каждой части тела. Неприлично крупный горб не давал существу выпрямиться. Одна рука, мускулистая и короткая, держала за ногу мёртвого кабана. Вторая же более тонкая придерживала тушу оленя на противоположном от горба плече. Внешним видом оно напоминало гоблина, только увеличенного и лишённого всякой симметрии.

— Троль, — выдохнул Далур. — Вашу мать, это троль!

Молчун и Арди ошарашенно смотрели на тролля. На их лицах отчетливо читались борьба со страхом и отвращением одновременно. О троллях слышали все. Только слышать это одно, а вот увидеть воочию совершенно другое дело. Сказки, которыми бабы пугали непослушных детей, оживали перед их глазами. Байки искалеченных людей в тавернах обрели плоть. Одно дело трусливые и слабые гоблины, и совсем другое — троль. И этот троль был перед ними.

Фигура неуклюжей раскачивающейся походкой шла по просеке мимо. Двое людей и дварф притихли и застыли, словно каменные изваяния. Изредка троль останавливался, чтобы поправить оленя на плече или поудобнее перехватить ногу кабана. Вскоре он с громким треском, всё так же не разбирая дороги, исчез с другой стороны опушки.

Первым пришёл в себя и нарушил молчание Далур:

— Хреново дело. Супротив такого с голым задом не выйдешь. Шкура у них что твоя кольчуга. Тут и оружие не всякое поможет. Нужны пики и луки, а лучше арбалеты. И рука опытная. Мы таких били у себя в горах. Семеро нас на одного тогда вышло. Трое живыми вернулись. Целым — никто. Я то ладно, а вот другим... — на мгновение его лицо потемнело, глаза потухли. — Другим не так свезло. Нам бы, конечно, не втроём тут шариться. Может, вернёмся и этих дармоедов городских кликнем?

— Сначала убедимся, что селяне там, — Молчун немного оправился от увиденного и начал ожесточённо тереть лоб.

— И, глядишь, ночью под шумок получится их вывести, — Далур понял, к чему клонит Молчун. — Если их там нет, то и уйдём тихо. Расклад всё равно не в нашу пользу, куда ни плюнь. Десяток охотников, десяток стражников наберём, да нас трое. Супротив племени с, мать его драть, троллем. Нет, силой тут не возьмём. Маловато её у нас. Ох как маловато.

— У вас совсем в головах мозги протухли? Лучше к шатуну по зиме подойти и пинка хорошего отвесить, чем на ЭТО выходить! Драться с этой штукой ни за ломаный медяк, ни за полновесную золотую я не намерена, — Арди взволнованно шипела и от полноты чувств едва успевала сглатывать слюну. — Я...

— Тише, — Далур взял её за плечи и заглянул в лицо. — Драться-то мы с ним и не собираемся. Поглядим и уйдём. Только и всего. Скоро уж стемнеет. Решай давай. Мы с Молчуном уже для себя решили. Осталась ты.

— «Мы не собираемся!» — передразнила наёмница. — Ну так, а если он соберётся? Что делать то тогда будешь борода? Скажешь ему, что мы просто тут гуляем, и не надо обращать на нас внимания?

Молчун отошёл на несколько шагов в сторону и замер словно изваяние. Он внимательно слушал лес и лишь глаза скользили от одного куста к другому.

— Арди, у них плохо со слухом, нюха звериного тоже нет. Ну а зрение не особо поможет в вечернем-то лесу, — Далур говорил ровным спокойным голосом. — Драться мы не будем. От этой туши можно убежать и спрятаться. Лес, будь он проклят, — не чистое поле, здесь с этим проще. От гоблы, глядишь как-нибудь отмашемся. Это если придётся. Ну, дальше идём или за подмогой вертаем? Это день туда, день сюда. Как ни поверни, два потеряем.

Арди уставилась в пустоту и размышляла. По лицу то и дело проходило какое-то движение. То желвак сыграет, то брови поползут к переносице, сминая кожу на лбу. Молчун внимательно следил за просекой и ловил каждый шорох. Далур в упор смотрел на Арди и выжидающе молчал.

— Да хрен с вами, ваша взяла, — нарушила тишину Арди. — Смотрим и сразу, слышите, сразу же уходим! — она тревожно потеревила ремешок на ножнах и махнула рукой. — Пошли уже! Смеркаться начало, а нам чесать ещё хрен знает сколько. Пойми, поди, во что ввязалась, да теперь чего уж...

На удивление, идти пришлось не так долго. Всё чаще стали попадаться едва заметные тропки, но идти по ним было несравненно легче и быстрее нежели продирается сквозь подлесок, и вскоре они приблизились к лагерю настолько начали улавливать отдалённые голоса и звуки.

— Чуете? — Далур застыл и, широко раздувая ноздри, втянул воздух. — Дым. Дым и мясо на огне. Аж пожрать потянуло! Если только... — он осёкся. — Если только это не селяне так пахнут.

Молчун с отвращением поморщился и потянулся к дубине.

— Не нагнетай. Кабанов да оленей они не так просто волокли к себе, — Арди недовольно дёрнула щекой. — Хотя одно другому... Да и что этот жрёт... Думать не хочу даже.

Сумерки сгущались всё сильнее. Детали с окружающего их леса стирались, словно на холст пролили растворитель. Вроде всё видно, но не всегда понятно, что именно. Наёмники вышли к небольшому оврагу, отвесному с противоположной стороны и поросшему кустарником с этой. В отдалении снова послышались тихие голоса и сразу пропали. В нос ударил резкий неприятный запах. Далур неудачно глубоко вдохнул и тут же уткнул лицо в пудовый кулак, стараясь подавить рвотный позыв.

— Эта вонь... Лагерь близко, — тихо прошептала Арди и брезгливо заглянула в овраг. — Лагерь, думается мне, большой. Шум оттуда, — она указал рукой вправо, — тут нужник. Надо быстро уходить, мало ли, приспичит кому. Давай, слева по дуге углубимся чуть и попробуем выйти к лагерю, — Арди прижала руку к лицу. — Пошли уже.

Молчун согласно кивнул и пошел прочь от оврага.

— Смотри ты, чуть умнее твоей козы, а додумались до отхожего места, — чуть приведя дыхание в норму, удивлённо пробормотал Далур и заспешил вслед за спутниками.

Лес наполнился уютными ароматами мяса и костра. Но в воздухе ощущалось ещё и что-то резкое. Что-то едва уловимое.

— Можжевательник жгут, сволочи. Одна гнусь с другой борется, — Далур заметил, что с появлением запаха стал реже сгонять осточертевших насекомых с открытой кожи.

— Спят рядом, чему дивиться? — Арди на секунду замерла. — Слышите? Топь.

Только сейчас Далур понял, что слышны очень тихие, но отчетливые голоса лягушек.

— Давай, к топи, — Арди немного ускорила шаг. — Там шорохи привлекут меньше внимания, да и вряд ли гобла туда пойдёт в ночи. Дождёмся там темноты, и пойдём на разведку.

По мере того как они приближались к топи, лягушачий гвалт нарастал. Наконец наёмники упёрлись в стену рогоза, а крики лягушек стали оглушительными в вечерней тишине. Запахи костров и мяса остались далеко позади, их сменил запах стоячей воды и тучи комаров. Насекомые одуревшие от такого подарка принялись лезть в лицо всей троице.

— Давай сюда, — Арди нырнула в высокую траву под большой куст. Когда они все оказалась в траве, Молчун аккуратно расправил всё, что они примяли. Теперь заметить спрятавшихся наёмников можно было только наступив прямо на них.

Ждать пришлось недолго. Небо, и раньше прикрытое рваными лоскутами облаков, окончательно заволокло, и лишь в последние редкие прогалы за лесом подглядывала луна.

— Хоть ветерок бы от лагеря сюда дыма донёс хоть чуть. Руками машу что твоя мельница... — тоскливо пробормотал Далур и в десятый раз за последнюю минуту провёл ладонью перед лицом. Можжевеловый дым от лагеря гоблинов сюда не долетал, и все трое не прекращая смахивали с лиц и рук роившихся здесь насекомых.

— Ну, пошли, — негромко заговорила Арди. — Мы с Молчуном зайдём в лагерь, по отдельности, но на виду друг у друга. Ты, Далур, останешься вне лагеря и... Будешь на подхвате. Что случится — шуми, привлекай внимание. Хоть проповедь читай, хоть песню пой. Только фривольную и громко. Переполох будет нам на руку, глядишь, и уйдём. Если пленные селяне тут — мы их быстро найдём. Место, где сидит два десятка человек под замком, должно быть примечательно. Потеряемся — встречаемся здесь. Место найти нетрудно. Край лагеря со стороны болота, и немного пройтись. Хм-м, — она на секунду задумалась. — Далур, а правда, что ваш брат видит в темноте?

— Правда. Где вам крошечная тьма — мне сумерки. Я место это найду, не переживай. Стало быть, пошли. Меня уже почти сожрали, — проворчал дварф, сгоняя очередную стайку кровососов.

— Погоди. Вещи тут оставим, только мешать будут, — она достала небольшой кожаный свёрток и, развязав шнурок, извлекла тетиву. — Дай натяну, на всякий-то случай. Хоть и неудобно будет ползать там с луком, но мне оно так спокойнее. Как дело сделаем — вернёмся за вещами.

После того как наёмники покинули убежище, идти пришлось недалеко, но очень непросто. Тусклый свет луны редкими холодными лучами прорезал кроны. Как они ни старались, полностью бесшумно передвигаться не получалось. Отряд замирал после каждой оглушительно хрустнувшей ветки, и только убедившись, что их никто не услышал, они крались дальше. Вскоре снова послышались голоса и шум, потянуло ароматами дыма и жареного мяса, и спустя ещё немного времени в листве замелькали тёплые огни. Кто-то начал отбивать жесткий ритм на барабанах, и тонкие скрипучие голоса быстро подстроились под него. В них слышалось мрачное торжество и бахвальство.

— Празднуют что ли? Хорошо! Хорошее время для вылазки, — едва слышно прошептала Арди, всматриваясь в просветы в листве.

Перед ними расплзлась большая опушка. Чуть левее их схрона, шагах в ста пятидесяти ближе к топи чернел большой загон, собранный из крупных веток, переплетённых между собой. Высокий и тёмный, он не позволял разглядеть, что находится за его стенами. Прямо перед ними, насколько хватало глаз, разросся лагерь. Палатки конусом из палок и шкур, навесы из веток и хвойных лап, просто кучи листвы и тряпок. Это всё разнообразие громоздилось на любом свободном клочке земли. Разглядеть больше не получалось. Местами уютно потрескивали небольшие кострища, именно их свет пробивался через листву, и на него шёл отряд. Шагах в трёхстах справа виднелись огромные костры, не чета предыдущим. Кучи веток и брёвен были сложены большими колодами и их жадно и с треском пожирал огонь. Повсеместно из темноты выныривали небольшие фигурки и тут же скрывались из круга света. Именно оттуда и звучали голоса. Именно там неспешно рокотали барабаны.

— Ты гляди! Да там всё их клятое племя, — Далур шевелил губами, стараясь сосчитать гоблинов. — Тьфу, твари, скажут постоянно что твои вши, да и издали не понять... Эх, сюда бы сейчас полсотни наших, щитовой тяжёлой пехоты...

— А пивка кружку да девку срамную не подать? А, мечтатель? — Арди недовольно шикнула на дварфа.

Невдалеке из-под одного из навесов вылез гoblin, вяло почесал грудь и немного покачиваясь побрел в сторону топи.

— Всё племя там, да не совсем. Этот, гляди-ка, не скачет у огня вместе со всеми. Сколько их таких тут? Плана не меняем. Я с Молчуном разведую, что в том загоне. Ну или вернее, кто. А ты жди тут. Если что — как договорились. Шуми, кричи, вноси сумятицу.

Арди не успела закончить, как со стороны костров раздался пронзительный визг, полный ярости. Барабаны смолкли, лишь скрипучие голоса гоблинов звучали, не теряя ритма.

— Или меняем, — сказала Арди. — Молчун, давай к загону, а я посмотрю, чем они там таким заняты.

— Не нравится мне это, — Далур неуверенно покачал головой. — Мы и так в меньшинстве, да вы ещё и разбежаться в разные стороны решили, как крысы по помойке.

— А как по-другому? Есть предложение получше? Нам надо проверить и загон, и вон те костры. Я не знаю, сколько у нас времени и когда они там закончат свои вопли, чтобы разбрестись по всему лагерю и окрестностям, — Арди говорила быстро, тихо и чуть раздражённо. — Нам надо выяснить, что хотели, и быстрее уматывать отсюда. Да и непонятно где эта тролля морда сейчас находится. Ну, хватит разговором. Сейчас не до

них. Мы так до утра тут просидим.

Со стороны костров вновь долетел пронзительный визг. Долетел и словной плёткой стеганул по ушам. Теперь в нём буквально чувствовалась не только ярость, но и боль. Голоса стали чуть громче, ритм жёстче.

— За дело, — Молчун отцепил от пояса дубину и шмыгнул в сторону загона.

Далур проследил взглядом за ним, а когда повернулся к Арди её уже не было. Дварф остался один.

После того, как Далур и Молчун скрылись в листве за её спиной, Арди обратилась в слух. Она двигалась быстро, насколько позволяли свет и весь её опыт хождения по лесу. Ветви ольхи, густо росшие вокруг поляны, едва слышно шуршали от её движений, но так может шуршать и ветер.

Девушка часто останавливалась и вслушивалась в окружающую темноту. Кусты становились все гуще и гуще, а идти бесшумно — всё сложнее.

Арди осторожно вынырнула на опушку и продолжила красться вдоль её края. Костры стали заметно ближе. Крики из невнятного шума превратились в отдельно звучащие голоса и фразы.

Девушка устала на фигурки в отдалении и замерла. Она ждала чего-то, словно решала где подойти к кострам поближе. Время быстро утекало, а она так сидела в высокой траве и не двигалась.

Вдруг Арди поняла, что бегая взглядом по кострам и силуэтам в кругу света, она искала глазами совсем не селян. И даже не следы их пребывания здесь. Она искала огромную уродливую фигуру. Она искала тролля. Искала и боялась наконец найти.

Арди мысленно обругала себя за нерешительность, собралась с духом и крадучись пошла вперёд. Чем ближе становились костры, тем сильнее нарастал гвалт. Опасения выдать себя случайным шорохом растаяли. Она подошла ещё ближе, к самой границе света и двинулась вправо вдоль неё.

Здесь гоблинов было очень много. То и дело они сновали меж костров, на которых жарилось мясо, словно муравьи, в чьё жилище угодил брошенный камень. На расстеленных шкурах громоздилась еда и глиняная посуда. Ароматы жаренного мяса сводили с ума.

Да, это действительно был их праздник. Некоторые гоблины на узких плечах носили шкуры животных. С гордым видом они прохаживались в толпе и важно поглаживали их. Другие же трясли перед длинными носами своих товарищей ожерельями из зубов и когтей или носили причудливые маски с закреплёнными рогами. Зеленокожие жадно ели и пили, громко смеялись и ругались. Отовсюду доносились их тонкие голоса и переплетались в немыслимый гомон.

Арди видела радость на отталкивающих носатых лицах. Видела, как в костры летят целые охапки ветвей можжевельника и исторгают едкий дым едва коснувшись пламени, видела пот, блестящий на обнажённых плечах. Видела гоблинов, выделяющихся худобой и малым ростом даже на фоне своих соплеменников. Именно они чаще других носили шкуры и ожерелья.

«Это что, подростки? Это большая охота в честь праздника? Молодежь посвящают в охотники?»

Но Арди так и не увидела здесь ни одного человека.

Девушка ещё понаблюдала за ними совсем немного времени и продолжила забирать вправо. Вскоре ей открылся небольшой отдалённый изгородью пятючок земли. Вдоль сплетенной из веток изгороди часто горели плюющие жиром факелы. Внутри импровизированной арены кипела схватка. Четыре гоблина-подростка с разных сторон наседали на здорового кабана. Они окружили его и постоянно кололи короткими копьями с разных сторон куда придётся. Кабан хрюкал и визжал, крутился на месте, стараясь защититься от вездесущих копий, несущих боль. Изредка он кидался на зеленокожего, но тот проворно отпрыгивал в сторону и попытка продолжалась. Пятый гоблин замер лёжа во влажно поблескивающей красноватой грязи. С противоположной от Арди стороны за действием молча наблюдали зеленокожие в рогатых масках.

Бой уже заканчивался. Кабан растерял все свои силы и едва мог сопротивляться. Теперь животное тихо и жалобно повизгивало. Оно крутилось на месте, не для того чтобы защититься от копья, а для того чтобы найти путь к бегству. Но его не было. Вокруг были только острые копья и кричащие зеленокожие.

Наконец один гоблин подошёл слишком близко, и кабан с яростью бросился на него изо всех оставшихся сил. Зеленокожий проворно отпрыгнул в сторону, а его товарищи не мешкая воткнули копья в шею и за лопатку зверю. Тот уже не смог устоять и упал на бок. Попытался было встать, но сил уже не хватило. Зверь дернулся и упал обратно в грязь. Один из гоблинов отбросил копье в сторону и подхватил что-то с земли. Он подбежал к кабану и с размаху всадил ему в бок длинный стальной штырь. Кабан снова оглушительно завизжал и сильно дёрнулся. Трое гоблинов восторженно кричали и прижимали воткнутыми копьями животное к земле, пока четвёртый раз за разом колол того в бок. Визг ослабевал, становился всё тише, пока после очередного удара наконец не прекратился.

Гоблин в рогатой маске важно вошёл в освещённый круг. Четвёрка зеленокожих вмиг смолкла и устала на него. Рогатый обвёл всех взглядом и что-то гнусаво прокричал. Тут же ко всем четверым подбежали невысокие фигурки. Кто-то радостно хлопал победивших по худым плечам, кто-то потащил тушу кабана прочь. За ними

оставалась дорожка пропитанной кровью грязи. Лежащего в пыли гоблина осторожно подхватили на руки куда-то унесли. Рогатый продолжал говорить удивительно торжественно, несмотря на свой гнусавый голос и размахивал руками.

Вдруг боковым зрением Арди заметила движение справа. Оно как-то выбивалось из общего мельтешения, царящего здесь. У Арди похолодело в животе, а промеж лопаток потекла капелька пота. Она повернулась и увидела возле большого костра неподалёку тролля. Тот сидел тёмной глыбой на самой границе света и чесал своей тонкой рукой громадную голову. Тролль казался взрослым мужчиной среди трёхлеток. Словно отец пришёл с тяжелой работы домой и сел у очага, а вокруг него возится всё его многочисленное потомство. Тролль отправил в рот целую ленту кабаньих рёбер и принялся жевать вместе с костями. Покончив с едой он грузно поднялся на ноги и направился в сторону топи своей раскачивающейся походкой.

Девушка сглотнула слюну и, часто оглядываясь туда где последний раз видела тролля, забрала ещё вправо. Но и здесь она не нашла людей. Не было видно ничего, что указывало бы на их пребывание в этом лагере. Только празднующие под дикий рокот барабанов гоблины и их костры.

Она осторожно отступила в темноту и загоропилась обратно к Далуру. Идти назад, несмотря на всё ту же крошечную тьму, было значительно легче, и она быстро вернулась к кусту, в котором они недавно расстались.

Пустому кусту.

— Куда тебя-то хрен унёс, Далур? — прошептала Арди, холодея внутри.

Девушка быстро огляделась. Толком ничего не видно, но следов боя вроде нет. В голову настойчиво лез тролль. Поляну через расступившиеся тучи залил холодный лунный свет. Девушка провела рукой вдоль тетивы тихо стала пробираться через кусты. Она торопилась в направлении загона, к которому ушёл Молчун. В руках были крепко сжаты лук и стрела.

Молчун быстро и почти беззвучно, словно лист, подгоняемый ветром, скользил к загону. Несколько раз он замирал в тени куста или прижимался к палатке и ждал, пока пройдёт очередной гоблин или пока чутьё разрешит двинуться дальше. Полностью неподвижный, он позволял себе только моргать, и то нечасто. Когда невысокая фигурка зеленокожего скрывалась из виду, Молчун короткими перебежками нырял из одной тени в другую.

Наконец он добрался до загона и заглянул внутрь, хотя уже знал увидит. Оттуда пахло нечистотами так что перехватило дыхание. В темноте кто-то беспокойно возился и похрюкивал. Молчун хмуро окинул взглядом едва различимых во мраке, казавшихся живыми кляксами темноты диких свиней.

Ни людей, ни следов их пребывания здесь видно не было.

Молчун медленно крался вдоль загона дальше, пока не увидел чуть поодаль ещё один такой же. Спустя одну короткую перебежку он уже заглядывал за невысокую стену. В загоне были только грязь, вытоптанная земля и вонь. Никого живого или мёртвого.

Молчун позволил себе один короткий разочарованный вздох и огляделся вокруг. Ничего примечательного, только тёмные силуэты шатров и палаток, да лежбища вокруг полу потухших кострищ.

«Надо возвращаться к дварфу. Кроме зеленокожих тут никого нет. Видимо, и не было. Хотя, может, Арди что-то нашла... Кому-то должно повезти этой ночью.»

Молчун в очередной раз замер и прислушался.

Тоненький голосок тихо-тихо напевал что-то невероятно унылое. Высокие ноты переходили в горькие всхлипывания, но поющий брал себя в руки и продолжал тянуть свою грустную песню. Приглушенный звук шёл от расположенного невдалеке здоровенного, обвешанного шкурами, шатра.

«Баба какая запела? Или зелёный горло дерёт? А что тоскливо так? У них же всё племя отмечает что-то у костров. Нет, это надо проверить».

Мужчина перехватил поудобнее дубину и, пригнувшись пониже, шмыгнул к шатру. Внезапно нога поехала по мокрой земле в сторону и Молчун едва не упал. Чертыхнувшись про себя, он стал внимательнее выбирать, куда поставить ногу. Наконец, раскисшая земля осталась позади, и он замер возле шатра.

Пели определённо внутри, но Молчун не смог разобрать слов как ни старался.

Насколько возможно тихо, Молчун обошёл шатёр.

Сероватую темноту прорезало очертание проёма, из которого через неплотно прилегающий полог проникал свет. Молчун замер вплотную ко входу и вслушался в тишину.

Голос тонко, почти визгливо протянул какую-то ноту и затих. Пение прекратилось.

«Заглянуть? Нехрена торчать тут дольше нужного. А, была не была. Смотрю, и ходу».

Молчун досчитал про себя до пяти, глубоко вдохнул и придвинулся вплотную к пологу. Рука потянулась к пологу, чтобы немного отодвинуть его и заглянуть внутрь.

Издали раздавался испуганный визг, перекрывший и отдалённый рокот барабанов и громко бьющееся сердце Молчуна...

Пальцы почти коснулись полога, когда тот откинулся, и человек оказался нос к носу с гоблином. Ещё не привыкшие к темноте маленькие глаза шурились. Зеленокожий пытался разглядеть гостя, стоявшего за пределом круга света, на самом его границе с тенью. Гоблин был довольно высок — он почти доставал до груди Молчуна. К тому же на его голове была шапка с развесистыми оленьими рогами, и это делало его ещё выше. В руке виднелось короткое копьё, которое гоблин использовал как трость. Над впалым подбородком нависал огромный острый нос. Большого ослеплённый светом Молчун не успел разглядеть.

Заминка длилась несколько мгновений, потом человек распрямил ноги и всем весом втолкнул зеленокожего обратно в шатёр. Наёмник был ощутимо тяжелее своего противника, и тот отлетел к дальней стене, но равновесия не потерял и спустя ещё мгновение уже сжимал своё копьё двумя руками.

Острый аромат защекотал ноздри Молчуна.

Тяжёлый медный запах крови смешивался с обычной вонью жилища гоблинов и с чем-то едва уловимым и пряным. Здесь пахло потом, старыми засаленными шкурами и прогорклым жиром. Здесь пахло ароматными, высушенными травами и соцветиями. Это всё смешивалось в невообразимую смесь и кружило голову.

Молчун краем глаза увидел ещё одного гоблина и на мгновение бросил туда взгляд. Зеленокожий неподвижно лежал невдалеке. По его впалой груди и голове расплзались тёмные кляксы.

Гоблин в рогатой шапке проскрипел что-то тонким голосом на незнакомом Молчуну языке. Копьё мгновенно метнулось в лицо человеку, но тот успел отклонить голову и остриё прошло мимо.

Мгновение спустя скулу обожгло, в черепе противно отдался скрежет, и по вспоротой щеке потекла горячая кровь. Молчун несколько раз попытался достать дубинкой голову своего противника, но тот или подставлял под удар древко копья, или проворно отпрыгивал в сторону.

На мокром и морщинистом лице зеленокожего сверкали злобой глаза. Он тяжело дышал и то и дело шмыгал носом. Молчун не давал ему ни секунды передышки, атакуя его снова и снова, чтобы тот не смог перевести дыхание и закричать. Пока гоблин успешно защищался. Он выставил копьё перед собой и делал редкие ответные выпады. Зеленокожий старался развернуть Молчуна и приблизиться к выходу из шатра, маячившему за плечом человека.

«Надо быстрее заканчивать. Как бы нас не услышал кто!»

Молчун снова кинулся на гоблина. Мужчина размахивал дубинкой, тщетно пытаясь попасть по юркому противнику. Тот отскочил на шаг вбок и вдруг резко выбросил оружие перед собой. Молчун уклонился от укола копьём в грудь, изловчился и схватил древко левой рукой.

Дубинка сильно ударила гоблина в лицо.

Раздался влажный хруст, и зеленокожего отбросило на лежавшего невдалеке второго гоблина. Рогатая шапка упала на землю. Молчун утёр пот со лба и потрогал распоротую щеку. На пальцах алым блеснула кровь.

Он подошёл к поверженному противнику. На сторбленных морщинистых плечах зеленокожего расплзались старые, выцветшие татуировки. Из большой вмятины на виске сочилась кровь. Под старым, только что убитым гоблином застыл второй, совсем молодой, с разорванным горлом.

«Чтоб тебя... Ясно же было, что пленные песен не поют. Нет, попёрся. Что, доволен?»

Молчун тихонько шмыгнул к пологу вслушался в ночь.

Снаружи было почти тихо. Только барабаны в отдалении гулко отбивали свой древний ритм.

По черепу Молчуна вновь разлилась тупая боль. Она затопила сознание, заставила морщиться и стискивать зубы, чтобы не застонать. Он помассировал виски и досадливо сплюнув на застеленный шкурами пол. Человек с сожалением оглянулся на убитого гоблина, постоял так несколько мгновений и покинул шатёр.

Далур напряжённо, до рези в глазах, всматривался в нестройные ряды навесов и палаток. Время от времени он чуть выглядывал из своего укрытия и пытался найти взглядом Молчуна или Арди, но их нигде не было видно. Лишь пару раз на глаза Далуру попадался очередной гоблин, идущий к скоплению ночёвок или от него.

Несмотря на тёплую ночь, по спине дварфа начинали бегать крупные мурашки. Вдоль позвоночника расплескался холод. Далур кожей ощущал чьё-то присутствие за его спиной. Дварф не выдержал и резко оглянулся. Как и всегда, там никого не было.

— Уходите, — одними губами прошептал дварф. — Пожалуйста, уйдите...

Сидеть на месте и спокойно ждать становилось всё тяжелее. Желание бежать, рубить, кричать или с воем нестись прочь захлёстывало дварфа.

Далур положил щит у своих ног, взял в левую руку секиру, а в правой крепко стиснул метательный топорик. Но тревога не отступала. В одиночестве, в ненавистном лесу, возле большого лагеря гоблинов ему было неспокойно. Он никак не мог взять себя в руки.

От костров вновь раздался визг. На этот раз испуганный и отчаянный, полный боли и мольбы. Далур чуть не подпрыгнул на месте и резко развернулся в его сторону. Визг бил по ушам, ввинчивался в мозг и тянулся, казалось,

бесконечно. Заглушая его, громом грянули крики ликования.

Далур в последний момент подавил желание вскочить и сломя голову броситься в лес. Как можно дальше от этого места, дальше от проклятых гоблинов.

От скрытого где-то в темноте тролля.

На спину, обжигая холодом, навалилась невидимая глыба. Дыхание Далура сбилось и он, стараясь успокоиться, зашептал одними губами старую дварфийскую не то песню, не то стих.

«Держи топор крепкой рукой.

Бой — наш отец, а мать — скала.

Труса семье быть под пятой

Трижды проклятого врага.

Держишь топор — держи и строй,

Дерись, пока не победишь,

И стой...»

Рокот барабан вновь зазвучал над поляной. Далур замолчал. Он гадал что же происходит там вдалеке, около тех костров.

Секунды вновь потянулись нескончаемой вереницей. Тревожное ожидание длилось бесконечно. Далур словно попал в застывающую смолу. Сердце замедлилось и с большим трудом проталкивало такую вязкую кровь по венам.

Со стороны палаток серый мрак шевельнулся и замер. Далур повернул голову и снова стал до рези в глазах вглядываться в зыбкое марево.

Через несколько мгновений из-за навесов показалась голова тролля. Вслед за ней — и его уродливый торс. Громадина направилась в сторону загона, мимо костров и палаток.

Далур судорожно стиснул в руках оружие, теперь кажущееся столь маленьким и бесполезным. Он закрыл глаза и закусил губу, чтобы не закричать. На бороду потекла тонкая струйка крови. Под кольчугой выступил холодный пот и вмиг пропитал тонкую рубаху.

Призраки прошлого окружили его плотным кольцом. Он не видел ни одного из них, но остро чувствовал каждого. Чувствовал их присутствие, их взгляды. Страх смешивался с виной, и отогнать их никак не удавалось. Каждый смотрел на него с презрением и укором. Их взгляды обжигали холодом, давили своей тяжестью, заставляли ёжиться и цепенеть. Один особенно сильно. Этот взгляд Далур никогда бы ни с чем не перепутал. Невидимые губы шептали проклятия, а пальцы показывали прямо на него. Руки Далура вмиг потеряли твёрдость и силу. Оружие дварфа крупно дрожало, и он никак не мог успокоиться и унять эту дрожь.

Далур через силу открыл глаза и закрутился на месте. Дварф затравленно озирался, но вокруг никого не было. Он был в кустах один.

«Соберись! Хочешь как тогда? Трус вонючий! Ну, пустая порода! Давай! Дварф ты или одно название?!»

Далур пытался урезонить себя. Ему никак не удавалось успокоиться и сбросить с себя липкие путы страха. Дварф собрал все осколки своей воли в кулак и заставил себя осторожно выглянуть наружу.

Шагах в пятнадцати от него тролль всё так же шёл к загону. Своей неуклюжей раскачивающейся походкой он двигался в сторону, куда совсем недавно направился Молчун.

Это придало Далуру решимости. Холод немного отступил, отполз куда-то ниже по позвоночнику и там притаился. Дварф поборол желание закричать Молчуну, чтобы тот бежал в лес и спрятался там. Далур осторожно закинул щит за спину, поудобнее перехватил топориче вспотевшей ладонью и стал красться за троллем.

Свет костров не доставал досюда, а небо совсем затянуло тяжёлыми облаками. Луна ничего не освещала. Тёмная опушка была густо залита чернильно-чёрной тьмой.

Но не для дварфа. Для него всё просто утратило краски и предстало в серых тонах. Как будто в густом тумане. Шагах в тридцати эта серость сливалась в сплошную стену, и разобрать хоть что-то было уже решительно невозможно, но на меньшем расстоянии он отчётливо видел очертания, размер и форму. Шагов с десяти можно было различить даже детали. Несмотря на это, Далур согнулся почти вдвое и, внимательно высматривая куда ставит ногу, шёл за огромной фигурой впереди, безнадежно отставая.

Сердце билось где-то в пересохшем горле и мешало дышать.

Расстояние до загона таяло. Далур наконец увидел Молчуна. Тот замерев сидел на корточках у стены шатра. Он вжался в неё спиной и пытался разглядеть в темноте тяжело ступающего тролля.

Облака немного расступились, и опушку залило серебристым лунным светом. Тролль и человек увидели друг друга одновременно. Их разделяло не более двадцати шагов.

Замешательство длилось секунду.

Тролль что-то проворчал неожиданно высоким голосом, качнулся, как дерево от порыва сильного ветра, и, расставив руки, пошёл на Молчуна. Тот рванул было в сторону, но поскользнулся и упал, не пробежав и шага. Махина обрадованно хрюкнула.

«Давай, мать твою, помоги ему! Ну! Давай! ДАВАЙ!» — кричал про себя Далур и испуганно сжимал топор. Руки не слушались и крупно дрожали.

Наконец он решился.

Далур разогнулся, выставил вперёд левую ногу и наспех метнул топор дрожащей рукой. Время замедлилось. Топор сделал один оборот, другой, третий, ударил тролля в спину рукоятью и бессильно отлетел в сторону.

Далур зарычал, выхватил следующий и спустя секунду метнул. Топор глубоко воткнулся в плечо наполовину повернувшегося тролля. Раздался необычайно высокий крик, почти визг.

Далур зажал голову руками и едва не упал на землю.

— Иди сюда, мразь зелёная! — обычно низкий и уверенный голос Далура казался тонким и дрожал. — Ну, чего встал, паскуда? Иди! Сюда!

Дварф крепче сжал топор. Он выставил вперёд щит и быстро пошёл к троллю, отвлекая того от Молчуна.

С каждым шагом уродливая образина казалась всё больше и внушительнее. Далур казался себе всё слабее и беспомощнее. Его решительность стремительно таяла. Ноги тяжелели и кто-то очень настойчиво кричал в голове: «БЕГИ!»

По спине снова разлился холод, и пока хватало воли не слушаться этого голоса, Далур с рычанием побежал на тролля.

Дварф пригнулся, поднырнул под громадную лапу тролля. Когда та пронеслась над головой, его обдало ветром. Далур тут же что было сил ударил, целя в колено твари. Топор с сочным звуком врубился в плоть. Дварф выдернул его и сделал быстрый шаг назад. Но понять, куда он попал, так и не успел.

Тролль своей мускулистой рукой с чудовищной силой ударил дварфа. Собственный щит метнулся ему в лицо. На секунду Далур ощутил, как рот наполняется кровью, лёгкость во всем теле и как что-то жёстко ткнулось ему в спину, выбивая весь воздух из лёгких.

Оглушительный тонкий вопль раздался невдалеке. Спустя несколько секунд Арди услышала голос Далура.

— Иди сюда, мразь зелёная! Ну, чего встал, паскуда? Иди! Сюда!

Она что было сил рванула на голос. Больше таиться смысла не было.

Арди вынырнула на залитую лунным светом опушку и увидела, как тролль ударил Далура. Тот брошенной капризным ребёнком куклой отлетел на десяток шагов к лесу. Позади гиганта виднелся поднимающийся с земли Молчун.

Не раздумывая, она послала стрелу в голову тролля... Снова раздался высокий вопль. У кострищ затихли барабаны. Послышались взволнованные тонкие крики.

— Помоги Далуру и дёру! — рявкнула Арди, наложила ещё одну стрелу на тетиву и послала её вслед за первой. Тролль заспешил в сторону лучницы. Он припадал на одну ногу и высоко ворчал.

Арди дождалась пока тролль подойдёт ближе, и нырнула в лес. Она по дуге побежала к месту, где примерно лежал Далур. За спиной трещали ветки. Тролль орал на весь лес своим удивительно тонким голосом. Звук быстро приближался.

«Сука! Вот вляпалась! Хрен я их больше когда послушаю! Надо бежать в другую сторону. Я его так обратно к Далуру и Молчуну приведу. Не отстаёт, мерзость такая!»

Арди на ходу выхватила стрелу, остановилась и почти не целясь выпустила её на звук. Темнота ответила тонким криком боли и ярости. В надежде что Молчун её услышит, она крикнула во все лёгкие:

— Молчун! Ждите у вещей!

Девушка стала забирать левее. Время от времени она громко выкрикивала ругательства. Бег по ночному лесу давался тяжело, да и бегом это не назвать. Всё время что-то цепляло и хлестало по лицу, оставляя мелкие, но болезненные царапины.

Треск веток сзади стал ещё ближе. Что-то попало под ноги Арди, и она с шумным выдохом растянулась на земле. Девушка быстро оглянулась и увидела трухлявую короткую ветку. Треск кустов раздался почти над головой. Арди схватила деревяшку и что было сил швырнула как можно дальше в кусты. Зашуршали листья, зашевелились ветки и послышался глухой удар. Арди одним мощным движением откатилась с дороги под ближайšie заросли и замерла.

Тролль развернулся и захромал в сторону Арди. Молчун постарался вскочить, но проклятая грязь опять помешала ему, и он чуть было не растянулся вновь.

— Что за сраный день! — уже не скрываясь воскликнул человек и бросился к дварфу.

Далур лежал на спине и старался подняться. Заторможенными и вялыми движениями он искал на что опереться. Шлема на нём не было. Расколотый щит висел на руке только благодаря ремням.

— Вставай давай! — снимая разбитый щит с широкого предплечья дварфа, Молчун с опаской косился на лес и костры, от которых раздавались крики. — Ну! Слышишь?!

Далур ничего не отвечал, а лишь упрямо тряс головой и пытался опереться на непослушные руки чтобы встать.

— Топор... Дай топор... — глухим и слабым голосом пробормотал дварф.

Из разбитого рта на бороду повисла нитка кровавой слюны, и в свете луны весь подбородок поблескивал алым.

— Если мы тут останемся, он тебе уже никогда не понадобится! — Молчун пытался поднять дварфа, но у него не получалось. Тот был неожиданно тяжёл для своего роста и совсем не помогал. — Ну! Вставай!

Молчун тянул Далура вверх, и ему наконец удалось поставить того на ноги, но дварф качнулся и снова упал, ткнувшись лицом в землю.

— Топор дай! — снизу из травы послышался голос дварфа.

— Дался тебе этот топор! — зло сплюнул человек. — Поднимайся же!

— Где топор?

— Вот упёртый!

Молчун в три прыжка добрался до места, где Далур схватился с троллем, и быстро огляделся. Ничего.

— В жопу твой топор, нет времени, — Молчун побежал обратно к дварфу и впереди что-то блеснуло в траве.

Топор.

Молчун схватил его и сунул рукоять в ладонь Далуру.

— Доволен? Вставай давай, — Молчун изо всех сил тянул дварфа вверх. — Держись за меня.

Дварф с трудом поднялся на ноги. Одной рукой он держался за человека, а другой опирался на топор, как на трость. Нетвёрдой походкой они заспешили к темнеющей стене деревьев.

— ...ите у вещей! — отрывисто донеслось из леса.

Молчун оглянулся на костры. На полпути маячили бегущие тени.

— Давай, Далур! Поднажми!

Глава 4. Грязная рана

— Так какого хрена, Гарон, они сидят по избам, а не по лесам носятся? — молодой мужчина запальчиво вскочил из-за стола и крепко сжал кулаки.

Его слова взлетели куда-то под самую крышу и там затихли. Заплечный мешок, прислонённый к скамье у его ног, отозвался звяканьем железа.

— Да кабы я знал! Спроси поди дармоедов городских. — староста сильно, с досадой, дёрнул себя за длинный висячий ус. — Толс этот, чтоб его волки драли, ждёт команды из города. Старшего то их в дороге лошадь в голову лягнула, да так что все извилины снаружи оказались. Он и приехал к нам уже остывающим. Стражнички это, стало быть, доклад в город голубем отправили, теперь вот ответа ждут, кого за старшего и что делать. А по мне они только время теряют, да харчи наши изводят.

— Я сейчас пойду и поговорю с ним. В чьём говоришь доме он остановился? — шагающий туда-сюда по комнате собеседник пожилого мужчины остановился и тут же решительно направился к двери.

— Да сядь уже, Адрей! — раздражённо рявкнул Гарон, и мужчина нехотя вернулся на скамью. — Не наводи суеты, а? Говорил уже, и не единожды. Только вот толку с этого с гулькин клюв... Не всё так плохо. С ними наёмные следопыты пришли, ребята вроде сноровистые. Не чета нашей доблестной страже, — на лице старика появилось брезгливое выражение. — Как пришли, так с первым же рассветом в лес подались. Ингвару только голову сотрясли хорошенько. Но он, думается мне, по хмельному делу сам выпросил. Я их не видал их со вчерашнего утра. Сутки почитай минули.

— Куда пошли не сказали? Надо их найти! Я бы помог...

— Ох, парень, не дури. В лес они пошли. Найдёшь? Тут этого в избытке, сам знаешь. Так что сиди да жди, пока назад придут с новостями. Глядишь, не с самыми паршивыми. У нас-то зима на носу. Дел на каждого по десятку наберётся. Пока пособил бы нам руками, — Гарон кисло и вымученно улыбнулся. — Ты прости, Адрей, за такую встречу. Держатели мне в свидетелей, я рад тебя видеть. Только вот дела у нас сейчас сам видишь какие. Хмм, скажи, а сколько минуло? Семь?

— Девять. Девять лет меня тут не было.

Староста присвистнул и поскрёб заросший жёсткой щетиной подбородок.

— Давай так. Как пропавших воротят, мы пирушку закатим. И не абы какую, а что надо! И в честь их спасения, и в честь твоего приезда. А пока иди, умойся с дороги, да передохни малость. Рубаха и портки свежие в бане лежат. Огонь уже развели, я распорядился, вода греется. Помыться да постирать тебе хватит. Вещи свои пока в тот сундук положи. В полдень я зайду, дело тебе какое найдём. И это, ты пообещай мне, что с Толсом не пойдёшь разговаривать! Оно ведь без толку, не раз с ним говорено, только ссоры найдёшь, а оно тебе надо? — Гарон с прищуром окинул Адрея взглядом. — Окреп ты, парень, конечно знатно. Плуг и делянка они всегда не для тебя были, ты вечно тумачов навешать кому-то норовил. Научили тебя всё-таки железом махать? Не зря хоть ездил?

— Не зря! При ордене одном пожил. Они и драться выучили, и в сердце добро держать. Отпросился вот ненадолго в родные края, проведать вас всех. А потом обратно поеду, домой.

— Домой... — эхом, немного грустно отозвался Гарон. — Я правда рад что ты приехал Адрей. Ладно, мне уже бежать надо. В полдень я вернусь, а ты будь здесь, — Гарон пружинисто встал и широкими шагами вышел из дома.

Адрей взял свой снова звякнувший заплечный мешок и принялся выкладывать из него вещи на лавку. Кожаный свёрток с кольчугой тройного плетения, проложенной промасленной тряпкой. Тяжёлая, зато не каждый меч возьмёт. Треть колец дварфийской стали. Огниво, трут и котелок. Пустая фляга. Туго свёрнутый шерстяной плащ. Немного солонины, совсем каменный сухарь и горсть крупы.

Мужчина отвязал от мешка притороченный ремешком стальной шлем и отцепил от пояса тяжёлую булаву. Длинный кинжал из-за голенища сапога тоже переключал на лавку. Адрей осторожно развернул сверток и тщательно проверил кольчугу на ржавчину. Чёрные воронёные кольца не имели ни одного рыжего пятнышка. Мужчина удовлетворённо хмыкнул и убрал её обратно в мешок. Следом пошли трут, огниво и котелок. Флягу и съестные припасы вместе со шлемом и кинжалом пока положил на стол. Адрей устало потянулся, скинул пропыленную рубаху и пошёл в баню.

Далура сильно шатало. До помутнённого сознания сквозь тошноту едва доходили слова Молчуна. Сапоги цеплялись друг за друга, и он норовил опять растянуться на траве. Во рту из прокушенного языка быстро набиралась кровь. Далур сунул пальцы в рот и ощупал челюсть. В руке остался крупный зуб. Дварф снова сплюнул набежавшую кровь и ощупал пустую десну.

— С-сука, — шепеляво пробормотал дварф.

— Чего? — спросил бегущий рядом Молчун и тут же поймал под руку начавшего заваливаться Далура.

— Зубы выбил, — кровавая слюна снова повисла из уголка губ.

— Тебя тролль ударил! У другого бы голова нахрен оторвалась, а ты мне тут на зубы жалуешься, — удивлённо воскликнул Молчун, глядя на сплёвывающего кровь в шаг от него дварфа.

Бегущая от костров толпа гоблинов была ещё далеко, но из палаток поблизости уже выныривали тёмные фигурки. Они удивленно и зло перекрикивались и тыкали пальцами беглецов. Зеленокожие тут и там натягивали короткие луки.

Далур с треском ворвался в подлесок. По лицу стегнули ветки и разодрали кожу до крови. Вмиг вокруг стало настолько темно, что мир погрузился в привычный сероватый туман. Только позади раздавалось тяжёлое дыхание человека. Молчуну, который ничего не видел в кромешной темноте, оставалось лишь идти вслед за звуком и уповать на удачу. Шаг за шагом. Минута за минутой.

— Вот вам и праздник охоты. Только хрен она для вас будет удачной! — в очередной раз зло сплюнул дварф.

— Надеюсь, Арди цела, — у Молчуна внезапно дрогнул голос. — надеюсь она сумела убежать от тролля.

Сзади звонко пропела тетива и в полуметре от них в ствол дерева с глухим ударом воткнулась стрела.

— Выродок зелёный! — выдохнул человек и нащупал у пояса подсумок с небольшими снарядами из обожжённой глины. — Не останавливайся! Ходу! — крикнул Молчун покачивающейся коренастой фигуре чуть впереди.

Человек оглянулся. Глаз зацепился за одинокий тёмный силуэт на прогалине. Молчун сорвал пращу с пояса, резко пригнулся и сместился на шаг вправо. Возле него прошипела и скрылась в темноте ещё одна стрела.

«Восемь секунд. Вот сучонок! Хороший темп. Но, похоже, ты один. На свою беду. Ну давай, чья возьмет».

«Два», — Молчун ослабил завязки подсумка и засунул руку внутрь.

«Четыре», — прохладный, чуть шершавый овал перекочевал из пальцев в ложе пращи.

«Шесть», — резким заученным движением без раскрутки Молчун отправил снаряд в натягивающую тетиву фигуру, скудно освещённую луной.

«Семь», — раздался хруст и высокий вскрик, и на поляну снова опустилась тишина. Молчун заспешил за продиравшимся сквозь подлесок Далуром.

Иногда они останавливались, и человек кричал птицей, после чего напряжённо вслушивался в ночной лес. Вокруг то и дело слышались ответы обитателей леса, но Арди пока так и не откликнулась. До схрона с вещами оставалось уже совсем недалеко, когда спереди прозвучал оговоренный сигнал. Молчун с облегчением выдохнул.

— Вон она, у тех кустов, — шепнул Далур и указал куда-то. Человек не увидел ничего, кроме обступившей их темноты. Луна словно издевалась. Она вновь спряталась за тучами и лес затопил мрак.

— Не вижу. Мне бы твою глазастость, — Молчун положил руку на твёрдое плечо дварфа и ощутил прохладу кольчуги. Ему оставалось только довериться дварфу, держаться за его плечо и идти вслепую.

— Арди, это мы, — негромко сказал Далур, когда увидел, как напряглась девушка при их приближении.

— Далур! Живой! Молчун с тобой? — Арди дождалась ответа от Молчуна и негромко продолжила: — Надо валить ко всем хренам отсюда, и чем быстрее, тем лучше. Молчун, ты селян нашёл? Или следы хотя бы?

— Нет. Тролль где? — в голосе Молчуна слышалось напряжение.

— Не знаю. Ушёл в другую сторону. Больно глупый и злой. Я тоже никого не нашла, — при этих её словах Молчун выругался, а Далур смачно с досадой сплюнул кровью.

— С-сука, всё зря что ли? — голос дварфа немного посвистывал.

— Зря, не зря — потом обсудим. Как выбираться будем? — Арди с ненавистью посмотрела на тяжёлые чёрные тучи, скрывшие собой и небо, и луну, и звёзды. — До утра сидеть нельзя, мы слишком близко к лагерю. Днём найти нас им не составит никакого труда. А они очень постараются нас отыскать. Мы им тролля поранили.

— Я убил одного гоблина в лагере. Старого, в рогатой шапке, — нехотя сказал Молчун. — И ещё одного, пока убегали, из пращи достал.

— Тем более оставаться нельзя. Кровь они не простят, — Арди беспомощно посмотрела в темноту вокруг, пытаясь понять, куда идти. — Я не могу понять даже где наши вещи... Чуть не дошла, луна скрылась. Далур разве что теперь поведёт. Он хоть что-то видит. Хотя толку? Где север, где юг — поди разбери...

— Держи Молчуна за плечо, — Далур подошёл к Арди в упор и направил её руку. — Мне кажется, я узнаю вон ту корягу. Если они вообще отличаются.

Далур не ошибся, и вскоре они уже залегли в высокой траве возле оставленных вещей. Дварф не терял времени, он сразу же достал что-то из своего мешка и принялся возиться с завязками на поясе.

— Ты чего делаешь? Никак портки скидываешь? — с некоторым недоумением спросила Арди.

— Погоди ты, не лезь под руку, — отмахнулся дварф. — Хотите сегодня отсюда уйти — молчите и не мешайте.

Спустя какое-то время резко запахло каким-то снадобьем, и раздался звук царапанья камня металлом.

— Ты там чем занят? Украшения какие режешь? Нашёл время! — Арди нервно хихикнула.

Далур промолчал и продолжил методично что-то выцарапывать.

Молчун напряженно вслушивался в лес. Он пытался уловить любые звуки присутствия зеленокожих. Время текло медленно и тревожно. Далур казалось ничего не замечал. Он сосредоточенно сопел и тихо что-то скрёб.

— Молчун, слышно чего? — внезапно очень тихо спросил Далур.

— Не-а.

— Та-ак. Я кое-что смыслю в рунах. Это, — в темноте чувствовалось движение, будто кто-то потряс рукой, — Руна Очага. Она нас сегодня выведет. Указывает на вторую такую же, я её оставил возле городка. Ещё она даст немного света, чтобы вы могли идти по ночному лесу. Надеюсь, сучьи гоблины нас не увидят. Берите вещи на закорки и пошши.

Мгновение спустя на широкой ладони Далура затлел уголёк. Он набирал силу и вот уже было видно небольшой плоский камень, на котором белым огнём горела руна. Она давала немного тусклого света вокруг. После крошечной темноты этого было достаточно, чтобы видеть, куда ставишь ногу.

— Видите? — ткнул толстым пальцем в светящийся символ в круге и спросил Далур. — Одна сторона горит ярче. Туда и идём. До утра нам её хватит. Вы давайте-ка чуть впереди шагайте, а я поотстану да присмотрю, чтобы за нами не шли зелёные. Услышите что подозрительное, и я не отвечу — прибавьте шаг, — Далур в очередной раз сплюнул кровь и ощупал пустую десну во рту.

— Земля со вчера не просохла. Мы оставим чёткие следы, — Арди состроила кислую мину. — Особенно ты, Далур, своими сапожищами. Надо выходить на старый тракт и идти по нему. И стараться как можно незаметнее сойти. Надо успеть затемно уйти как можно дальше.

Арди и Молчун похватили вещи, выскользнули из укрытия и заспешили по указке руны в темноту. Они немного забрали к топи, чтобы обойти часть леса у лагеря по дуге. Молчун шёл впереди и старался нести камень как можно ниже, направив светящуюся сторону под ноги. Он ограничивал свет ладонями, но в ночном лесу даже такой тусклый огонёк был очень заметен. Арди тенью следовала за Молчуном. Она была наготове и сжимала в руках лук и стрелу.

Далур подождал немного, пока Арди с Молчуном отойдут. Потерять их из виду дварф совсем не боялся. Он хорошо видел в темноте, а огонёк руны был единственным цветным пятном среди царящего здесь серого мрака.

«Хороши же беглецы. Они там светятся, как чучело на сельских гулянках по случаю урожая, а я тут железом бряцаю и ветками похрустываю»

Сзади раздался неясный шорох. Далур испуганно оглянулся на звук и выставил перед собой топор.

«Никого. Показалось?»

Далур заторопился за своими спутниками. Он поминутно боязливо оглядывался. Дварф от всего сердца проклинал этот лес, этих зеленокожих и этого тролля, сломавшего щит и выбившего ему зубы. Далур боролся с желанием бегом догнать удаляющийся огонёк. Дварф несколько раз глубоко вздохнул и взял наконец себя в руки. Он насколько умел тихо пошёл следом. Как только огонёк слишком отдалялся или совсем терялся из виду, дварф прибавлял шаг. Иногда он обнаруживал свет сильно левее и приходилось менять направление.

«Надо идти чуть ближе. Руну-то я себе готовил, без неё я хрен найду выход из этого долбаного леса», — Далур в очередной раз увидел свет впереди не там, где ожидал и ускорил шаг.

Вдруг, где-то недалеко коротко зашуршали кусты. Далур замер и принялся во все глаза всматриваться вперёд. В серой пелене мрака что-то мелькнуло.

И ещё.

И ещё.

По широкой спине дварфа снова заструился холодный пот. Рука, сжимающая топор, чуть дрогнула. Наперерез Далуру в направлении Арди и Молчуна почти беззвучно скользили три гоблина. Двое из них несли короткие луки и ножи у пояса, третий держал копьё. Они медленно сокращали расстояние до пятна света.

«Да их сейчас как куропаток постреляют, а те даже не поймут, откуда. Взятся прикрывать — ну так прикрой!» — Далур попытался сглотнуть слюну, но рот пересох, несмотря на сочившую кровью десну.

«Давай, догони их и нападай со спины! Может хоть на это тебя хватит. Если повезёт и если ты будешь достаточно тих они не оглянутся, а может, вообще подумают, что это кто-то из их зелёной братии сзади шуршит. С-сука, я не позволю, чтобы вышло как в прошлый раз. Давай, пустая порода, покажи, чего стоишь!» — Далур резко выдохнул воздух ноздрями и ускорил шаг.

Вскоре дварф шёл чуть позади гоблинов и отчаянно старался не шуметь. До тощей спины идущего последним зеленокожего было не более десяти шагов.

Далур чуть ускорился. Девять. Семь. Пять. Три.

От гоблина его отделяло не более двух шагов, когда под ногой Далура чавкнула сырая земля. Идущий последним гоблин резко обернулся. В худой руке тот стискивал длинный нож.

— С-сука! — Далур выдохнул, сделал быстрый шаг вперёд и одновременно с этим нанёс сильный удар. Топор

прорубил ключицу и крепко увяз в костях. Тело зеленокожего швырнуло на землю. Дварф потянул за топориче, но оружие плотно засело и выдернуть его никак не удавалось.

Оставшиеся гоблины тонко заголосили. Далур бросил попытки вытащить топор и кинулся к лучнику. Стоящий на пути копеещик замешкался и дварф на бегу врезался в него плечом. Зеленокожего отшвырнуло в сторону.

Что-то пролетело с громким шипением и обожгло ухо. Далур врезался в гоблина-лучника всем весом и вместе с ним упал на сырую землю. В нос ударил запах жира и кислого пота. Далур был гораздо сильнее и тяжелее своего противника, но гоблин безостановочно извивался и дёргался. Руки Далура то и дело соскальзывали с его покрытой жиром кожи. Наконец он подмял зеленокожего под себя. В живот и левый бок дварфа градом посыпались ощутимые тычки.

Рыча, Далур стиснул горло гоблина левой рукой. Правую в окольчуженной рукавице он раз за разом вбивал в голову противника. Далур отчётливо видел последствия каждого удара. Кожа лопалась, поддаваясь металлу. Кровь брызгала в лицо дварфу и заливала широко раскрытые глаза зеленокожего. Гоблин то ли выл, то ли хрипел. Он цепился второй рукой в лапу дварфа на своём горле и изо всех сил старался её отцепить. Мокрые от крови пальцы скользили по рукавице. Под левой рукой дварфа что-то противно хрустнуло. Вскоре тычки в живот прекратились. Гоблин задёргался всем телом, уже не сопротивляясь.

Дварф с боевым кличем вскочил на ноги. Он сжимал кулаки и бешено вращал глазами. В ушах шумела кровь, кровь стекала по рукавицам и капала на землю. Кровь брызгами покрывала его лицо. Он стоял один. Невдалеке было слышно удаляющиеся тонкие вопли из леса. Совсем рядом у его ног лежали два трупа. Тот, с которого Далур встал, всё ещё сжимал в руке нож. Дварф поспешно ощупал кольчугу на животе. Выдержала. Цела.

— Далур? — издали раздался крик Арди.

С другой стороны, из глубин тёмного леса, приближалось многоголосье.

Далур наступил на горло зеленокожему подкованным сапогом, и не без труда вырвал топор, языком ощупал пустую десну и сплюнул кровь.

Позади пропела тетива стрела больно толкнула в спину.

Далур развернулся и кинул предпоследний метательный топор. Тот врезался в грудь гоблина, навзничь уронив того на землю. Дварф зло сплюнул и скользкой от крови перчаткой крепче сжал топориче.

— Живой! Бежим! — крикнул дварф и помчался к едва видимому огоньку вдалеке.

Тонкие голоса гоблинов звучали ещё ближе. Много голосов. Они доносились отовсюду и надвигались подобно лесному пожару сплошной стеной. Зеленокожие предвкушали кровь и бежали уже не таясь.

Небо начинало светлеть.

Несмотря на то, что Андрей шёл всю ночь, торопясь попасть в некогда родную деревню, помывка и свежая, чистая одежда его взбодрили. Голова была тяжёлой, но в остальном он чувствовал себя неплохо.

«Хрена лысого я тут сидеть буду, всё-таки потолковать с этим Толсом стоит. Гарон конечно тут голова, но у меня уже давно своя на плечах».

Андрей засунул кинжал за голенище и повесил булаву на широкий воинский пояс. Заплечный мешок был отправлен в сундук, и мужчина вышел на крыльцо. Он вдохнул полную грудь свежего воздуха и огляделся.

Всё здесь осталось как в его детстве.

В городе всегда кипит жизнь. Краины обрастают всё новыми домами, шумит множеством голосов рынок. Старший бригады каменщиков переругивается с упрямым стражником под протяжное мычание волов, впряжённых в телеги с тёсаным камнем. В ратушу спешит гонец, криками разгоняя толпу.

Город не замирает ни на минуту. Даже ночью во всех его уголках что-то происходит. Будь то громилы, отбирающие тощий кошель у припозднившегося путника, или стражники, прячущие от приближающегося проверяющего выпивку в караулке.

Здесь же Андрея встретила тишина. Редкий лай собак или хлопок дверью скорее подчёркивали её, нежели нарушали.

Первым делом ему нужно было сходить на постоянный двор. Для небольшого посёлка комнат там было в избытке и они обычно пустовали. Лишь в главном зале собирались вечерами селяне, чтобы пропустить кружечку ароматного пива с густой шапкой пены, да поесть горячей снеди за разговором с соседями. Стражники, скорее всего, заселились туда. У них можно вызнать, где искать Толса.

Андрей повернул на главную улицу посёлка и увидел невдалеке две уходящие спины в форменных куртках. Он прибавил шаг, стараясь догнать их.

Их разделяло шагов пятнадцать, когда стражники свернули за угол дома. Андрей ускорил шаг, но услышал окрик и остановился.

— Гар! — раздался из-за угла незнакомый голос. Хорошо, что встретил. Голубь пришёл, и Толс тебя к себе зовёт.

Адрей застыл на месте и прислушался. Мужчина повиновался внутреннему предчувствию и не стал выходить к стражникам.

— Так и что? Никак искать наконец пойдём? — весело хохотнул другой голос. — А то я себе уже всю задницу просидел в этой дыре. Да и местные косятся волками дикими, того я гляди вилы в пузо воткнут.

— Ага, искать, — в тон ответил первый, и все трое рассмеялись. — Ты давай не трепись. Лучше беги к Толсу.

— Где он?

— У себя, на дворе.

Звуки шагов в тяжёлых солдатских сапогах стали отдаляться, пока не затихли.

Адрей прижался к стене. Мысли тяжело ворочались в голове. Мужчина старался понять услышанное. Брови тут же нахмурились.

Почему они смеялись? Что смешного в том, что пришёл ответ из города и теперь надо будет искать селян?

Адрей отодвинулся от стены и быстрым шагом пошёл к постоялому двору. На подходе к заведению он увидел, что стражники разделились. Двое из них уверенно нырнули через небольшие ворота на задний двор, где летом стояли столы и вечерами отдыхал народ, третий же пошёл напрямик внутрь. Адрей нырнул следом.

Трактирщика, как и прислуги, в столь ранний час за стойкой не оказалось. Тяжёлые шаги раздавались с лестницы, ведущей на второй этаж, к комнатам.

Адрей тихонько прикрыл дверь и, ступая как можно тише, пошёл к лестнице. Наверху скрипнула и оглушительно громко в тишине пустого постоялого двора захлопнулась дверь.

Адрей беззвучно перескакивал ступеньки, спеша наверх, и молил Держателей Мира, чтобы ни одна из них не скрипнула у него под ногами. Из-за дальней от лестницы двери раздавались очень тихие голоса. Адрей шмыгнул к ней.

— ...игде не носит. Ходили вот ноги размять, не могу уже на жопе сидеть. Квадратная совсем от лавок! Толс, мне Вин как сказал, что ты меня ждёшь, так я сразу и прибежал!

— Глаза только селюкам мозолите. Ладно. Голубь прилетел, есть ответ, — Толс отвечал тихо и сквозь закрытую дверь было едва слышно. — Через четыре дня Гарви со своими пройдут по старому тракту. Нам надо будет их там встретить и вместе идти к этой погани бородатой и забирать товар. В этот раз очень рискованно. Эти уроды, одичавшие стали жадничать больно.

— Да, урезонь их попробуй, — с какой-то обидой снова заговорит тот что обращался к Толсу — Их там сотни полторы. Я тогда на их вождя не так посмотрел — нос теперь вбок направлен, да не дышит ни хрена. А хруст до сих пор у меня в ушах стоит.

— Ты бы лучше радовался, что живой остался. Твоё дело было орочью мразь в клетки засовывать, а не Карагазу глазки строить. Тоже мне, нашёл кому. С него и грохнуть станется, а из-за тебя никто не станет с ними ссориться. Проще сделать вид что не было тебя. Всё! Ищи давай Гарона и скажи ему, пришёл, мол, ответ: после полудня выдвигаемся в леса на поиски селян ваших, — Толс хохотнул. — А чтобы силы были, пусть нам паёк соберёт на несколько дней, да пива выделит. Нашим всем тоже сообщу. Хватит шарахаться по посёлку, на виду у местных. Встанем пока у старого тракта и будем там ждать обоз. И ещё одно. Людям Гарви пока ни слова о том, что везём в этот раз не орков. Его бойцы пока ничего не знают. Вдруг занервничают и всё запорят. Мы тогда денег не увидим. А если я их не увижу — лично отрежу самый длинный язык. Ну, давай. Засиделись мы тут. Покажем местным, что мы тут по службе!

— А дварф с этими следопытами?

— А что они? Пусть гуляют где хотят. Сейчас вроде пошли гоблинов ловить. Если повезёт, там и останутся. Если найдут Кровобородов — это будет их большая ошибка, а не удача. Да и если что, с нами им не тягаться. Нас втрое больше. Хорошо бы их, конечно, в леса на корм зверью определить... Вдруг случайно увидят нас на дороге... Посмотрим.

В комнате заскрипели половицы и Адрей быстро шмыгнул назад на несколько шагов. Нарочито громко топая, он подошёл вновь к двери и постучался.

Почти сразу дверь открылась. Перед ним стоял тот самый стражник, за которым Адрей и пришёл сюда. В глубине комнаты у окна за столом сидел мужчина средних лет и задумчиво крутил в руках туго скрученную в кольцо бумажку. Большие карие глаза на правильном лице с двухнедельной щетиной внимательно смотрели на Адрея.

— Ты Толс? — Адрей спросил у стоящего перед ним стражника.

— Нет. Я Толс, — мужчина у окна встал и подошёл к Адрею. — А ты кто и зачем меня ищешь?

— Я Адрей. Приехал вот проведать своих. Жил тут девять лет назад. С час как пришёл, а тут беда такая, — нарочито сбивчиво зачастил мужчина. — И вот, я к вам сразу же направился помочь, значит, свою предложить хочу. Я всю округу знаю, как свои пять пальцев, и если нужно...

— Спасибо тебе, Адрей, — Толс перебил его и ободряюще хлопнул по плечу. — С нами опытные следопыты

пришли. И сами мы сегодня же пойдём на поиски. А ты лучше своим с хозяйством помоги. Работы много сейчас. Знай, если это только возможно, — Толс тепло, с участием посмотрел в глаза Адрию, — я сделаю всё чтобы найти твоих земляков в ближайшее время.

«Вот сука» — подумал Адрий, но лишь дружелюбно улыбнулся и сказал. — Если что надо будет — только скажите.

— Да, пожалуй, тут ты нам можешь помочь. Еды надо на девять человек на несколько дней и пару маленьких бочонков пива. Не разбавлять только. Мы сами. Мы уйдём сразу после полудня, так что поторопись!

— Конечно! Спасибо вам! Вся надежда сейчас только на вас. Пойду Гарону скажу, он трактирщику распоряжение даст. Если ещё что надо будет — только дай знать. Лишь бы людей найти удалось.

— Мы найдем их Адрий. Не переживай. Я обещаю.

Уже давно рассвело, и солнце почти доползло до своего зенита. Не было видно или слышно никаких признаков погони. Далур не мог уверенно сказать, когда именно они оторвались от зеленокожих, просто крики в лесу стали понемногу затихать, пока не пропали совсем.

Всю ночь Руна Очага исправно указывала в направлении посёлка. Её ровный свет вёл их на юго-восток. Они успели удалиться от болот, прошли приличный отрезок пути по старому тракту и свернули в леса близ Каменной Топи. Шли быстро. Несмотря на усталость приходилось постоянно подгонять себя, когда организм сам по себе, незаметно, замедлял шаг. Остановились лишь единожды на считанные минуты.

Далур быстро, но внимательно осмотрел щёку Молчуна. Меж рваных краёв раны влажно поблёскивала белоснежная, на фоне грязной кожи, кость. Далур наспех зашил щёку, да играл потом желваками, пока ему самому грубой нитью прихватывали почти оторванное ухо.

— Арди, дайка сюда свой платок, повязку сделаю, — дварф требовательно протянул широкую ладонь к девушке.

Девушка на секунду замялась и грубо отрезала:

— Хрена. С рубахи полоску дери.

Дварф опешил и удивлённо уставился на неё.

— Ну или давай я, — Арди быстро оторвала две широкие полосы от несвежей рубахи и протянула Далуру. — Платок не дам. Считаю, что этой мой дамский каприз.

Дварф поворчал в бороду, взял тряпки и пропитал какой-то вонючей бурдой из склянки, бережно хранимой им в заплечном мешке и одну сунул Молчуну.

— Прислони-ка ко шву и держи хорошенько. Грязь вытянет и не даст ране сгноиться. Ежели повезет, конечно. Зубы-то покрепче сожми. Поначалу драть будет, как просоленной семихвосткой, — сам дварф притянул тряпку к уху и мощно выдохнул. Кулаки непроизвольно сжались, а на глазах выступили слёзы.

У Молчуна вырвался короткий стон, в первые мгновения ему показалось, что его клеймят калёным железом, как захваченного в набегах раба, но боль быстро ослабла. Она всё ещё жгла щёку, но кричать во всё горло уже не хотелось.

— У вас все снадобья такие? Микстуру твою хрен проглотишь, по вкусу как орочье говно, теперь это, — Молчун судорожно и неровно дышал. — Сука, лучше бы углем прижгли.

— Зато помогает. Ты хотел бы, чтобы рожа у тебя загнила? Хрен его знает, чем там эти гоблины свои копыя мажут. А мы, дварфы, знаешь ли, и потерпеть можем. Видимо мы одни ценим результат выше удобства... — проворчал Далур, закинул вещи на плечо и энергично зашагал дальше, будто не было бессонной ночи, полной тревоги, драк, и изматывающего бега в тёмном ночном лесу.

Молчун криво усмехнулся и вяло последовал за Далуром и Арди.

Уже перевалило за полдень, когда они подошли к Каменной топи. Настроение жителей не изменилось. На встреченных возле посёлка людях были всё те же угрюмые лица, та же печать молчаливой суеты в трудах и густая аура тревоги. Только народу было меньше, все уже давно разбрелись по своим рабочим местам.

— Эй! Арди! — к ним поле бежал Гейб и размахивая руками, подобно мельнице.

Вскоре он уже был рядом.

— Вас там Гарон кличет. Наказал мне у ворот дожидаться, и как только вы появитесь, к нему отправить. Фух. Давайте скорее, я провожу.

— Чтоб ему! Что за срочность? — прижимая замызганную и побуревшую от засохшей крови тряпку к уху, проворчал Далур. — Умыться бы да пожрать, а потом можно и к Гарону. Как тебя там... Гейб! Час не подождёт это его дело?

— Не-а. Наказал срочно вести. Говорит, дело неложное, не, не так. Неотложное. А где твой щит и шлем? В битве потерял? — в голосе Гейба зазвучал неподдельный интерес и восхищение.

— Пошли давай к Гарону. Неча языками тогда чесать. Сам сказал, неотложное, — раздосадовано буркнул

дварф и быстро зашагал дальше.

Дверь им открыл сам Гарон. Когда он увидел, что пришли наёмники, то немного расслабился и облегчённо выдохнул.

— Заходите! Я вас очень ждал! — он сделал шаг в сторону, пропуская пришедших в дом. — А ты, Гейб, молодец! А теперь иди к отцу на дяляк, ему там помощь лишней не будет, — старик не стал дожидаться возражений паренька и закрыл за собой тяжёлую дверь.

Как только они зашли внутрь, со скамьи вскочил крепкий мужчина среднего роста с пристёгнутой к поясу булавой, до этого барабанивший по столешнице пальцами.

— Сядь, Адрей! — твёрдо сказал Гарон и устало поморщился. — Не наводи ты суеты! И вы тоже сядьте. Разговор к вам есть. — староста подождал пока все рассядутся за столом и продолжил: — Вы никого у гоблинов не нашли?

— Пока нет. Ночка вышла не из лёгких. Но теперь мы знаем, что у гоблинов их ни хрена нет. И не было их там никогда, — ответила Арди за всех. — Кстати, скажи своим, чтобы севернее деревни не ходили. Настрого запрети! Наделали мы дел у зелёных. Так что пусть все поосторожнее будут, на всякий-то случай.

— С кровью? — коротко спросил Гарон.

— С кровью, — утвердительно кивнула Арди.

— Н-да, — Гарон ещё больше осунулся. — Этого нам только не хватало. Но что поделать, дело сделано. И впустую. Эххх. Ладно. У нас тут кое-что выяснилось. Адрей, расскажи им что слышал.

Тот ждал, пока его спросят, и сразу энергично начал пересказывать подслушанный разговор.

— С-сука, — шепеляво пробасил Далур, когда мужчина закончил свой короткий рассказ. — Я зубов лишился и шлема из-за этой гнили, — он вскочил и с грохотом впечатал кулаки в стол так, что вся посуда на тяжелой столешнице высоко подпрыгнула. — Я ему спину сломаю, только дайте доберусь! Где он?!

— Ушли два часа назад, — расстроенно бросил Адрей.

— Ты боец лихой, верю, — Арди говорила, глядя в глаза Далуру, раздражённая его горячностью. — Но их девять человек. Помнишь?

Повисло напряжённое молчание.

Лицо Молчуна не выражало ничего, кроме усталости и мрачной решимости. Арди теребила в руках косу и что-то говорила про себя, едва шевеля губами. Далур сжимал и разжимал огромные кулаки и шумно дышал.

— Что делать-то теперь? Неясно... В город не пойдёшь, неизвестно, куда там всё прогнило. Да если и не прогнило, чем рассказ свой подкрепить сможем? Получается, что слово деревенщин супротив слова почтенной, эти их мать, стражи. Да и времени у нас нет совсем, чтобы попусту его тратить, — лицо Гарона вмиг размякло и стало каким-то испуганным. В твёрдом до этого момента голосе прорезались истерические нотки. — Вы только поспособите нам! А? Не бросайте! Хороших людей увели, за каждого ручусь! Да и найдём мы денег за работу вам заплатить, последнее отдам, только выручите.

— Не бросим, — впервые подал голос Молчун. — Я не брошу.

— Я не успокоюсь, пока хрусту костей Толса не порадуюсь, — негромко и очень твёрдо процедил дварф.

Арди неопределённо помахала рукой и устала в столешницу. Она продолжала жевать губами и сосредоточенно морщиться.

— Кровобороды. — мрачно бросил Молчун.

— Что? — непонимающе спросил Адрей.

— Толс сказал, обоз пойдёт к ним. Ждать этот обоз они будут у тракта. Телеги-то по лесу не пройдут никак. Значит Кровобороды дальше по тракту. Селяне дальше по тракту, — Молчун замолчал так же неожиданно, как и заговорил.

— Кто такие эти Кровобороды? Не знаешь, Далур? — Арди сердито посмотрела на дварфа.

— А почему именно я должен это знать? — немного опешил Далур.

— Ну так Кровобороды же. У вашего брата нездоровая любовь к бородам и желание приплетать их в каждое название, — Арди продолжала сверлить его взглядом.

— Нет. Никогда не слышал о таких, — недовольно нахмурившись, ответил Далур. — Да и каждого дварфа по имени знать не обязан!

— А что мы будем делать если всё-таки найдем их? — Арди злилась всё сильнее. — Попросим их отпустить всех селян и жить в дружбе и любви? Вот скажите, что им помешает отдать Толсу на двух людей и одного дварфа больше? Ты же слышал, они сами побаиваются этих Кровобородов. Думается мне, не просто так. А?

— Мы посмотрим... — начал было Далур, но Арди его сразу же прервала.

— Посмотрим? Ха! Насмотрелась уже. Вот прямо этой ночью и насмотрелась. Смотрелки ноют до сих пор. Как зубы, бородатый? Смотрю уже не беспокоят? Ну а ты, Молчун, так и будешь сидеть, да помалкивать? — она перевела горящий взгляд на мужчину. — Я так поняла, ты здесь тоже за самоубийство? Ну так нате, держите, —

она запальчиво бросила на стол кинжал, лишь немногим уступающий длинной короткому мечу. — И время сэкономите, и бесить меня не будете почем зря. Посмотрим...

— А ты, стало быть, решила ручкой нам сделать? — закипел Далур. — Решила бросить и нас, и бедолаг этих? Мы, знаешь ли нанимались не ромашки собирать на лугу за мельницей! Знала же, что может погано дело повернуться. А уходишь теперь потому, что деньгами тут не пахнет? Я прав? Ну так и чеши тогда отсюда, раз решила. Шире шаг! Нечего нам тут мозги крутить. Управимся и без тебя коли придётся.

— Управитесь? Если бы я хотела вас бросить — ты бы не только зубов на той поляне лишился. Тролль бы не отвлёкся на меня, и угадай, что было бы, — Арди глубоко вдохнула и выдохнула. Девушка поморщилась, словно съела что-то кислое, закатила глаза и поправила платок на шее. — Сука, ну когда же я поумнею. Вы же опять в говно по горло окунуться зовёте. Ладно, хрен с вами, считайте, что уболтали. Хоть будет кому вас вытащить, когда встрянете.

Далур громко фыркнул и уселся обратно на скамью. Молчун едва заметно кивнул и довольно улыбнулся.

— Тролль? — Гарон испуганно выкатил глаза. До него только сейчас дошёл смысл сказанного. — Вы что, дрались с троллем?

— Мы то? Нет, что ты! Не приведи Держатели Мира. Далур вот дрался. Ну, по-честному, один на один, как полагается. Тролль, конечно, сильней оказался, но вот у кого голова крепче — ещё вопрос. А я так, по лесу с ним наперегонки побегала, — отмахнулась Арди.

— Да откуда же он взялся-то? Не встречались они тут никогда. Я за всю жизнь ни одного не видал! А он к нам сюда не придёт? — не унимался Гарон. Старик испуганно косился на дверь, словно за ней мог оказаться невесть как пробравшийся в самое сердце посёлка монстр.

— Кто ж знает? Надеюсь, нет. Но ворота я бы на ночь закрывала и кого-то на стражу ставила. Побольше людей и с луками, — Арди сделала акцент на последней фразе.

— Толс сказал, обоз будет через четыре дня, — вклинился молчавший до этого Адрей. — Я предлагаю пойти по старому тракту и всё-таки самим посмотреть, что за Кровобороды такие. Медлить нельзя! Надо выступать прямо сейчас.

— Ишь ты. Дай пожрать хоть нормально, да ухо заштопать. Молчун, поди, вон тоже не откажется от нормального шва. Бойтся, небось, что мордашка его уже не будет такой смазливой. — Далур улыбнулся своей неуклюжей шутке. Молчун скривил обожжённое лицо, отчего то стало ещё более отталкивающим.

— Согласна, медлить нельзя и выступать надо как можно быстрее. Но давай-ка лучше через час. Адрей! Собери нам харчей немного в дорогу, да пива захвати, не забудь. Мы пока подошьём этих двоих, да перекусим слегка. Сука, с ног валюсь, да спать некогда сейчас, — Арди потёрла глаза, в которые будто насыпали песка и устало потянулась.

— Слабоват род ваш. Ох слабоват. Сутки-то всего не спали и уже расклеились, — Далур демонстративно легко встал со скамьи и широким твёрдым шагом пошёл к выходу из дома. Уже перед самой дверью он гляннулся и сказал. — Через час мы будем тут, Адрей. И сразу выступаем.

Далур аккуратно разрезал шов на щеке Молчуна и внимательно осмотрел рану. Густые брови то ползли вверх, то стремились к переносице, отчего лицо дварфа принимало очень суровый вид. Наконец он подался вперёд и понюхал разрез с рваными краями.

— Рана-то грязная. Сиди Молчун не дёргаясь, будем сейчас её чистить, — Далур достал из заплечного мешка небольшой металлический стержень и обмотал его смоченной в чём-то вонючем тряпицей. — Ты с этой штукой уже знаком. Так что потерпи, будь добр, — он раздвинул края раны толстыми пальцами и принялся ковыряться там инструментом, обрабатывая ткани и изредка скребя по кости.

Молчун шипел от боли и судорожно сжимал рукоять своей дубины так, что белели пальцы, но его голова ни разу не дёрнулась, словно перед Далуром была статуя. Дварф изредка останавливался, извлекал стержень из раны и пристально разглядывал разрез, недовольно цокал языком и продолжал своё дело, не обращая никакого внимания на поведение человека. Вскоре он остановился и отложил в сторону свой незатейливый инструмент.

— Кажись готово. Вычистил. Ты, Молчун, погоди радоваться, сейчас ещё кой-чего добавлю и зашивать начну. Приятно не будет, зато рана теперь заживёт нормально, и шрам будет не такой поганый. Волков в лесу больше не распугаешь этим шрамом. Хотя с твоей-то харей... — одновременно с этими словами он всыпал бурый порошок в разрез и принялся споро зашивать его.

Далур знал, что сейчас испытывает Молчун. К боли растревоженной раны и жжению от снадобья должна была добавиться чудовищной силы чесотка, прямо там, внутри. Молчун резко дёрнулся и замер. Казалось он сдерживается из последних сил чтобы не начать разрывать ногтями щёку, несмотря на ещё зашивающего её дварфа и свои грязные руки.

— Сегодня может быть горячка. Но быстро пройдёт. Повязку поверх пусть тебе Арди наложит, — он

посмотрел на девушку. — Как закончишь посмотри, как там моё ухо.

— Ты где врачевать так натаскался? Никогда такого не видела! — Арди с удивлением смотрела на ровный и аккуратный шов, столь быстро наложенный дварфом. — Ты, конечно, извини, в то, что ты этими руками стальные пруты гнёшь, я поверю, но чтобы так ловко делать такую тонкую работу... Чудеса.

— Где учили, там и научился. Дело полезное, — буркнул Дварф и украдкой довольно улыбнулся.

Пока Арди накладывала Молчуну повязку, Далур скинул кольчугу и рубаху. Мускулистое предплечье левой руки пересекали чёрные полосы, оставленные ремнями щита. Он склонился над ведром воды и принялся, шумно сопя и отплёвываясь, отмывать слипшуюся от крови бороду. Левый бок — тот, в который бил кинжалом зеленокожий — представлял из себя один сплошной синяк. Ещё один, меньшего размера, расположился на его широкой спине, там, куда угодила стрела гоблина.

— Ну с Молчуном готово, теперь твоя очередь, борода. — Арди направилась к дварфу.

Ухо у Далура оказалось подшито вполне пристойно, и ограничились лишь смазыванием шва всё той же пахучей жидкостью. Повязку закрепили тонким кожаным шнурком. Дварф отжал и насухо вытер бороду, и только затем нацепил обратно кольчугу, с тоской посмотрел на последний метательный топор и привесил его к поясу, рядом со своей секирой.

— Эх с-сука, как голый теперь. Ни тебе щита, ни шлема. Троль драный, чтоб его... Хорошо хоть этот, — он любовно похлопал широкой ладонью по боевому топору, — не потерял. Доброго оружия здесь не сыскать, — печально вздохнув, он обратился к людям. — Ну что, через половину часа выходим. Поспать точно не хотите? Хоть сколько, и то полегче будет. Сегодня будем идти до темноты и только тогда привал. Сдюжите?

— Ты нос-то не задирай. Раз ты справишься, то и мы не отстанем. Сопли вытирать да сюсюкать не надо, — оскорблённо ответила Арди.

Молчун равнодушно промолчал. Его больше занимала повязка, которую он безостановочно ощупывал грязными руками.

— Как хотите, — Далур проигнорировал тон девушки. — Было предложено, вы отказались. Нехрена тогда сидеть попусту. Пойдём к Гарону.

Адрей ждал их на крыльце, облачённый в кольчугу, с булавой у пояса и полным заплечным мешком. Мужчина сидел на ступеньке и бесцельно строгал кинжалом уже почти исчезнувшую ветку. У его сапог собралась внушительная кучка стружки и щепок, что однозначно указывало на то что сидит он тут достаточно давно. Когда тройца подошла близко, мужчина сразу же бросил остатки палки в пыль и энергично встал. Адрей указал на несколько туго набитых небольших мешочков, составленных у порога.

— Ну, готовы? Я взял крупы, галет, солонины, чистой воды и немного пива, — мужчина нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Готовы, пошли. — Арди ответила за всех и закинула на плечо один из мешков.

Все четверо направились к северному выходу из поселения.

— Только одного в толк не возьму, — Далур крепко сжал в пудовом кулаке бороду. — Как мы пойдём-то теперь по старому тракту? А? Вокруг него наверняка теперь гобла беснуется. Да и Толс где-то на тракте встал со своими. Тоже поди недалеко. Я с ним потолковать-то не прочь, но не вчетвером на десяток.

— Нда. Ты же местный, Адрей, — Арди уставилась на него в упор. — Может, знаешь куда тракт ведёт и как туда ещё пройти можно?

— Знаю, что на севере горы начинаются. Дед говорил, что когда-то там орков видели. В топах на северо-западе гоблины, их стоянки мы и сами видели иногда. Мы поэтому дальше нескольких часов на север и не ходили. Хм-м-м, — он задумался. — Мы можем от озера пойти просто на север. И если тракт нам не попадётся, у взгорья повернём на запад. Не промахнёмся, думаю.

— Согласен, — Молчун морщась потрогал повязку и раздражённо сплюнул. — Ты мне туда муравьёв зашил?

— Не кипятись. Почешется, да отпустит. Скоро вообще забудешь о щеке, — дварф сочувственно похлопал человека по плечу. — Зато сможешь потом хвастать, мол, дварфийскими снадобьями меня врачевали. Немногие такого о себе сказать смогут.

— Потому что умерли от боли и чесотки? — Молчун вымученно улыбнулся, и Далур хохотнул.

Идти по дороге до озера было легко и приятно. Тучи с ночи так и не покинули неба, но уже не грозили пролиться дождём. Легкий тёплый ветер умиротворяюще шуршал листвой, и опасения нарваться на гоблинов потихоньку растаяли. Далековато было отсюда до топей, да и при свете дня, на ровной дороге, близ поселения эти тревоги казались несущественными.

Шли молча. Каждый думал о чём-то своём. Далур по обыкновению изредка что-то ворчал в бороду, да с досадой щупал неполный ряд зубов. Адрей нетерпеливо шёл впереди всех и останавливался лишь чтобы подождать

оставших. Арди жевала шкуру солонины и усмехалась каждый раз, когда тот прибавлял шаг и отрывался от отряда.

Молчун с мрачным видом тяжело переставлял ноги, его слегка шатало. Он то и дело сбивался с ритма шага и отставал.

— Может, привалим, а? — Далур внимательно посмотрел на Молчуна и снял окольчуженную перчатку. — Нда. Как я и говорил. Горит, — дварф убрал руку от лба человека. — Так бывает от наших снадобий, но обычно быстро проходит. Часа два посидим, и отпустит. Ну, должно отпустить, нашему брату столько хватает. Вам же, даже сказать не берусь.

— Идём, — чуть невнятно ответил человек и упрямо пошёл дальше. Походя он качнулся и врезался в плечо дварфа.

— Погоди, — Далур заглянул в свой мешок и вытащил небольшой свёрток, перехваченный кожаным шнуром. — Вот это пожуй, — он протянул в открытой ладони маленький прозрачный шарик янтарного цвета.

— Что это? — Молчун недоверчиво уставился на протянутую руку.

— Смолка деревца одного горного. Перемешана кое с чем, да вымочена ещё кое в чём, — дварф не хотел отвечать и лишь отмахнулся. — Чуть сил добавит и жар ослабит. Тебе большего и не надо. Жуй давай смелее, раз останавливаться не хочешь.

— Странно, — Молчун с задумчивым видом разжевал шарик. — Чуть язык щиплет, но вкуса нет. Я-то учёный уже, ждал худшего.

— Так — плохо, сяк — тоже плохо. Жуй усерднее, лучше станет, — чуть обиженно проговорил Далур и закинул мешок на спину.

Спустя несколько часов они дошли до вытоптанного берега лесного озера. Здесь стояли несколько деревянных домиков, на берегу сиротливо лежали выволоченные на берег рыбацкие лодки. Они лежали и смотрели вверх своими чёрными животами, брошенные и жалкие. Несколько покачивалось на воде, привязанные к недавно отремонтированному причалу. Тёмные, серо-стальные волны, одного цвета с осенним небом, плескались о свежую и крепкую древесину.

— Часа через два стемнеет. Может, тут заночуем, в одном из тех домиков? — Арди с тоской посмотрела в сторону строений. Они выглядели совсем небольшими и хлипкими. — Всяко безопаснее, чем в лесу, да и сухо будет. Вдруг дождь. Тучи-то вон какие.

— Каждый час на счету. Идти надо, — Андрей переминался с ноги на ногу шагах в пятнадцати. — До темноты ещё немало пройдем.

— Я согласен с ним, — Далур кивнул в сторону Андрея. — Из-за Молчуна не остановились, так теперь из-за крыши над головой встанем? Ну намокнет, да и хрен с ним. Давай дальше топать.

— Пошли, — жар ещё не покинул тело Молчуна, и теперь на его потном лице застыла маска отупляющей усталости. Его качало сильнее чем днём, но мужчина упрямо нагнул голову. — Палец бы отдал, чтобы прямо сейчас лечь спать. Но пошли.

— Как бы голову отдать в лесу не пришлось, — едва слышно пробормотала девушка, а затем добавила громче: — Хрен с вами. Куда все, туда и я.

— Вот это дело! — Далур взял у Молчуна заплечный мешок и закинул на себя. Человек возразил было, но почти сразу сдался и пошёл, внимательно смотря под ноги.

Отряд, вымотанный за последние сутки, еле плёлся. Молчун казалось вот-вот упадёт, но так казалось последние полтора часа, а мужчина всё переставлял шаг за шагом уставшие ноги. Один Далур шёл легко и бодро, словно только встал с постели. Дварфийская выносливость давно вошла в легенды и о ней слышали даже те, кто этих самых дварфов в жизни ни разу не видел. Пасмурный вечер медленно сгущал сумерки под ещё не облетевшими кронами деревьев. Они шли, пока не стало совсем темно. Невольно в голове стали оживать события прошедшей ночи. Далур с опаской всматривался под каждый куст и держал руку на топоре. Горло стало пересыхать, а вдоль позвоночника заструился холодный пот.

— Предлагаю заночевать здесь, — Далур указал на небольшую площадку, где едва угадывался толстый ствол упавшего дерева и огромный валун. — Молчун вообще непонятно как ногами шевелит. Находились за сегодня, хватит!

— Знать бы где это — здесь. Не видно же нихрена всё кроме тебя бородатый. Но согласна! — буркнула Арди, таращась в темноту.

— Значит, встаём.

Молчун побрёл к тёмной громаде валуна и тяжело прислонился к нему. Мешок упал на землю и через мгновение измученный человек сполз спиной по замшелому камню. Голова упала на грудь и Молчун застыл.

Далур скинул мешок рядом с человеком, снял с пояса топор и направился к поваленному стволу. Дварф поплевал на руки и споро, в несколько ударов, отсек пять больших ветвей и принялся отламывать от них сухие

ветки помельче. Холодок не покидал спины и дварф пытался отогнать непрошенные мысли, сосредоточившись на хрустящем сушняке под пальцами.

Арди напилась воды, утёрла лицо и принялась кинжалом рыхлить землю. Когда девушка закончила, она руками выгребла её и получилась небольшая яма под костёр. Адрей ловко нарезал кинжалом солонину в котелок и принялся отмерять крупу для ужина.

С валуна за ними наблюдал ворон с одной лапой. Он наклонял голову то в одну, то в другую сторону, и кажется не спешил обнаружить себя криком.

Вскоре они вчетвером сидели у небольшого, уютно потрескивающего костра. Молчун дремал. Из плаща торчала только обожженная макушка, на неровной коже которой плясали тени. Адрей не переставая помешивал в булькающем котелке. Время от времени он вылавливал оттуда что-то, пробовал, и удовлетворённо хмыкнув, продолжал мешать. Далур меланхолично правил лезвие топора. Время от времени он кидал взгляд на Арди. Она села чуть поодаль, за границей круга света, и положила лук возле себя. Девушка замерла и слушала лес.

Далур-же вздрагивал при каждом крике совы в темноте. В ночном лесу казалось, что это кто угодно, и скорее всего кто-то очень недобрый и опасный, но не небольшая птица

— Почти готово, — в очередной раз попробовав, сказал Адрей. — Поужинаем, и лично я — спать. В прошлую ночь отдохнуть так и не вышло.

— Нам-то не рассказывай, — Далур отложил топор в сторону и убрал правильный камень глубоко в мешок. Следом отправился небольшой кусок войлока и пузырёк с пахучим маслом. — Бьюсь об заклад, у нас ночка пожарче выдалась. Стражу будем выставлять? Я бы первый подежурил. До полуночи посижу вполне.

— Я вторая, — донеслось из темноты. — Ты, главное, от пуза не ешь, сморит.

— Ну тогда я третий, — Адрей поднёс ко рту деревянную ложку и подул. — Молчун пусть до утра спит, раз болезный.

— Хрен. Жар вроде спал. За два часа до рассвета буди, — негромко сказал проснувшийся Молчун. В его глазах отражалось пляшущее пламя костра. — Свою работу я сам сделаю.

— Как чувствуешь себя? — Далур посмотрел на Молчуна. — Не лихорадит?

— Плохо. По мне, как стадо коров пробежало. Но лучше, чем днём. Спасибо. И за тролля, и за снадобья твои.

Повисла неловкая пауза. Молчун не похож на человека который привык благодарить, а Далур не привык принимать благодарности.

— Брось. Сегодня я тебе, завтра ты мне. Мы тут в одном штреке, — медленно и задумчиво проговорил дварф. — К тому же ты меня тоже не бросил. Ну там, когда... — Далур с досадой потянулся к зубам и с сожалением вспомнил свой шлем. — Ну в общем там. Так что, почитай, и сочлись.

Молчун едва заметно кивнул.

— Каша готова. Давайте плоски, ужинать будем, — Адрей попытался переключить неловкий разговор. — Не от пуза, конечно, но голодными спать точно не ляжем.

— Ты давай-ка пиво откупоривай. Потом не до него будет, — принимая парящую плоску из рук человека, Далур кивнул на несколько полных до краёв бурдюков. — Чую последний вечерок спокойный. Не скоро я ещё пивка-то попью.

— Кружку давай. Налью.

— Давай бурдюк. Там уже как раз налито.

— Мне тоже целый давай. Не жадничай, — Арди неслышно подошла к костру и села между Далуром и Адреем.

Еда была простой, но усталость и свежий воздух сделали своё дело. Каша казалась невероятно вкусной, а когда предварительно обжаренные на огне кусочки солонины попадали на зуб, раздавались вздохи удовольствия. Бурдюки постепенно пустели, и казалось, что здесь, в забытых всеми лесах, между бревном и валуном, окутанные пляшущими тенями от костра они находятся в самом уютном месте на сотни вёрст вокруг.

— Как ты здесь оказался? — Арди пристально посмотрела на Адрея. Девушка отложила пустую плоску и шумно хлебнула из бурдюка. — С этими-то я уже две недели знакома, хотя, сказать по чести, хрен знает, кто они такие и откуда взялись. Имена запомнила, да рожи примелькались, вот и всё знакомство. Расскажи и ты о себе что-то своим спутникам.

— Да мне и говорить особо нечего, — почесав пятерней в затылке, признался мужчина. — Местный я. Ну, вернее, был. Девять зим назад. Безотцовщина. Матери плевать было на меня. К сохе никогда не тяготел. Всё мечтал о реющих стягах, звоне мечей и треске копий. А как чуть подрос — подался в город. Удивительно, — Адрей усмехнулся, — но там я оказался нужен ещё меньше, чем дома.

— Да уж, удивительно, — фыркнула Арди.

— Прибился, значит, к небольшому монастырю, — Адрей тепло улыбнулся и продолжил. — Они мне хлеб и крышу дали. Не бесплатно, конечно, приходилось много работать. А когда не работал, врачеванию немного учили,

да делу ратному, — заметив недоумение в глазах Арди, сказал: — А как ты думала? В монастырях частенько что-то ценное есть для грабителя. Даже если окромя зерна и старых книг там не сыскать ничего, всё равно лезут. Да разве объяснишь... Старшие местные, не будь дураками, подле себя и держат братьев при оружии. Вот у них и учился. А сюда приехал Гарона повидать, он всегда был ко мне добр. Да и просто потянуло побывать в месте, что когда-то было домом. Думал недельку погостить и обратно. Домой. Люди там хорошие, мне их уже не хватает. Последнюю ночь не спал даже. Шёл до рассвета, всё торопился. Как в селение зашел — сразу к Гарону. Тут он меня и огорошил. Простая история. Простая и короткая.

— Веришь в монастырские учения? — с лёгким вызовом спросил Молчун.

— Я верю, что если люди добры и к тебе, и по своей натуре, то им нужно ответить тем же. И что хорошо иметь место где тебе рады, независимо от того, какой там уклад жизни, — спокойно глядя в огонь ответил Адрей.

Молчун сплюнул в сторону и устало закрыл глаза.

— Ну а ты? — Адрей уставился на Арди. — Теперь твоя очередь. Давай, рассказывай, всё честно.

— В моей истории не так много добра, — Арди кисло усмехнулась. — Смотри, ещё можно передумать.

Она некоторое время смотрела на Адрея, пока тот ободряюще не улыбнулся.

— Служанкой я была. Лет пятнадцать тому назад. Ещё совсем сопливой. В обычном трактире средней паршивости далеко-о на юге. Таких по стране сотни, — она усмехнулась. — Сильно пьяным подносили три части воды и одну часть пива, а если бы мясо так сильно не пахло чесноком и уксусом, тебя бы вывернуло от его аромата. Свежайшее, как говаривал елейным голоском своим гостям хозяин. Публика под стать.

— Зачем осталась в таком гадюшнике? — недоумённо спросил Адрей.

— А что делать? Соседей добрых не было. Кушать хочется, да и спать лучше на соломе под крышей, чем в грязи под кустом. Зимой-то особенно, можешь поверить. Пробовала. Ну и конечно-же лучше, чем вечным сном в канаве. Два года я там как-то продержалась. Ну прямо мечта, а не жизнь. Мрази всякой подносить пошло, да задорно взвизгивать, когда очередной гость, — она брезгливо сплюнула, — щипал за жопу или лапал. В тот вечерок, благослови его Держатели Мира, один был особенно рьян. Только и делал что гонял меня за добавкой или какой ещё жратвой. И конечно, не забывал дать волю рукам, куда без этого-то. Трактирным служанкам же это очень нравится, разве не знали? Лежать на гниющей соломе, пока над тобой пыхтит нелюдь, от которого разит дешёвым пивом хлеще чем из бочки. Хотя кому не всё равно, что там им нравится, правда? Хозяину монеты не лишние.

Девушка прервалась и сделала большой глоток из бурдюка, с шумом проглотила. Арди помолчала немного, смотря в огонь, и продолжила.

— Ну так вот. Помню как сейчас. Подозвал он меня в очередной раз. Сидел уже мертвецки пьяный. Ещё кружка и точно в собственной моче под столом уснёт. Волосы до плеч, правильные черты лица. Голубые глаза. По-своему он был даже красивым. Если бы волосы не висели сальными колтунами, а глаза не были остекленевшими от многих кружек пива. Рот уже плотно и не закрывался даже, а губы блестели от жира и скопившейся в уголках слюны. Я даже помню, что он тогда ел, — смотря в костёр, Арди ухмыльнулась. — Горячую кровяную колбаску. Кусочек прилип в уголке рта и притягивал взгляд. От него несло смесью запревшего пота и перегара от самого дешёвого и поганого пойла, которое только можно представить. И это ещё в тот раз пиво сварили лучше обычного.

Девушка неловко пошугила, но никто у костра не улыбнулся. Мрачно и напряжённо они ждали пока та продолжит.

— В этот раз он даже ничего не заказал. Он просто подозвал меня, чтобы дать волю своим рукам. И дал. Больше, чем обычно. Сидел и кривовато лыбился. А руки ползали там, где им быть не положено без моего согласия. Да, он тогда ел горячую кровяную колбаску. Нарезал её на удивительно ровные кругляши своим ножом. Нож и лежал рядом с тарелкой. Я схватила его и несколько раз пырнула прямо в живот и один раз в горло. Мне кажется, этот выродок даже не сразу понял, что происходит. Несколько раз открыл рот, силясь что-то сказать. Кровь вместе с жиром текла по его подбородку. На мой взгляд, он тогда был точно красив. Ну таким он мне больше нравился, чем минуту назад.

Повисла тишина. Арди хмурилась каким-то своим мыслям и жевала губы.

— А потом? — глухо спросил Далур.

— Потом? — Арди словно очнулась от краткого оцепенения. — Потом я выбежала из трактира и побежала за городские ворота. Меня догнали. На мою удачу, не стража и не его дружки. Этот человек сказал, что всё видел, и этот жмур новоявленный получил по заслугам. И что девка такая бойкая ему помочь сможет. А он мне поможет взамен. Неважно как его звали. И что мы делали тоже неважно. Но на руках у меня чужой крови больше не было. На стрелах была. На ножах и топорах друзей была. Но ведь это не считается, правда? Больше не расскажу, но если бы была в мире справедливость, висеть мне на каком-нибудь толстом суку вдоль дороги. Рядом с... А, хрен с ними всеми. Разболталась что-то. Я жива, и думается, не такой уж плохой человек. Ну хотя бы сегодня. Иду вот селян каких-то спасать, шкурой рискую, наверное, даже бесплатно. Добродетель во плоти. Короче, последние лет пять я

наёмница. Лук и чтение следов, к вашим услугам, — она изобразила неловкий поклон. — Если готовы платить, конечно. Это я больше этим вот рассказывала, — она махнула рукой в сторону Молчуна и Далура. — Нас с ними вчера вроде как боем скрепило. Ну и ты, монастырский, заодно послушал. Боевое братство. С одной сестричкой, — Арди невесело рассмеялась и замолчала.

Молчун с лёгкой неприязнью и сожалением устало смотрел на Арди.

Далур сжимал бороду в кулак и с силой дёргал, возвращаясь раз за разом к своим мыслям. Девушка ему не нравилась. После услышанного она стала ему нравится ещё меньше. Дружки, кровь на стрелах и топорах, толстый сук. Разбойничала, не иначе. Таких людей он презирал. Больше чем разбойников он презирал только трусов. В спину снова упёрся ледяной, полный ненависти взгляд. Решено. Сегодня он расскажет спутникам что он за дварф. Пусть знают с кем идут.

— Ты не винов... — начал было Адрей, но Арди его оборвала.

— Брось. Всё, что я в жизни ни делала, я делала сама. Никто не заставлял. Мой выбор. По глупости, по юности, по обстоятельствам, ПО-ХЕ-РУ, — отчеканила по слогам Арди. — Это мой выбор и мои поступки. Точка. Ну что, кто из вас? — Она поочерёдно посмотрела на Молчуна и Далура. — У нас тут вечер секретиков и тёплых воспоминаний. Присоединяйтесь. Ваша очередь.

Не дожидаясь ответа, она встала и взяла пару поленьев из стопки неподалёку. Девушка закинула их в огонь, и тот накинулся на древесину. Раздались радостное щёлканье сухой коры и в ночное небо взлетела небольшая стайка искр.

— Ну а ты, Далур? — Адрей посмотрел на дварфа. — Почему не дома, в горах? Ваш брат нечасто выбирается из своих чертогов.

— А нет у меня дома. И хрен мне там кто рад будет, — глухо буркнул Далур и ещё раз сильно дёрнул себя за бороду, решил и продолжил. — А, ладно. Как на духу. Года полтора как нет у меня дома и друзей. Весна, стало быть, была. В одной из горных долин наши пасли большие стада коз и овец.

— Пасли коз? — спросила Арди.

— А ты как хотела? Дварфам и есть хочется, и одежда нужна. У нас и поля есть на поверхности. Маленькие, конечно, и родят не чета вашим, но есть. Пиво и хлеб на столе должны быть! Ну так вот. Долина, значит, в которой скотина наша пасётся. Облюбовал её тролль. Горный дикий тролль. На манер того, который с гоблой в лесу ошивался. Но цвета мокрых скал, да шкура потолще. Облюбовал её, значит, и повадился таскать по козе в день, бывало и по две. Я тогда только на обучение к Мастеру над Руной поступил, а когда не обучался, ходил стражником да в патруль. Мы, дварфы, к таким вещам готовы, тролли не впервой забредают в горные долины. Семеро нас в патруле ходило. Два арбалета, три пики и два щитоносца. Я, стало быть, с пикой шёл. Нам сменяться через час было, как объявился тот самый тролль. Объявился и сразу к козам. Хвать одну, как с полки на кухне, и обратно к расщелине пошёл. Ну наши его, конечно, не отпустили. Мы, значит, пики упёрли в землю, щитоносцы арбалетчиков прикрывают, а те послали болты в образину и стали новые закладывать. Попали стрелки наши. Тролль заревел на всю долину. От ярости хватанул козой об землю, отшвырнул в сторону и на нас попёр. Идёт на нас, здоровенный как твой амбар. А у меня сердце где-то в гузне бьётся, а перед глазами коза летящая стоит. Я до того и не дрался никогда, кроме как с гоблинами да на площадке. Тролль, с-сука камнешкурая, всё ближе.

Дварф замолчал, затравленно озираясь по сторонам.

— Далур? — окликнул его Адрей.

Дварф встрепенулся и придвинулся ближе к огню, вытянув руки.

— Вообще мы должны были пиками его удерживать, пока топорщики ему ноги рубят, а арбалеты голову выцеливают, — чуть помолчав продолжил он. — И вот, значит, стою я с самого лева, а справа от меня Ганур был, — голос чуть дрогнул. — Дружили мы. Он мне говорит, мол, давай, Далур, поспорим, что быстро дело кончим и без сложностей. Говорит, предчувствие у меня хорошее, проигравший пиво ставит всему патрулю. А я ответить не могу. Рот пересох совсем, а руки как у пьяницы ходуном ходят. Ещё чуть, и пику бы выронил. Вот уже дошёл до нас тролль почти. Мне надо в плечо или грудь ему пику втыкать, чтобы руками до нас достать не смог, время, значит, выигрывать. А я смотрю прямо перед собой, и вижу... себя. Как отлетаю прочь на манер той козы и, упав невдалеке, так же затихаю, — Далур сплотнул и прочистил горло. — Короче, струсил я. Бросил пику и побежал, как никогда в жизни не бегал до этого. Не оглядываясь. Сзади крики ярости и боли звучали, а я лишь старался заглушить их свистом ветра в ушах. Тут дело такое, когда состав неполный тролля по-другому брать надо. Но времени у них перестроиться уже не было. Побегу я чуть раньше, может, они и успели бы. Но вышло как вышло. Мне потом рассказали, что живыми двое только осталось, ну кроме меня. Ганура эта тварь смяла через секунду после того, как я побежал. Но пику всадить в тушу этой образины он успел. В отличие от меня. Какой я после этого дварф? Так, пустая порода, — голос Далура дрожал, и немного помолчав, он горько продолжил: — У нас казнят за такое. Из-за меня четыре бойца умерли. Доверили мне быть их соплечником и умерли. Ганур доверился мне и умер. Потому что я трус.

— Кто бы не побежал, когда на тебя в лоб прёт разъярённый тролль? — спросила Арди.

— Никто из наших не побежал. Только я, — отрезал дварф.

— Ты говоришь, за такое у вас казнят. Но ты очевидно жив. Почему? — Андрей серьёзно смотрел на Далура.

— Потому что духу не хватило даже ответить за свои дела. У меня влиятельный старший брат. Был, — Далур кисло улыбнулся. — Он дал мне выбор. Смерть и честь или позор и бегство. Я убежал. Помню только боль и презрение в его взгляде, когда я поднял брошенный передо мной мешок с кольчугой и едой. Как уж он потом мою пропажу объяснял, не знаю. Может, аукнулся ему мой побег, и его смерть тоже на мне висит. Топор, — он похлопал по своей секире, — тоже мне брат дал. В горах опасно. Мы хозяева под ними, а наверху много с кем драться приходится.

— Поэтому ты так со своим топором упёрся, когда я тебя от лагеря тащил? — тихо спросил Молчун.

— Да, — Далур медленно кивнул. — Это последнее, что у меня есть из дома. Кольчуга ещё, но топор... топор для дварфа всё. Мы долго живём, у нас хорошая память. Если я вернусь домой, у меня вырвут бороду и повесят. Такие как я недостойны стали, даже топора палача. Сталь не для трусов.

— Помнится мне, ты в лагере вышел один на один с троллем. Трус так точно не сделает, — уверенно возразил Молчун.

— Я со страху топор еле метнул. Только второй нормально пошёл. Дварф топор не смог метнуть. Стыдоба. И я удивлён, что портки сухими остались, я уже почти побежал.

— Но не побежал. А что до портков... — Арди почесала подбородок. — Помнится мне, я историю слышала про королевскую конницу и городское ополчение. Город какой-то они защищали. Враг уже за стены прошёл, на улицах бились. Не помню, кто с кем воевал, да и не важно. Может, никто и ни с кем, а это просто притча. Прижали их крепко тогда, ополченцев этих с конницей. В клещи взяли. Храбрые и благородные рыцари в сияющих доспехах смогли прорваться через врага и ускакали прочь, громяхая своим прекрасным вооружением, — Арди выплёвывала слова. — А вот ополчение осталось. Оно и понятно, простолюдинов можно тысячами в могилу класть, лишь бы десяток знатных выжил. И плевать, что вы только что вместе бились. Хреново им тогда пришлось. Живыми осталась пятая часть, наверное, но устояла. Бледные от страха, с мокрыми штанами и дрожащими руками. Они выстояли. Чудом, не иначе. И вот вопрос, достойны они уважения? Хрен с ними, с рыцарями. Там причин и поводов десяток может быть. Но вот эти вчерашние крестьяне и ремесленники достойны уважения? Я к тому, Далур, что всем плевать на то, что ты чувствуешь и как обстоят дела с твоими штанами, если ты не побежал. Если ты сделал то, что от тебя требуется. Полтора года назад да, ты струсил. Вчера ты был смелей всех, кого я знаю. И гораздо глупей, но сейчас не об этом. Ты вышел один на один с троллем. Ты схватился один с тремя гоблинами в темноте, чтобы прикрыть нас. Может, ты и трус, но такому трусу я доверю прикрыть спину.

— Она права, — коротко добавил Молчун и замолчал.

— Из-за меня погибли четыре дварфа, которые верили мне, — не унимался Далур.

— Да, погибли. Да, верили, — жёстко бросила Арди. — Но ты уже доказал, что не допустишь такого ещё раз. И, пожалуйста, перестань ныть. Дварфам не идут стенания.

Далура молча уставился в огонь. Его лицо окаменело и не выражало ничего.

— Двое из трёх с камнем на душе. Один из трёх без тёмных пятен в прошлом. Что до тебя, Молчун? — Арди допила пиво и уставилась на него. — Как ты оказался здесь?

Молчун поднял руку к шраму от ожога, покрывающему часть головы, и едва его касаясь погладил место, где было ухо.

— Я без камня. Скорее с золой, — его глаза зло сузились. — Родом из пограничной с Левнаром деревни. Далеко на юге, — он усмехнулся, увидев удивление на лице Арди. — А что ты удивляешься? Мы на севере. Вся страна для нас сейчас далеко на юге.

— Да нет... — немного растерянно протянула Арди, поправляя платок на шее. — Просто мир оказался очень маленьким. Я... Бывала в тех краях тоже.

— Это для тех, кто носа за родной забор не кажет, мир огромный. Стоит только ступить на дорожку, как мир начинает стремительно уменьшаться. Ну так вот. Лет пять назад наше высочайшее величество, барон местный, — Молчун с отвращением сплюнул, — не удержал хрен в штанах во время приёма соседнего барона. Не знаю, кого он там оприходовал, да и откуда мне? Что люди говорили, то и знаю. Короче, соседский правитель обиделся. И по приезду домой начал рати собирать, чтобы за обиду мстить. Но я всего этого тогда не знал. Я шёл с осмотра силков, к поясу были подвязаны несколько заячьих тушек. День погожий, я с добычей. Легко так было на душе. Ноги крылья отрастили, я шёл и земли не касался. Пока не почувал дым. Почувать или увидеть дым в приграничной деревне — всегда к беде. Это страшнее, чем встретить разбойников или шатуна на лесной тропе. У нас мост был старый через реку. Вот как раз к нему я подошёл, когда деревья расступились, и стала видна моя деревня за излучиной. Много домов горело. Сустились какие-то отряды и реяли стяги нашего величества. Не помню, как добежал. Не помню, как в горящий дом влетел. Помню жар дикий и дым, выедающий глаза и лёгкие. Жену и дочь

нашёл в дальней комнате. Из живота жены торчал нож. Видимо, она уже просто не смогла сама выбраться. А дочь... Дочь обнимала мать своими тонкими ручками. Думаю, что она просто задохнулась, перепуганная, прижимаясь к дорогому мертвецу. Комната полыхала. Помню, удивился что они такие чёрные. Нелепая мысль. Потащил их к двери, чувствуя, что моя одежда уже дымится. Кожа с рук жены слезла, как перчатка, когда тянул. Понимал, что они мертвы, но тащил, едва не падая от удушья. Тащил пока не потерял сознание.

Он отвернулся от костра и, немного помолчав, продолжил.

— Меня из огня выволокли. Кто-то видел, как я в дом залетел. Только это осталось, — он чуть повернул голову обожжённой стороной. — Ну и по телу есть ещё. Дом догорел вместе с ними. Похоронил потом что нашёл. Дом сестры с родителями тоже сожгли. Только их самих на улице зарубили. Похоронил их целыми. Почти. Пока я силки проверял, чтобы заработать на жизнь, пришёл от соседей отряд мстить за поруганную честь какой-то манды, которую никто в глаза не видел, и эту самую жизнь уничтожил. Его величество знал о готовящемся нападении, но не успел прислать воинов. На несколько часов не успел. Я пришёл, когда пришельцев отогнали. С тех пор я больше в лесах обретаюсь, — он внезапно замолчал.

— Да, дела... — выдавила Арди и уставилась в пустоту.

— Да, порой так выходит... — начал было Андрей, но Молчун перебил.

— Нет. Не надо. Вы спросили, я ответил. Честно. Как все. Меня утешать не надо. Я со своей болью уже сросся. Вы таких историй можете десяток услышать за вечер в любой корчме на границе, да и слышали уже с сотню. Примелькались они, истории эти. Вот только рассказывающему их нихрена не легче.

— Как тебя зовут? — Арди посмотрела в глаза мужчине.

— Молчун, — он отвернулся и закутался в плащ.

Повисла тяжёлая тишина. Даже костёр на какое-то время перестал потрескивать.

— Ложитесь спать, а я сторожить. В полночь разбужу. Вторая стража твоя, — напомнил Далур девушке и, взяв топор, вышел из круга света. Он захватил с собой почти пустой бурдюк с остатками пива.

Арди улеглась между бревном и костром. Почти сразу она размеренно засопела. Андрей встал и пошёл в кусты, в противоположную от дварфа сторону, ослабляя тесёмки на штанах.

Молчун лежал, закутавшись в плащ. Его плечи слегка подрагивали.

Глава 5. Темнота

Под утро похолодало и пошёл дождь. Незадолго до рассвета он забарабанил по листьям и ветвям, по земле и камням, наполняя лес умиротворяющим монотонным звуком. Дождь забарабанил по спящему лагерю, хотя досюда сквозь кроны долетало не так много капель.

— Да, как раз этого не хватало. Сегодня нас ждут мокрые сапоги и плащ. Доброго утречка и хорошего всем денёчка, — поворчав, Арди сладко потянулась, поправила платок на шее и подвинулась к огню, выдыхая облачко пара.

— Доброго, — раздалось из темноты, и к костру подошёл Молчун. — Я бы вас через час поднял, — он указал рукой на светлеющее в разрывах крон небо.

— Ну ладно, не так обидно, — зевнув, девушка указала на похрапывающего дварфа и Адрея. — Пусть досмотрят свои сны, или завтракаем и в дорогу?

— Хороших снов не бывает.

— Да уж. Да и время не терпит. К тому же так они скоро в луже будут лежать. Дождь усиливается, — Арди смахнула с плаща в изобилии лежащие на нём капли воды и придвинулась ближе к кострищу. — Значит, поднимаем.

Далур схватился за топор, когда его тормозили за плечо. А когда понял в чем дело, поприветствовал новый день отборной бранью. Он шумно сделал несколько больших глотков воды из бурдюка. Утер побежавший по бороде ручеёк и накинул на плечи плащ. Захватив топор, он побрёл в сторону от лагеря.

Адрей, разбуженный бранью Далура, тёр глаза. Чуть пригладил всклокоченные волосы и, налив в котелок воды, поставил его на огонь.

— Я травок сушёных взял, поъем перед дорогой, — широко зевнув сказал мужчина. — Дай, Молчун, ещё котелок. Каши немного сварим. Пока совсем не рассветёт, я думаю, выходить не стоит. Эх погода...

Завтракали молча. Быстро съели кашу с галетами и теперь сидели, сжимая в руках парящие плоски с отваром, время от времени делая большие обжигающие глотки. Дождь то утихал, то набирал силу, не в состоянии окончательно решить, что же ему делать. Над головой прохлопали чьи-то большие крылья, но в полумраке не удалось разглядеть чьи.

— Треклятые птицы. Совы, мать их птичью драть, орали всю ночь как безумные, — проворчал Далур, утирая мокрые от отвара усы. — В лесах вообще бывает тишина? Вечно что-то хрустит, шуршит или топает. Я себе башку верну скоро, на каждый шорох поворачиваться.

— Сам себе не страшно. Хуже если кто-то другой тебе её свернёт, потому что не повернулся, — Арди усмехнулась. — К тому же это просто птица.

— Про что и толкую. Адрей, плесни ещё своего варева, — Далур протянул плоску мужчине и, принимая её обратно, пробурчал: — Птица-хреница... Сраные леса...

— Лес прокормит. Лес и оденет. Зря ты так, Далур, — негромко отозвался Адрей. — Ты просто не привык. Лес умиротворяет и очищает мысли. Хорошенько очищает. Послушать лес и подумать, знаешь ли, дорогого стоит.

— Тебя вчера ночью с нами не было. И подумал бы, и умиротворился быстро, — Далур мрачно ухмыльнулся. — А уж как слушал бы внимательно! Мне, знаешь ли, спокойней, когда вокруг сплошной камень. Не ждёшь подлянки от каждого драного куста.

Никто не стал спорить. Молчун, казалось, вообще не следил за разговором, а Арди и Адрей лишь улыбнулись.

— Кстати, Далур, — Арди слегка укоризненно посмотрела на дварфа. — Ты, помнится мне, говорил, что никакой магии не обучен. Но что это тогда было ночью в лесу? Без магии камни сами собой не светятся.

— Что было, то и было. Кабы не было — лежали бы невдалеке от гоблы, стрелами утыканые, как твои птицы пером, — нехотя начал отговариваться Далур.

— Да. Но я не о том. Ты сказал, что это руна. Я слышала про дварфийские руны, но никогда их не видела. До прошлой ночи. Расскажи побольше.

— Не могу побольше. Нельзя. Хотя мне у своих всё равно петля и последний танец на верёвке, — Далур сильно дёрнул себя за бороду. — Да и если можно было бы. Я же говорю, я только поступил в ученичество. Первый экзамен должен был пройти на следующий день после того патруля... Я знаю всего шесть рун. Умею изготавливать две. Ну, может, три, но это скорее бракованная Руна Очага, — Далур призадумался, хмурия брови. — Ну а если в общем говорить... Наш народ всегда всё делал своими руками. И делал очень хорошо. Пока другие пытались постичь магию как только с ней столкнулись, мы научились впечатывать её в предметы. Тут тоже не всё так просто... Подойдёт только камень и металл, да и то не каждый. Да и дело это ой какое небыстрое. Зато руна работает сама по себе, аккурат с её завершения. Ну а что делает и сколько проработает от многого зависит. Есть руны, например, которые прочность придают.

— Поэтому доспех от ваших мастеров стоит как две добрые деревни? — спросила Арди.

— Не только. Лучше наших сталь никто не льёт, — в голосе Далура зазвучала гордость. — Лучше наших и ковать никто не приспособился. Но звенья кольчуги даже одинарного плетения, укрепленные руной, не порвать. Что говорить о кирасах и шлемах? Да и цитадели наши не просто так неприступны. Да, они построены так, что никому не повторить, и материалы лучшие. Но без рун это будет просто камень. Уж dwarфу поверь. Ясно дело, чем сильнее руна, тем сложнее, дольше и дороже её изготовление. Отвары там всякие, да порошки. Это не всё что можно рассказать о рунах, но всё что могу именно я. Да и вы всё это слышали уже, молва такая и идёт о нас. Ну вот, стало быть, подтвердил.

— Ясно. Спасибо, что рассказал, — Арди благодарно кивнула. — Мне интересен ваш народ. Нечасто вас встретишь, да и уклад жизни у вас совсем другой.

— Какая вторая? — подал голос Молчун, поправляя повязку на щеке.

Далур непонимающе уставился на мрачно смотревшего на него человека.

— Вторая. Ты сказал, что умеешь изготавливать две руны.

— Угольная Руна, — Далур поскрёб пятернёй затылок. — Нагревает металл. Но потом тот чернеет, и его надо чистить и полировать.

— Кому это может понадобиться? — Арди недоумённо уставилась на dwarфа.

— Солдатам, например. Зимние переходы по поверхности в небезопасных землях. Любой, кто любит свою голову и не хочет её терять, будет спать в доспехе. А студёной зимней ночью ты бы не отказалась, чтобы кольчуга грела, а не вытягивала всё тепло, несмотря на плотный поддоспешник, — Далур усмехнулся. — Греет, что твой тулуп из овчины. И на большую часть ночи хватает. Это один из примеров. Маленькая хитрость. Наша стойкость к холоду давно вошла в присказки и поговорки. Но не её одной заслуга. Ладно, языками столько молотить — мозоли заведутся. Уже почти светло. Пора идти. Меняем повязки и выступаем.

Костерок быстро забросали мокрой землёй, несмотря на дождь, и, хлюпая влагой под ногами, пошли на север. В нос бил особый запах, который можно ощутить только в лесу во время дождя. Минуты складывались в часы. Часы выстраивались в сплошную череду дождя, листьев и грязи под ногами. Сильно лило, но небо светлело, и уже можно было разглядеть сквозь тучи мутное очертание солнца.

Уже основательно перевалило за полдень. Вода пропитала капюшоны и сейчас капала с носов, ручьями бежала за шиворот, неприятно щекоча и холодя спину. Далур сдувал с носа раздражающие его капли, выжимал бороду и клял на чём свет стоит столь ненавистный ему дождь. Молчун, не обращая внимания на бегущие по нему ручьи воды, шёл вперёд. Он прижимал к ране свежую повязку и старался, чтобы влага с капюшона не попала на неё. Арди хмуро жевала размокающие под дождем галеты и поглядывала на небо. Все ожидали, когда же оно возьмёт передышку и прекратит лить воду. Один Андрей шёл и улыбался.

— Ты прям светишься, как в кости выиграл, али до любимого бочонка добрался. Чегой-то? — Далур немного раздражённо посмотрел на человека.

— Мы наконец-то делом заняты. Глядишь, и найдем сегодня этих Кровобородов. А там и односельчане. Да и послушал я вас вчера, вы вроде бывалые. Обнадёжился я, понимаешь? — Андрей зачесал пятернёй мокрые волосы назад и стряхнул с ладони воду.

— Ещё руду не выкопал, а уже горн раздувает. Хорошо, если твоя надежда нам поможет. Обычно оно иначе поворачивается, — dwarф выглядел куда более хмурым, чем осеннее полное дождя небо.

— Поможет. Вот увидишь. Да и толку не больше будет, если с хмурой рожей шагать. А с улыбкой всё приятнее.

— Я бы улыбался, коли бы пожрал. Да только найди теперь хоть одну сухую ветку. Ещё бы воду с сапог слил и портянки поменял. Ну и костерок с горячей похлёбкой потешил бы меня славно. А так... — dwarф в сердцах сплюнул под ноги.

— До вечера жди. Сам видишь: ни возможности, ни времени, — Арди закинула в рот последнюю в руке размокшую галету. — Да и с утра уже брюхо набил. Не часто ли к котелку прикладываться собрался? Мы работаем, а не пируем на сельском празднике урожая.

— Вечера, — уныло повторил Далур. — Хрен его знает, что будет тем вечером. А жрать сейчас хочется. Дай что ли галет пару.

Постепенно лес стал редеть, поляны появлялись всё чаще, расстояние между деревьями увеличивалось. Появился небольшой уклон. Сквозь кроны деревьев и изрядно ослабевший дождь проглядывались белые горные вершины вдали.

— Нам бы на запад забирать начать. На тракт выходить, — Арди остановилась и указала рукой перед собой. — Смотри, старый знакомец.

Невдалеке на нижней ветке дерева чуть выше уровня глаз сидел ворон с одной лапкой и с любопытством смотрел на них наклоняя голову.

— Не до него сейчас. Времени мало. Как начнёт трепаться, не заткнёшь. Как взболтанный бочонок пива, если не посчастливилось открыть такой, — Далур раздражённо сорвал листик с ближайшего куста и, смяв, бросил на землю. — Да и удивительно мне. Говорит, что отшельник и одиночка, а язык-то подвешен хорошо. Чешет так, что иные позавидуют.

— Глядишь, и поможет чем. У него больше понимания что окрест творится. Про гоблинов-то он нам чётко подсказал, — Арди с любопытством разглядывала птицу. — Можем и про этих Кровобородов спросить.

— Можем, только вот у кого? У однолапой галки этой? Был бы этот Флан рядом — сам вышел бы, а не птицу свою прислал, — Далур посмотрел на небо. — Солнце к закату уже идёт, где мы тут его искать будем и, что главное, как долго.

— Да погоди ты. Может, и по пути будет, — Арди примирительно подняла ладони и перевела взгляд. — Молчун?

— Мне не нравится Флан. Но если по пути — зайдём.

— О чём вы толкуете? — Адрей по очереди смотрел то на птицу, то на спутников.

— Да встретился нам тут в лесу одинокий дед с ручным вороном. Через птицу эту он следил за нами. Работу предложил, как с селянами закончим, в горные пещеры его проводить нужно. Откуда его принесло неясно, места то тут не самые оживлённые. Мутный он какой-то. И появление его мне кажется странным, и разговоры... Мне кажется, он не тот, кем хочет казаться. Но если заплатит, почему бы и не подрядиться на работку. Думаю, ты с ним ещё познакомишься.

— Что-то не очень хочется. От таких добра не жди.

— Ну с земляками твоими он нам чуть помог. Подсказал, где гоблинов искать.

— Так там людей-то не оказалось, — немного удивлённо воскликнул Адрей.

— Это теперь мы знаем, что их там не оказалось. Благодаря ему мы быстро нашли лагерь и проверили ложную ниточку.

— И что, думаешь принять его предложение?

— Не знаю пока. Он мутный, но предлагает деньги. В отличие от моей нынешней работы, это не так уж и плохо. Посмотрим.

— Тебе только деньги... — негромко проворчал Далур.

— Я наёмница. Удивлён?

Далур промолчал и с силой дёрнул себя за бороду. Ворча, он ушёл чуть вперёд.

Вскоре дождь кончился, сплошная пелена туч местами потрескалась, и оттуда выглянуло голубое небо. Какое-то время они продолжали идти на север, и ворон следовал за ними, перелетая с ветки на ветку.

Местность стремительно менялась, деревьев стало ещё меньше. Зато появлялись огромные валуны, а уклон стал ещё сильнее. Под ногами скользили мокрые камни. Скалы впереди маячили сквозь частые прогалы в зелени, и всё чаще встречались едва проходимые места, которые было проще обойти, чем лезть напрямик. Они свернули на запад, к тракту, не желая больше ломать ноги на скользких камнях.

Ворон забеспокоился. Его противное, резкое карканье вспарывало тишину леса и невероятно раздражало. Вскоре он уже летал над группой, время от времени снижаясь и бросаясь прямо в лица. Чёрные крылья то хлопали над головами, то мельтешили перед глазами. После каждой такой выходки ворон отлетал на восток и призывно орал во всё горло. После этого возвращался, и всё повторялось снова и снова.

— Ты смотри. Никак развернуть нас хочет? Разорался, как трактирщик, которому за пиво не заплатили, — Далур отмахнулся от назойливой птицы пудовым кулаком.

— Да уж, странно. Молчун, что скажешь? — Арди озадаченно косилась на посланника Флана.

— Скажу, что вляпались. Только не пойму во что, — ответил тот, смотря как ворон улетает прочь. — Посмотрите на солнце.

Они стояли на открытом участке между небольшим перелеском, который громадным зелёным языком вытянулся из чащи, и скалистым холмом. В воздухе раздавалось журчание горного ручья, сбегаящего с каменистого склона. Он впадал в небольшую ложбину меж камней и пропадал где-то под землёй. Сумрак щедро разливался по окрестностям. Осенним пасмурным вечером обычная картина, но Молчун был прав. Тучи разошлись, и солнце хоть и клонилось к закату, но ещё горело на небе.

— Здесь темно, — в голосе Арди послышался испуг. — Сраное солнце светит прямо на нас, но здесь темно. Молчун, какого хрена тут темно?

Далур и Адрей уже сжимали в руках оружие и настороженно оглядывались по сторонам.

— Темно и тихо. Как улетел ворон, я не слышу ничего, кроме нас и этого ручья. — Адрей указал на перелесок на юге: — Ветви колышутся, но я не слышу ветра.

— Уходим. На восток. Быстро, — Молчун решительно развернулся в обратном направлении.

Из перелеска отчётливо донёсся скрип древесины, и порыв ветра тараном ударил в отряд. Арди не упала лишь

благодаря тому, что схватила за плечо крепко стоящего на ногах Далура.

— Я что-то чувствую. Похоже на животное. Но это точно не животное, — Молчун старался перекричать ветер. Озабоченность на его лице переросла в страх.

Они снова попытались пойти на восток, но ураганный ветер не ослабевал, а наоборот, всё сильнее дул в лицо, перебивая дыхание и заставляя жмуриться. Бороться с таким ветром стоя на мокрой после дождя земле было невозможно. Они попытались пойти на север и на запад. Результат тот же. Сбивающие с ног порывы буквально волокли против воли на юг, к стоящим невдалеке деревьям.

С момента, когда ворон улетел, прошли считанные минуты, но окрестности стремительно погружались во мрак. Слепящее солнце нагло издеваясь висело над головами на фоне светлого, почти очистившегося от туч неба.

Далур дрожащими от страха руками выставил перед собой топор, защищаясь неведомо от чего. Арди прижалась к нему и судорожно натягивала тетиву. Рука сорвалась и девушка, ругнувшись, начала сначала. Адрей что-то бормотал, шевеля одними губами, и поигрывал увесистой булавой.

Молчун с ужасом ощущал в перелеске перед ними чьё-то присутствие. Кто-то большой и голодный. Кто-то сродни хищнику. Но перед ними был пустой перелесок. Даже не перелесок, а так, скопление невысоких деревьев, стоявших не особо кучно. Там попросту негде было прятаться тому, кого чувствовал Молчун.

Скрип деревьев раздавался то с одного, то с другого конца этого перелеска. Ветер настойчиво тащил отряд по мокрой траве и грязи на юг. Ветви не выдерживали и с треском отламывались. Шквальный ветер порывами прижимал траву к земле и корням. Меж стеблей тёмной травы то и дело мелькали светлые пятна. Молчун прищурившись пытался понять, что там белеет. Его догадку подтвердил крик Далура.

— С-сука, да там вся земля завалена костями! — его слова тяжело было разобрать, они еле-еле пробивались через шум ветра. Он стоял, широко расставив ноги, и указывал боевым топором куда-то в сторону перелеска. Бороду нещадно трепало.

Когда до ближайшего бука оставалось не более двадцати шагов, настойчиво толкавший их в спину ветер немного стих. Ровно настолько, чтобы они могли остаться на месте.

Одновременно с этим среди древесных стволов в воздух взметнулось всё, что было на земле. Лесной сор хаотично метался из стороны в сторону, пока не стал стягиваться в несколько отчётливо видимых воронок.

По всему перелеску их возникло около десятка. Они тут же принялись затягивать в себя лежавшие вокруг ветки и листья. И кости. С яростью отламывать у деревьев ветки толщиной в руку взрослого сильного мужчины и тоже вовлекать их в свою безумную пляску.

— Бежим, быстро! — Арди попыталась отползти назад, но вскоре её притащило по мокрой траве и грязи обратно.

Тем временем, обособленные воронки стали сползаться в одну точку, по пути объединяясь в более крупные. Ветер не давал возможности двигаться никуда, кроме как навстречу происходящему. Желающих не нашлось.

— Я чувствую голод! И злобу! — Молчун кричал в лица спутников. — Как у дикого животного!

— Животное?! ЭТО что за животное?! — Адрей неуверенно стискивал побелевшими кулаками свою булавку.

Воронки наконец сошлись в одном месте и какое-то время перед едва стоящей на ногах группой вращался смерч, достающий до макушек окрестных деревьев.

Секунды тянулись, Арди вновь вцепилась в плечо Далура и чувствовала сквозь кольчугу и плащ, как того колотит. Адрей с бледным лицом топтался на месте, борясь с ветром.

Молчун судорожно пытался «нащупать» сознание перед собой и понять хоть что-то. После того фокуса с птицами его голова не до конца восстановилась, и на такие нагрузки охотно ответила выламывающей виски болью.

С громким хлопком смерч рассыпался.

Одновременно с этим ветер стих. Адрей и Молчун от неожиданности упали на спину. Далура утянула на землю вцепившаяся в него Арди. Темнота в тот же миг рассеялась, уже ничто не напоминало о сумерках считанные секунды назад. Всё вокруг них было залито лучами осеннего, ещё теплого солнца.

С громким скрипом на самом краю перелеска переминалось с ноги на ногу нечто. Высоченное, оно почти доставало до середины стоявших вокруг деревьев. Казалось, что к телу гигантского лося кто-то ненормальный прикрепил торс и голову человека.

Но ничего человеческого в нём не было. Оно состояло из веток и костей. Из листьев и травы. Из голода и злобы.

Составленную из многих черепов разных животных «голову» венчала корона, собранная из нескольких пар размашистых рогов. Руки заменяли длинные и толстые сучья. Острые обломки рёберных костей шевелились вместо пальцев. В просветах переплетения веток клубилась темнота. Солнечный свет не ложился на эту фигуру, избегая её. Можно было различить лишь два цвета. Бурый и черный. Нестерпимо пахло запахом гниющей листвы и земли.

К оглушительному скрипу добавилось непрерывное шуршание и потрескивание. Вся поверхность фигуры

пошла рябью и зашевелилась. Покачиваясь, она пыталась удержать равновесие. Нечисть сделала ещё несколько неуклюжих шагов на месте и, качнувшись, двинулась в сторону так и сидевшей на земле группы.

Далур вскочил, и побежал прочь. Арди, до сих пор державшаяся за него, проехала по грязи несколько шагов, пока не разжала пальцы. Она тут же вскочила и кинулась вслед Далуру.

Дварф, не замечая этого, просто убежал.

Адрей быстро поднялся на ноги и побежал в другую сторону. Молчун, ругнувшись, последовал за ним.

Оживший кошмар погнался за девушкой и дварфом своей нетвёрдой походкой. Оглянувшись, Арди вскрикнула и резко поменяла направление.

Создание промедлило несколько мгновений и кинулось за более медленным Далуром.

Расстояние сокращалось.

Отбежав на некоторое расстояние, Арди наложила стрелу на тетиву и выстрелила в чудовище. Стрела просто затерялась в мешанине веток и листьев, не причинив вреда. Оно не обратило на попадание никакого внимания и продолжало догонять дварфа.

Невдалеке от Арди стоял Адрей и криками пытался привлечь внимание существа.

Молчун остановился и судорожно пытался придумать что делать.

Бежать пока ЭТО занято Далуром?

Нет. Своя шкура уже давно не слишком дорога ему. Да он бы и не смог. В очередной раз «прощупывая» сознание чудовища, он неожиданно почувствовал чьи-то страх и интерес невдалеке. Молчун обернулся.

Есть.

Теперь уже обычным зрением он увидел молодого оленя. Зверь опасливо наблюдал за ними издали, готовый бежать прочь при малейшей опасности.

Очень болела голова. Молчун не был готов применить магию. Но обстоятельства вынуждали действовать, и действовать быстро. Надо приманить оленя как можно ближе.

— Арди, как скажу — стреляй в ноги! — прокричал Молчун и сразу сосредоточился на сознании оленя.

Тот зашевелил ушами и немного пригнулся, как перед прыжком.

Далур на бегу оглянулся через плечо. Хотя в этом не было необходимости. Он отчётливо слышал топот и скрип древесины за спиной. Они неумолимо приближались. Страх не давал нормально дышать, и дварф понял, что начинает задыхаться. Топор очень мешал, и Далур буквально заставлял себя лишь сильнее стискивать топориче, чтобы не выбросить помеху. Борясь с накаत्याющей паникой, он видел, как его накрывает тень преследователя. Когда тень взметнула руку, дварф пригнулся, насколько смог резко отпрыгнул в сторону и, перекатившись, побежал в противоположном изначальному направлении.

Создание, увлекаемое своим весом дальше, остановилось лишь спустя две драгоценные секунды. Оно вновь побежал за Далуром. Теперь он направлялся к скалистой расщелине, в которой скрывался горный ручей. За ней виднелись огромные валуны и камни.

Далур был привычен к ходьбе и бегу по такому. Так может, там эта гадина не будет такой проворной, и у него появится шанс? Вариантов не оставалось.

Не сбавляя скорости, он прыгнул через расщелину. Внизу мелькнул бурный поток, и земля тяжело ударила в ноги. Один сапог поехал в сторону по грязи, и дварф едва поймал равновесие. Не теряя времени, он сразу побежал вверх по склону, ловко перепрыгивая с камня на камень. Сзади раздался рёв боли. Затем ещё один. Взобравшись на очередной валун, дварф осмелился оглянуться.

Арди недоумённо смотрела на оленя, бегущего к расщелине. Прямо к улепётывающему Далуру и неизвестной твари. Она оглянулась на Молчуна. Тот стоял, упёршись руками в колени и тяжело дышал. Даже с такого расстояния было видно, как раздувается его грудь. Когда она перевела взгляд обратно на Далура, тот с неожиданной ловкостью прыгнул прямо через расщелину. Арди казалось, что он не долетит, но обошлось. Между тварью и оленем было не более двадцати шагов. Животное остановилось и недоверчиво нюхало воздух. В этот самый миг она услышала крик Молчуна.

— Стреляй! По ногам!

Через секунду стрела сорвалась с тетивы и впиалась в круп оленя. По ушам ударил утробный рёв боли. Олень начал разворачиваться и убегать. Арди отправила ещё одну стрелу.

«Попала!»

На этот раз в плечо. Снова басовитый рёв, и животное припало на переднюю ногу. Хромая, оно как могло быстро побежало прочь.

Тварь тут же остановилась. Она замерла на мгновение, ненормальная скульптура, сплетённая из веток и костей каким-то безумцем. Развернувшись с громким скрипом, кинулась вслед за хромящим оленем.

— Бежим! — Адрей рванул Молчуна за локоть, помогая встать, и они оба помчались на запад.

Дварф увидел, как Арди кинулась вслед за маячившими в отдалении спинами Адрея и Молчуна. Увлекая за собой целую лавину мелких камней, Далур заспешил по склону вниз.

Миновав ручей, дварф перебирал своими короткими ногами так быстро, как только мог. Ветер шумел в ушах, и Далур изо всех сил старался не запутаться в высокой траве и не упасть.

Оглядываться не хватало духа, и дварф, зацепившись взглядом за спину Арди, делал всё чтобы не отстать и не потерять её из виду.

Вскоре сзади до них долетел истошный рёв. Он резал уши, заставлял содрогаться от скрытых в нём страха и боли. Он становился всё выше, пока не перешёл на визг и наконец затих.

Они бежали сколько смогли. Снова начался лес, встретивший их густыми кустами и корнями, норовившими зацепить за ноги. Дважды Далур падал, запнувшись о них.

Выбиваясь из сил, но не сбавляя скорости, они перепрыгивали бурелом. Карабкались по оплывшим склонам глубоких оврагов.

Исхлётанные ветками лица неприятно саднило. Лишь когда солнце почти скрылось за горизонтом, и в лесу стало темно, они позволили себе перейти на шаг.

— Что... Что это было? — покрасневшийся Далур тяжело дышал и поминутно оглядывался.

— Береги дыхание. Потом, — Молчун, сглотнув вязкую слюну, лишь ускорил шаг.

— Что, если мы ещё на такого набредём? — дварф не унимался.

— Наши никогда о таком не говорили, — Адрей нет-нет, но тоже поглядывал назад в обступающую их темноту. — Выходит, что не только гоблины виноваты в том, что путь на север нам заказан.

— Сука, дальше что? Сначала тролль ваш сраный, теперь это? Я до вчерашнего дня никого страшнее человека не видела. И жила, представьте себе, счастливо. Лесочки тут у вас, Адрей, что надо. Всем лесам леса, — Арди несколько раз глубоко вдохнула, выравнивая дыхание. — Я из города хрен вылезу теперь, если жива останусь. Молчун, кстати, это же ты оленя привёл? А говорил, что только пару фокусов с птицами можешь.

— Со страху, — он грустно улыбнулся. — Сейчас гон у них. А тут молодой самец без стада. Изгой какой-то. Сейчас у них у всех одно на уме. Я лишь усилил это и заставил вместо той страхолюдины самку увидеть.

— То есть он думал, что к бабе идёт, а тут такое? — Далур хмыкнул. — Жестоко.

— Зато мы живы.

— Это да. А по ногам нахрен стрелять? Глядишь, и убежал бы горемыка.

— А как было заставить то чучело кинуться за оленем? Я от него голод чувял. И жажду убийства. Я решил кровь пустить. И сработало. А по ногам, так это чтобы не так ретиво удирали. Хищники за слабыми и медленными охотнее гоняются. Вдруг за здоровым не пошёл бы? Дай мне, пожалуйста, своего мерзкого пойла. Голову как будто булавой раскололи, — Молчун поморщился и поправил сбившуюся повязку на щеке.

Они остановились, и Далур полез в заплечный мешок.

— Будем вставать на ночёвку?

— На хреновку, — Арди вглядываясь в тёмные силуэты кустов позади. — Чем дальше уйдём, тем лучше. Ты и правда спать собрался? И прям вот уснёшь? Я бы ещё и завтра не спала бы. На всякий случай. Мне кажется, что он вон за тем кустом сидит. Ну или бредёт за нами по следу. Как ты, Молчун, сказал? Что он как хищник?

— Не сидит. Я не чувю. Да и послушай, лес вокруг живой. А тогда тишина была полная, — Молчун приложился к протянутому ему снадобью.

— Согласен с Арди, — Далур закинул мешок на спину. — Спать у меня желания поубавилось. Да и луна яркая, вы идти сможете. Если не против — пошли дальше. До полуночи ещё несколько часов. Можно немало пройти. А там уж и про ночёвку потолкуем, как будет поспокойнее. Давайте забирать на северо-запад. Хватит с меня лесов.

Большая часть туч разошлась, на небе повисла нарастающая, почти полная луна. По-осеннему яркие звёзды безразлично мерцали над головами мертвенно-белым светом. Лес наполнился шорохами и криками обитателей. Но в эту ночь они не пугали, а скорее успокаивали. Света было достаточно чтобы ориентироваться в лесу, и привалить решили уже после полуночи. Лес закончился, и они вновь оказались в скалистых предгорьях.

Далур остановился и какое-то время взглядом обшаривал каменистый склон. Он уверенно указал рукой.

— Вон там площадка ровная. И прикрыта камнями с запада. Если и вставать, то там. Пошли, дров добудем, Адрей. Я бурелом видел невдалеке. Горячего поесть надо, да одежду высушить.

Там и остановились. Пока готовился ужин, они сгрудились около огня и сушили вымокшую за день одежду. В тревожном молчании съели наскоро сваренную дорожную кашу и улеглись, завернувшись в почти высохшие плащи. Несмотря на риск быть замеченными гоблинами, ночевать без костра никто не согласился.

Даже Далур, которому свет был необязателен чтобы видеть. Слишком свежи и пугающи были воспоминания. Спать до рассвета оставалось часов пять.

— Вы-то ложитесь, а я подежурю. Всё равно мне не уснуть. Незадолго до рассвета я разбужу вас. А Молчун сегодня пусть спит, — Далур устроился поудобнее спиной к костру.

— Недоволен будет утром, — Арди кивнула на спящего Молчуна. — Он поблажек не принимает, сам знаешь.

— Знаю. Если что, беру на себя.

— И почему мы, значит, вдвоём дежури́м, а ты один?

— Я в темноте вижу. Вы — нет. Я думаю, надо на две стороны поглядывать. На лес на юге и на запад. Вот так и получается. По-моему, честно.

Костёр тихо потрескивал, накинута́я на ветки недалеко от него одежда всё ещё слегка парила. Все три человека мирно спали, расположившись близ уютного огня. Далур толстым прутом поворошил угли и подкинул ещё дров. Несмотря на долгий переход и усталость от безумного бега по лесу, спать ему не хотелось. Кольчугу он снял. Железо слишком холодило через сырое рубище. Далур привычно устроил топор на коленях и буравил глазами серую стену леса вниз. Время от времени там что-то шуршало, трещали какие-то ветки и разными голосами кричали ночные птицы.

Уже полчаса он ждал появления гостя. Мысли крутились вокруг разговора с наёмниками прошлой ночью.

«Как тогда сказала Арди? Я смелее всех, кого она знает?» — Далур фыркнул. «Невелики же храбрецы её знакомцы. Хотя в чём-то она, конечно, права. Выйти одному на тролля не каждому по плечу. А что было делать? Смотреть, как Молчуна кончат? Или она издевалась?»

Тяжело с людьми. Часто за одними словами прячут совсем другие смыслы. Но сегодня у меня тоже сердце чуть не встало. До сих пор страх меж лопаток ползёт. Тут у любого бы ползал. Далур, ты сегодня опять безоглядно побежал, только пятки сверкали. Побежал так, что и про Арди, и про прочих позабыл. Может, она и права, конечно, но сегодня...

Стой, пустая порода. Разбудишь опять призраков, начнут с тебя жизнь тянуть».

Он кисло посмотрел на тёмное низкое небо, потом на острые и холодные камни вокруг. После долгой паузы прошептал:

— Разбудил... Простите, что подвёл. Цена моей трусости — ваши жизни. Но уходите. Каждую ночь я вымаливаю у вас прощения. Ничего не исправить. Я больше не допущу такого никогда. Арди права. Я не трус.

Холод между лопаток усилился, несмотря на обжигающий жар костра. Далур закрутил головой, осматриваясь.

Последние полтора года в ночи он чувствовал их присутствие. Чувствовал осуждение и ненависть.

Презрение.

— Вы стоите там, где мне вас не увидеть, и смотрите. Я чувствую ваши тяжёлые взгляды, полные злости и разочарования. Моей вины не искупить. После смерти меня не примет камень, а при жизни мне в лицо плюнет каждый дварф, которого я встречу, если узнает про мою тайну. Вот и остаётся вымаливать покой у своей совести. Селяне эти, мать их рвать... Заслужу я покой помогая другим? Лучше бы тролль мне шею свернул, хоть умер бы как мужчина и воин.

Наконец-то.

Из леса вынырнула человеческая фигура и ходко направилась к костру.

— Ну уходите, пожалуйста. Хватит, — Далур едва слышно шептал. Ощущение взглядов и присутствия резко пропало.

Он облегчённо выдохнул и пробормотал в темноту:

— До завтра...

Потянулись минуты. Фигура приближалась, тихо перемещаясь меж камней. Дварф нахмурился, когда человек остановился чуть поодаль, не заходя в свет костра.

— Заходи, чего встал. Место у огня есть. Птица твоя давненько на меня глаза таращит вон с того камня, — дварф указал в темноту.

— Надо же. Хотел убедиться, что не слухи. Хотя мне клялись, что нет. Но когда сам видишь, верится легче, — Флан подошёл к костру и побряхтывая уселся. — Как поиски?

— Нешто не знаешь? Тебе галка твоя, поди, всё выложила уже.

— Ворон. Но да, ты прав, кое-что я уже знаю. А вдруг упустила чего? — человек не стал отпираться. — Да и из первых уст оно надёжнее.

— Надёжнее... У гоблы селян не оказалось. Думается, мы знаем где искать. Вернее, у кого. Идём, вот, проверить. И хватит с тебя. А ты чего пожаловал? Пособить чем хочешь?

— Может быть. Только давай отложим этот разговор до утра. Ни к чему одно и тоже по несколько раз проговаривать. Повторение — мать учения, конечно, но тут оно ни к чему. Если хочешь, ложись спать. Сегодня ночь будет спокойная. А если нет, то я предупрежу заранее.

— Я не так устал. Посижу у костра, о своём покумекаю. Да и кашу вон не доел, — носком сапога дварф слегка качнул котелок у своих ног.

— Не доверяешь? — Флан усмехнулся.

— Не доверяю, — на сей раз не стал отпираться дварф.

— Ну как знаешь. А я, с твоего позволения, тогда прилягу. Светать скоро начнёт, но лучше мало поспать, чем вообще не поспать. Надумаешь — тоже ложись. Ручаюсь, что будет тихо.

— А если нет? Если нас так спящих и поубивают? Как я с тебя спрошу тогда, а? Так что твои ручания, почтенный, мне ни к чему.

Не отвечая дварфу, человек завернулся в плащ и улёгся на землю.

Далур снова остался один. Он так и сидел спиной к костру и таращился в темноту.

— Ну и чего не разбудил? — Арди сидя тёрла глаза и ежилась от утренней прохлады. — Договорились же. Никак сам уснул?

— Дварфы на посту не спят. Да и вообще спать так и не захотелось за ночь. Решил вот вам отдохнуть дать. А ты мне, вместо спасибо, такие обвинения!

— Оно, конечно, спасибо, но сам-то носом клевать не будешь весь день?

— Не буду. Да и вообще, не твоя забота.

— Ого. А это кто? — Арди наконец увидела в утренних сумерках ещё одну маленькую фигурку, свернувшуюся у костра. Девушка немного придвинулась к ножнам.

— Воевать не спеши, — Далур заметил её движение. — Знакомец наш, любитель птах и дебрей. Ночью пришёл, обещал что-то рассказать, когда все проснутся, — он подкинул на угли хвороста и несколько толстых веток. — Давай поднимать всех. Едим и ходу.

Вскоре лагерь закипел. Грелась вода в котелке. Люди одевались в сухую одежду, ёжились и отчаянно зевали. Жиденький туман затопил окрестности. Молчун при виде Флана лишь хмыкнул.

— Чего не разбудили? — Молчун, едва договорив, сморщился и полез к фляге с Далуровым зельем.

— Вот то и не разбудил, — понимающе усмехнулся дварф.

Сделав несколько шумных глотков, Молчун хотел ещё что-то сказать, но помедлил и благодарно кивнул.

Адрей, кашеваря, стрелял глазами в сторону Флана, и даже пытался заговорить, но тот сидел с безучастным видом и кидал в костерок маленькие веточки и камешки.

— Еда будет готова минут через десять. Время есть, Флан. Может, расскажешь уже, чем обязаны? — Арди села напротив него и посмотрела в упор.

— Всенепременно, дорогая. Ну раз все с утренними делами и нуждами покончили, настало время поговорить, — он подождал, пока все усядутся. — Я знаю, что у гоблинов селян вы не обнаружили.

— Опять следил? — Арди сощурила глаза. — Раз у тебя такой интерес к этому делу, так чего с нами им не займёшься?

— Я помогаю вам как могу. У нас же уговор. И можешь мне поверить, что я заинтересован в том, чтобы вы как можно быстрее закончили своё дело. И да, я бы всё-таки выбрал слово «наблюдал».

— Следил, — угрюмо бросил Молчун.

— Да как скажете, — Флан обреченно вздохнул. — Как я уже сказал, я осведомлён, что у гоблинов селян нет. И вероятно, никогда и не было. Что вы, собственно, и выяснили по ходу своей ночной вылазки. Кстати, настоятельно рекомендую к западу от старого тракта в леса не ходить. Они не очень обрадовались убийствам и срыву своего праздника, и... В общем, сейчас там лучше не появляться. Далур сказал, что у вас есть догадка, и вы идёте её проверять. Можно узнать, что за догадка?

— Я слышал, как стра... — начал было Адрей, но Арди его перебила.

— Мы кое-где услышали, что, возможно, стоит поискать следы селян у каких-то диковатых Кровобородов. Вроде они их держат у себя для продажи заинтересованным. И вероятно, к ним можно притопать по тракту. Такая вот версия.

— Негусто. Уверенности и конкретики так вообще кот наплакал. «Каких-то», «вроде», «вероятно». Это всё не внушает уверенности, — без эмоционально ответил Флан. — И поспешу вас расстроить — если всё так, это весьма неутешительно.

— Это почему-то? — Далур заинтересованно наклонился вперёд.

— Я, кхм, скажем так, не первой в этих горах по... Кхм... Своим интересам. И думаю, что Кровобородов эти видел. Ну, точнее, видел тех, кого можно было бы так назвать. Ну и ряд признаков указывал на это довольно однозначно. К счастью, познакомиться нам не довелось, но они меня, признаться, немало заинтересовали. Я бы даже сказал, что заинтриговали, — Флан размахивал костлявым пальцем, подчёркивая слова. — К тому же они могут иметь отношение к предмету моего интереса в этих горах. Да, кое-что я могу вам о них поведать. Для начала скажу, что это дварфы.

— Так, это хорошо... Хотя постой. На кой хрен дварфам похищать селян? На честной стали больше заработать

можно, да и не рисковать попусту, — Арди вопросительно смотрела то на Флана, то на Далура, как если бы тот отвечал за всех дварфов в мире.

— А вот это-то как раз и очень интересно. Они на типичных дварфов не скажу, что очень похожи. Нет, ну конечно, речь идёт не о внешности. С ней-то всё в полном соответствии с привычным нам образом. Бороды, кряжистость, квадратные фигуры и излишняя массивность несмотря на небольшой рост. Тут, знаете ли, дело несколько в другом. Они живут на поверхности в домах, сложенных из камней, брёвен и мха. Одеваются в шкуры и старые тряпки. Вооружены кое-как. Признаться честно, и добротного инструмента в их селении мною замечено не было.

— Ты сейчас точно нам не про горных орков рассказываешь? — Далур опешил.

— Точно. Хотя их быт весьма и весьма схож с орочьим. Они определенно деградировали.

— Что? — потрясла головой Арди.

— М-м-м... Позабыли часть своих знаний и умений и опустились на добрый десяток ступеней в своём развитии. Кстати об орках. В прошлый раз я наблюдал их в клетках в селении Кровобородов, но должного значения, увы, не придал. Горы — вечное поле боя зеленокожих и подгорного народа. Любой дварф воюет с орками, где бы они ни встретились. Вот и подумал, что этот тот самый случай. А у них, видимо, были совсем другие планы на этих орков. Боюсь говорить такое, но, вероятно, на селян точно такие же.

— М-да. Это что же получается. Мы сейчас шагаем к диким дварфам, которые продают всех, кого только поймают? — Адрей скорчил кислую мину.

— Я и говорю. Неутешительно. Совсем. Хотя... У вас есть Далур. Он с ними одного народа. Я не знак дварфийского языка, но то, как они говорили, звучало очень похоже. Но никаких гарантий относительно их поведения никто дать не сможет. Если рискнёте — то полностью под вашу ответственность.

Повисла тишина. Лишь напряжённо сопел Далур, и трещала древесина в костре.

— Я не горю желанием заводить такие знакомства. Согласна с Фланом. Если и пробовать что-то узнать, то через Далура. Посмотрим, конечно. Может, получится как-то освободить селян и вывести к Каменной Топи. Но если договариваться, то только через него. Я бы вообще не показывалась на глаза этим ребятам. К тому же Далур — единственный, кто знает дварфийский, — все согласно кивнули.

Далур молчал с мрачным лицом. Лишь сильно дёргал себя за окладистую бороду.

— Далур. Тебе решать, — Адрей снял с костра котелок и оставил в сторону.

— Решать... Был бы выбор... С-сука! Ладно. Попробую поговорить. Пойдём к ним, — хрипло выдавил Далур.

— Если хотите знать моё мнение — это весьма и весьма опрометчиво. Я бы даже сказал, очень глупо. Полагаться на благоразумие и способность внимать голосу совести и разума таких существ... — Флан развёл руками. — Но дело, конечно, ваше. Как и жизни всецело ваши. Я лишь хотел помочь. Ну вот и рассказал, что знал. Дорогу к их деревушке тоже подскажу, не переживайте. Значит, решено? Подкрепитесь как следует, и в дорогу.

— Погоди, — Молчун хлебнул из бурдюка. — Одно дело обговорили. Теперь про другое расскажи. Твой ворон вчера пытался нас завернуть. Ты надоумил? Ты знал, что нас ждёт в том перелеске?

— Хм-м-м. Да, я через него пытался вас не пустить туда. Но, к моему великому удивлению и не менее великому удовлетворению, вы живы. Хороший ход. Не слишком изящный, я бы даже сказал, грубоватый, зато действенный. Молчун, как я и говорил тебе при нашей первой встрече, при должном усердии из тебя выйдет толк! Не зря ты меня заинтересовал! Ну если только ты ерундой прекратишь заниматься. Я, к слову, мог бы тебе немного помочь в этом. Понимаешь, о чём я?

— Намекни? — Молчун с равнодушным лицом смотрел на Флана.

— Ну, полно притворяться, — тощий старик усмехнулся в косматую бороду. — Я о твоих м-м-м... Прогулках по сознанию? Поисках в глубине себя? После которых голова ещё болит. Я, признаться честно, не знаю, как ты это зовёшь. Каждый по-своему. Вопрос довольно интимный, сам понимаешь. Ты думаешь, что знаешь и умеешь хоть что-то. Я же могу небезосновательно заявить, что ты не знаешь ничего. Сваленное дерево — ещё не доски. К счастью, это поправимо. Я знаю признаки верных поворотов, Молчун. Я знаю, как искать путь. Возможно, после того, как вы выполните мою работу, мы с тобой договоримся.

Молчун не ответил.

— Ну, другого я не ожидал. Всему своё время. Вернёмся к вашему маленькому лесному происшествию. В общем-то, вы столкнулись, предположительно, с кодапи. Или с тем, что когда-то им было.

— Глупости, — фыркнул Молчун. — Кодапи — лесные духи. Они изредка являются в телесном воплощении и никогда не пытаются убить человека. Им вообще плевать на людей. Их видят настолько редко, что для многих это навсегда остаётся детской сказкой. То, что я там видел — точно не кодапи.

— Да, ты полностью прав. У них есть своя странная магия и свои пути, вдали от человеческих. Я поэтому и сказал, что, возможно, оно когда-то было кодапи, — Флан цокнул языком и, помолчав, продолжил: — Ладно. Сложно объяснять, блуждая вокруг да около. Давайте покончим с ужимками и недомолвками, и я вам расскажу,

для чего я здесь и зачем, собственно, мне понадобилась ваша помощь.

— Наконец-то. Уж будь уверен, не откажемся, — усмехнулась Арди.

— В этих горах есть старый дварфийский город. Скорее некий монастырь, только на свой манер. Несколько веков о нём ничего не было слышно, и он нигде не упоминался. У людей короткая память, и о нём совсем забыли. Забыли ли дварфы? Не могу знать наверняка. Но если говорить прямо, то, возможно, там есть обширная библиотека с манускриптами, в которых записаны труды из разных областей по совершенно разным вопросам. Я не слухавлю, если осмелюсь утверждать, что она бесценна. Я хочу её найти.

— Мародёрствовать решил? — Далур прищурил глаза.

— Ни в коем случае, — ничуть не обиделся Флан. — Я лишь хочу сохранить знания. Хозяевам-то они больше ни к чему. Но это не всё. Я ведь не зря сказал, что тот встреченный вами в перелеске дух — кодапи. Он ощущается в точности так, как должен. По крайней мере его основа. Но вот в остальном он искажен. Кажется, что это светлое создание что-то изуродовало и переиначило. Кровобороды вам не напоминают этого несчастного лесного духа? Сама их суть искажена. Она всё ещё угадывается, но увы уже не та... У меня есть небольшая теория. Она пока не нашла подтверждения, но я готов ручаться, что она верна, хотя бы частично. Я думаю, всем здесь известно, что дварфы отнюдь не маги, но великие мастера рун. Единственные мастера рун, кто достиг в этом искусстве потрясающих высот. В их Рунных Залах сосредоточена большая сила. Да, вне всяких сомнений, работающая по другим законам, но всё-таки это магия. Если в работе с магией допускать ошибки, даже самые незначительные, это приводит к непредсказуемым последствиям. Зачастую очень страшным и масштабным. Если же обобщить... Пропадает связь с древними дварфийскими Рунными Залами — раз. В горах, где они были, встречается племя странных дварфов с извращённым естеством — два. Вы заметили, что тот перелесок, где вы встретили кодапи, стоит у ручья, бегущего с тех самых гор? Искажённый добрый лесной дух — три. Я почти уверен, что что-то случилось в тех Рунных Залах. И я очень хочу туда попасть, чтобы выяснить что. В таком деле, сами понимаете, лишние руки не помешают. Как и мечи. Вот, собственно, и всё. Я думаю, что объяснился достаточно полно и доходчиво.

— Погоди. Если оно всё как ты сказал, и вода действительно принесла в себе что-то, что исказило этого вашего кодапи, то почему весь лес на ухах не стоит? — Арди вопросительно подняла брови. — Ручей спокойно себе уходит под землю, и хрен его знает, куда он там течёт дальше.

— Если лить грязную воду через плотную и сложенную в несколько раз тряпицу, грязь останется на тряпице. По крайней мере, самая крупная и видимая глазу. Мне кажется, этот несчастный кодапи стал такой тряпицей, на свой манер. И даже будучи извращённым воплощением прежнего себя, он неосознанно делает доброе дело. Не даёт грязи течь дальше.

— У меня голова кругом идёт, — Арди закрыла глаза. — Я подрядилась людей поискать в лесу. Следы там, может, тряпки какие-то. Ну тела на крайний случай, или следы разбойников. Что-то привычное. Какие, на хрен, древние Рунные Залы, полоумные дварфы и искажённые лесные духи? Вы совсем охренели? — она выдохнула, успокаиваясь. — Так. У нас был уговор. Помните? Сначала разыскиваем селян, потом обсуждаете всё остальное. Хотите в древние затерянные города — идите, хотите — со скал прыгайте. Давайте так и поступим.

— Не настаиваю. Всё по порядку, — Флан замолчал и замер, закрыв глаза.

Завтракали молча и без аппетита.

Глава 6. Каменная пыль

Леса совсем уступили взгорью, идти стало гораздо сложнее, а глаз радовался каждому листику. Покрытые мхами валуны, ущелья и мешанина из камней — вот где приходилось пробираться.

— Отсюда на запад час ходу. И на возвышении увидите каменный отвал. Это и есть начало их поселения. Хочу ещё раз предостеречь: они непредсказуемы, и неведомо, что ими движет. Далур, если ты решил идти к ним, прояви наивысшие внимательность и осторожность. Я бы предпочёл, чтобы вы всё-таки помогли мне.

— А ты что это, с нами не пойдёшь?

— Увы, нет. Я, знаешь ли, предпочитаю более осмысленное времяпрепровождение. Тем более, я уже помог вам как мог, к тому же я не смогу быть вам полезным в вашем замысле. Каков толк от того, что я буду сидеть с вами за камнем и ждать Далура? Так что да, я сейчас уйду. Уверю вас, исключительно ради пользы дела.

— Твоего или нашего?

— В конечном итоге — общего. Хотя понимаю, как велико искушение отнести его к сугубо моим корыстным интересам. Но вскоре вы увидите сами и убедитесь в том, что это полезно для общего дела.

— Мы пока ни на что не согласились. Когда это у нас появилось общее дело?

— Это зависит от точки зрения. Не думаю, что у вас сейчас есть время обсуждать это со мной. Вам пора идти. Кстати... — он кривовато усмехнулся. — Завтра к закату по тракту в предгорья приедет обоз из пяти телег. На трёх установлены клетки. Его сопровождают десять человек. По пути их следования чуть восточнее тракта стоят лагерем ещё девять. Так что когда я сказал, что времени у вас нет, я нисколько не преувеличивал. Поторопитесь!

— Но как...

— Разведка всегда должна предшествовать большим делам. Я стараюсь знать, что происходит вокруг. У меня много глаз, Арди. И я вижу всеми. Считайте это очередной демонстрацией моих добрых намерений. Ну, не тяните время понапрасну. Я сам вас найду чуть позже. И если вы будете ещё живы, будьте готовы ответить на моё предложение.

Флан повернулся на север и уверенно зашагал размашистой походкой по нагромождению камней, как по мощёной мостовой. Над головой у отряда захлопали крылья ворона с одной лапкой.

— Он мне не нравится, — буркнул Молчун и приложился к бурдюку.

— Ты говорил уже. Я вообще не верю этим, у которых язык без костей. Но пока он нам не врал. Ни единого раза, — Арди задумчиво смотрела в спину удаляющегося мужчины.

— Но и не сказал нам ничего такого, чего мы не знали. Разве что подсказал, где именно был лагерь гоблинов, и теперь вот к Кровобородам привёл. Но к Кровобородам и тракт бы прекрасно привёл, и без его трёпа. Ещё и ноги ломать по этим камням не пришлось бы.

— Но он сказал, когда до предгорий доберется обоз.

— Да, а ещё двумя днями раньше это слышал Адрей от Толса.

— А я ему верю. Мне кажется, он не врёт и правда хочет сделать что-то хорошее, — сказал Адрей. — Да и тебе, Молчун, он предлагает помощь.

— Ваш монастырь стоял в стране цветочков, сразу за пироговыми холмами? — Арди в недоумении уставилась на Адрея. — Всякому встречному верить — так можно и голову до старости не доносить. Ты смотришь на мир слишком радужно.

— Пока это меня не подводило, Арди. И учить меня как жить не надо.

— Даже не пыталась. Взрослый дядя, сам решишь. Далур, а ты чего как воды в рот набрал?

— А чего языками молоть? Нравится не нравится, верю не верю. Полдень уже миновал. Пошли, — проворчал тот в бороду и зашагал.

Внутренне холодея, Далур шёл по тракту и старался придать походке уверенный вид. Когда он покинул отряд две минуты назад, Арди натягивала тетиву, а Адрей кольчугу. Он чувствовал затылком их внимательные взгляды. Если на него нападут сразу — спутники помогут отбиться. Ну, по крайней мере, они об этом договорились. Если же нападут в деревне — одному камню известно, что с ним будет. Впрочем, они обещали попытаться его вытащить этим же утром, аккуратно на рассвете. Вот только спокойнее не становилось. Сжав бороду в кулак, Далур несколько раз с силой дёрнул.

«Держи топор крепкой рукой,

Бой — наш отец, а мать — скала...»

Услышанные ещё в далёком детстве слова, как всегда, немного успокаивали. Тёмные тучи висели в небе так низко, что казалось, они давят на плечи и ещё немного, и его размажет по старому тракту.

Невольно взгляд сместился под ноги, на древние каменные плиты. Некогда они были идеально подогнаны

друг к другу, но сейчас время нарушило плоскость. Приходилось поглядывать под ноги, чтобы не запнуться об выпирающий край и не растянуться во весь рост. Трава из стыков уже не лезла. Зелени вообще вокруг почти не осталось. Его окружали лишь пустые скалистые склоны. И тракт, упрямо ползущий вверх, вглубь этой негостеприимной пустоши.

Далур поднял глаза и вздрогнул. Рот пересох, а по спине привычно пробежал холодок. Вот и они. Этих троих спутники заприметили с небольшого холма перед тем, как разделиться. Три невысокие квадратные фигурки с луками и топорами шли по тракту вниз.

И вот он, Далур, стоит на этой древней дороге, а навстречу ему из-за очередного поворота вышли непонятные ему дварфы. И оттого внушающие ещё большее опасение. Конечно, его сразу заметили. Два лука перекинулись в руки, топор споро сорвался с пояса. Дварфы прибавили шаг. По мере приближения стало видно неопрятно разросшиеся в разные стороны бороды, шкуры на могучих плечах и обмотки на ногах вместо сапог.

Очень хотелось развернуться и побежать прочь. Хотелось втянуть голову в плечи и замедлить шаг. Очень хотелось выхватить топор и броситься на них. Хотелось хоть как-то действовать, а не плестись навстречу этим странным оборванцам и гадать, чего от них можно ожидать.

Но вместо этого он протянул перед собой пустые руки и продолжил идти вперёд с прежней скоростью. Трое приближались. Стало видно мрачные лица над тёмно-красными, почти бурыми, как запёкшаяся кровь, бородами. Открытые участки кожи покрывали какие-то тёмные пятна. Частично обритые головы двоих крутились по сторонам и обшаривали глазами скалы. Третий пристально смотрел на Далура. В сорока шагах от них дварф остановился и стал ждать.

Тридцать шагов.

Остановились и лучники. Грубые стрелы из колчанов переместились на тетивы. Луки, сжатые в их здоровенных кулаках, казались детскими игрушками из прутиков.

Десять шагов.

Остановился третий дварф. Топор в расслабленной руке повис вдоль ноги. Но от Далура не укрылись широко расставленные ноги и немного повёрнутое к нему левым боком тело. Тёмные пятна на коже оказались плохо сделанными выцветшими татуировками, и Далур с удивлением заметил, что остатки волос на голове незнакомца были русые. В отличие от тёмно-красной бороды. На лице двумя чёрными провалами выделялись ноздри изуродованного носа. Его кончик кто-то аккуратно отсёк.

— Кто ты такой и куда идёшь? — язык дварфов всегда отличался гортанностью, но этот дварф говорил так, что было непонятно, речь это или рык. Низко и угрожающе.

И всё же Далур его понял. И одному камню ведомо, как приятно было услышать родной язык, пусть и от такой грязной образины. К тому же на него не напали сразу, с ним заговорили. Это хороший знак.

— Я Далур. Мой дом далеко на юго-восток от этого места. Я дварф с окраины Красных Гор. Я... Странствую. Слышал я, что в этих горах когда-то жил наш народ. Хотел проверить этот слух. Вижу, мне не соврали, — Далур напрягся, увидев с каким интересом и жадностью стоящий напротив дварф осматривает его кольчугу и топор.

— Твоего народа здесь нет. Они там, где ты их оставил. Далек отсюда, на юго-востоке, на окраине Красных Гор. Здесь же горы Кровобородов, — он повёл перед собой топором. — И мы не рады чужакам. Зачем пришёл и чего хочешь?

— Хочу говорить с теми, кто здесь управляет. Я не чужак, я гость. Негоже гнать в шею гостя, пришедшего с миром. Я могу предложить вам торговлю. Я так и сказал старейшинам своего клана. Мол, найду их, и мы наладим торговлю! Наш народ всегда славился богатством и мастерством.

«У этих образин вряд ли получится что-то кроме вшей получить. Я бы таким топором, как у него, дрова рубить побрезговал. А он вона как сжимает, тан на смотре свою секиру с такой любовью не держит».

— Так ты, значит, торговец? — по лицу говорившего расплзлось презрение.

— Прежде всего я воин.

Кровобород сплюнул себе под ноги.

— Ты, воин, так и топал по этой дороге?

Почему он спросил? Чем меньше вранья, тем меньше шансов попасться.

— Нет. Я шёл по лесам, и лишь несколько вёрст как вышел на тракт.

— Ну пойдём, Далур. Отведу тебя к вождю. Давай, иди впереди, — в глазах кровоборода застыла враждебность.

Вождю? У него что, мозги погнили? Старейшины, таны, короли. Но вожди... Полоумные оборванцы.

Выдохнув и решившись, Далур прошёл мимо своего собеседника и продолжил идти вверх по склону. Когда вся троица оказалась у Далура за спиной, он сглотнул и на секунду плотно закрыл глаза, борясь с подступающей паникой. Как только они войдут в поселение Кровобородов, он будет полностью в их власти.

— Они уходят! Без драки, просто взяли и пошли, — Арди смотрела из-за камня на широкие спины dwarфов. — Ух сука, я аж вспотела, мне кажется, это я там с ними болтала.

— Походит на плен.

— Молчун, не каркай. Они всё-таки из одного камня вырезаны, или как они там говорят...

Мужчина лишь отмахнулся и потянулся за бурдюком.

— Нам бы как-нибудь прикрыть Далура... — Адрей наблюдал за удаляющимися dwarфами из-за соседнего валуна.

— Не сможем, — Арди поджала губы. — Ты же слышал, что их поселение на возвышенности. С соседнего холма не подглядеть. А лезть ещё выше в гору у нас времени нет. К ним в хибарки заглянуть тоже не выйдет — сейчас слишком опасно. После прихода Далура они на ухах стоять будут. Так что поступим, как порешали. Ждём завтрашнего рассвета. До ночи они, наверное, трепаться будут. Вы как хотите, а в темноте я к dwarфам не полезу. Они, значит, меня как на ладони видят, а я вообще нихрена не вижу. Не, так дело не пойдёт, — она вздохнула. — Я тоже волнуюсь за Далура, но он сам согласился на такой риск. Так что сидим тихо и ждём, внимательно поглядывая по сторонам. Если ночью не вернётся, на рассвете идём в лагерь.

Как только Далур с диковатой троицей поднялись на возвышенность, ветер тут же принялся трепать бороды всех четверых и играть верёвками и лентами на обвязках Кровобородов. За каменным отвалом оказалась почти ровная долина, в центре которой стояло небольшое поселение, окружённое частоколом из толстых брёвен, кое-где покрытых мхом.

«Они их на руках сюда что ли таскали из леса? Вокруг нет ни одного дерева. Скальный кустарник не в счёт».

У ворот на валуне сидел ещё один кровобород с накинутой на плечи шкурой и тёмно-красной бородой. Вооружен он был так же, как сопровождающие Далура — луком и топором. Увидев незнакомца, он вскочил на ноги и принялся с любопытством таращить глаза.

Одна из створок была открыта, вежливо приглашая войти. Этим приглашением Далур с удовольствием бы не пользовался, но выбора у него уже не оставалось.

— Это кто с вами? — крикнул dwarф у ворот, когда они подошли чуть ближе.

Сопровождающие Далура dwarфы проигнорировали его вопрос.

— Кого, спрашиваю, ведёте? — ещё раз спросил стражник, когда они с ним поравнялись.

— Странника. Чужака. Смотри по сторонам, Балнох, а он — не твоя забота, — походя бросил недавний собеседник Далура.

Стражник насупился, положил руку на топор, но спорить не стал, а сделал несколько шагов назад и привалился к своему валуну. Скучающий взгляд снова забегал по окрестностям.

Ворота оказались позади, и наконец Далур увидел перед собой поселение Кровобородов. Его захлестнули смешанные чувства удивления, отвращения и любопытства.

Тут и там около крупных валунов кучковались небольшие домики, сложенные из камней разных размеров. Цепкий взгляд Далура заметил, что никакого раствора в строительстве не использовалось. Из швов сухой кладки торчали клочья мха, и лишь кое-где они были подмазаны глиной. Под самой кровлей чернели несколько небольших отверстий для проветривания. Над крышами, сложенными из брёвен и накрытых мхом, торчали дымоходы из всё тех же камней, только теперь уже полностью скреплённых глиной.

В родных горах Далура так не строили уже тысячи лет. Даже временные стоянки на поверхности ставили куда как аккуратнее и искуснее. Такая грубость и небрежность в работе просто не могла принадлежать dwarфам.

Но принадлежала. Эти самые dwarфы стояли вокруг и с враждебным любопытством смотрели на него. Все мужчины обладали, похоже, никогда не стриженными и не чёсанными бородами, торчащими в разные стороны. Каждая из них была выкрашена в тёмно-красный цвет, как и у его спутников.

С удивлением Далур заметил, что там были и женщины. Их волосы были перекинуты через плечи вперёд и сплетены в косы, которые тоже были окрашены.

— Не стой. Идём, — один из сопровождающих сильно толкнул плечом, проходя мимо.

«Каким камнем им по голове прилетело? Помнится, дома в тавернах над орками посмеивались, рассказывая об их поселениях. Видели бы они вот это убожество», — с горечью подумал Далур.

Не дожидаясь, пока его толкнут ещё раз, он пошёл следом, внимательно поглядывая по сторонам и прислушиваясь ко всему. Впрочем, как только они проходили мимо, разговоры смолкали, и местные лишь провожали их холодными тяжёлыми взглядами.

— Когда уже их заберут, придави их глыбой. Каждый день таскай им харчи, самим зимой жрать нечего, — из-за очередного дома появились два dwarфа с носилками, на которые были составлены несколько котелков, исходящих паром, и лежала внушительная гора сухарей.

— Вот-вот уже. Вроде говорят, что через... — идущий вторым dwarф увидел Далура и, как и все до него,

замолчал. Теперь он просто удивлённо и неприязненно смотрел на чужака.

«Через день! Через день их заберут! Селяне здесь!»

— Ну! Шире шаг! Ты к вождю просился, так чего опять плестись вздумал? — хмурясь бросил дварф с изуродованным носом.

Далур ускорил шаг. Вскоре они вышли к большой площади, в центре которой находилось огромное кострище. На противоположном её конце стоял большой дом. Некогда он был сложен из хорошего тёсаного камня кем-то, кто очень хорошо знал ремесло зодчего, но сейчас постройка наполовину развалилась. Обрушенную крышу кое-как залатали всё теми же брёвнами и мхом.

Подойдя к дому, они остановились.

— Жди, — сказал безносый и, открыв тяжёлую дверь из расколотых бревен, скрылся в темноте.

Далур оглянулся и понял, что многие из встреченных ранее дварфов, побросав свои дела, пришли сюда и стояли толпой чуть поодаль, всё так же сверля его глазами. Холод расползлся по телу.

Медленно потекло время.

Бревенчатая дверь с грохотом распахнулась, и из строения вышел «безносый». За ним чуть боком из темноты вынырнул ещё один дварф, подобных которому Далур ни разу не видел. На голову выше как безносого, так и самого Далура. Поросшее короткими жёсткими волосами мускулистое тело походило на бочку, к которой зачем-то прикрутили брёвна, выдавая их за руки. Разделённая на две толстые косы красная борода тяжело вздрагивала в такт шагам. Лысую выскобленную до блеска голову покрывали расплывшиеся тагуировки. Он единственный из увиденных ранее носил сапоги. С удивлением Далур заметил поясную бляху со знакомой любому дварфу гравировкой. Покрытый рунами молот. Символ Мастеров над Руной.

— Вот он. Странник, торговец и, как он сказал, воин, — безносый ткнул толстым грязным пальцем в сторону Далура.

— Я Далур.

— Воин? — Низким скрежещущим голосом переспросил обладатель двух кос.

Неторопливо он пошел к Далуру, поймав его взгляд. В глазах надвигающегося здоровяка невозможно было разобрать ничего, кроме заинтересованности и неприязни. В шаге от Далура тот остановился и какое-то время сверлил его глазами.

Далур отчаянно боролся с желанием уткнуть свой взгляд в землю.

— Воин? — снова спросил подошедший.

— Да, — выдавил из себя Далур.

Кулак, готовый поспорить размерами и крепостью с дубовой пивной кружкой, мгновенно врезался в лицо Далуру. Перед глазами предстали камни, на которые закапала кровь из едва начавшего заживать рта.

Ещё через мгновение показались огромные сапоги, совсем недалеко от лица лежавшего дварфа. Вокруг послышались смешки. Далур зажмурился, стараясь унять испуганно колотящееся сердце.

«Ну, пустая порода, всё. Один против племени».

— Торговец, — твёрдо проскрежетало сверху. — Хороший топор у торговца. Зачем ему такой?

Чьи-то руки сдернули с пояса топор.

Далур часто дышал. На глазах застыли слёзы злости и унижения. Сглотнув вязкую солёную слюну, он с силой оттолкнулся от земли и вскочил на ноги. Стоявшие вокруг него дварфы смотрели с брезгливостью и усмешками. Безносый разглядывал топор Далура и не обращал на того никакого внимания.

«Твари вонючие. Хрен вы со мной так можете поступать».

Здоровяк всё так же стоял напротив него, спокойно буравя глазами. Далур шагнул к нему и нанёс сильный удар в голову.

Соперник сделал полшага навстречу и чуть приподнял плечо, принимая на него удар. Почти одновременно с этим он снова впечатал кулак в лицо Далура. Тот пошатнулся, но его подхватили огромные руки противника. Через секунду рёбра взорвались болью, и он полетел на землю. Перед глазами предстало тяжелое серое небо, грозящее раздавить его.

Сплюнув набежавшую в рот кровь, Далур медленно встал на ноги. Мир плыл и раскачивался. Вокруг раздавались смешки, в него тыкали пальцами, а лица кривились от презрения. Неподвижным оставался лишь его противник, всё так же стоявший в нескольких шагах и спокойно смотревший на него. Собрав волю в кулак, Далур сделал обманный выпад правой рукой, и попытался достать противника левой. Тот незаметно чуть переместился и выбросил свой громадный кулак навстречу Далуру.

Невероятной силы удар вновь бросил его на землю. Тяжёлое небо появилось перед глазами. Далур ещё раз попытался встать.

— Может и воин. Неумёха, но с духом, — на фоне неба появилось ненавистное лицо с бородой, заплетённой в две тугие косы. — Караг, верни ему топор. Пойдём в дом, Далур. Я — Карагаз, вождь. Я буду говорить с тобой.

Они зашли в дом вдвоём. Даже безносый остался снаружи. Проникающего из маленьких окон света едва хватало, чтобы различать силуэты, но дварфам это никак не мешало. Далур встал у грубой скамьи, которая была ничем иным, как плоским камнем, водружённым на камни поменьше. Духота обернула Далура плотным одеялом, заставляя скучать по прохладе снаружи. В помещении пахло потом, нагретым камнем и мхом. На стол у дальней стены Карагаз поставил две глиняные кружки и откупорил кувшин. По помещению разлился кислый запах браги. На столе лежал длинный толстый кинжал.

Далур разглядывал жилище. Лежак из брёвен, заваленный шкурами, стол и две скамьи из камня. Каменная печь с дымоходом. Проход в другую комнату, завешенный тряпкой. С удивлением он уставился на старый, почти сгнивший, явно дварфийский щит, прислонённый к стене вблизи стола.

«Вождя зовут Карагаз. Аз на конце его имени значит, что он старший в клане, его глава. В других семьях клана запрещено называть детей таким именем. Только сыновей главы клана. Значит, безносый — сын вождя. И когда Карагаз умрёт, его сын станет вождём. Караг станет Карагазом».

— Я не разговариваю с лжецами и слабаками, — Карагаз подошёл к Далуру и протянул кружку. — Ты слабак, хоть и вышел из камня, но ты упёрт и разбудил моё любопытство. Пей и говори, зачем пришёл.

Далур сделал глоток и тут же скривился. Напиток был крепким и обжёг разбитые губы. Если не обращать внимания на боль — не так плохо на вкус. Учитывая, кто его угощает.

Карагаз одним могучим глотком осушил свою кружку и шумно выдохнул.

— Ну!

— Я слышал, что в этих горах жили дварфы.

— Ещё живём. Я перед тобой.

— Я хотел вас найти и выяснить, что стряслось. Говорят, последняя весть от вас была несколько веков назад.

— Чего тебе до нас? Ты правда хочешь сказать, что пришёл просто чтобы найти нас? Учти, мы живём своей головой. А носы тех, кто их суёт в наши дела, обычно ломаются.

— Я думал, найдя вас, предложу торг. Клань от этого богатеют.

— Твои торговцы не купят то, что мы предложим.

— Но ты да...

— Нет! Нет никаких «но», Далур.

Повисло молчание. Далур набрался смелости и заговорил вновь.

— Ты вождь этих дварфов. Скажи, почему вы живёте на поверхности? Почему не ушли в недра горы? Или вы ушли оттуда?

Карагаз нахмурился, сделал шаг к Далуру, буквально нависнув над ним всей своей внушающей страх фигурой. Далур напрягся и отступил на шаг.

— Наконец-то ты спрашиваешь о том, о чём хочешь. Я отвечу, но только потому что ты дварф. Будь ты человеком, я бы забил тебя до смерти и выбросил за частокол.

Карагаз развернулся и тяжёлыми шагами медленно прошёл до скамьи и уселся.

— Садись Далур. Разговор не будет долгим, но что без толку стоять? — немного помедлив, он начал: — Я родился на поверхности. Здесь. Почти два века назад. Отец с матерью были уже стары. Чудо, что камень даровал им меня. Так что я всю свою жизнь живу под небом, а не под горой. Я был ещё безбородым ребёнком, когда отец взял с меня клятву не соваться в глубины горы, не пытаться вернуться в отчие чертоги.

— Почему?

— Слушай! — Карагаз с недовольным видом ткнул толстым пальцем в сторону Далура. — Он никогда не рассказывал. Просто говорил, что там смерть и слепая злоба. Каждый раз, когда я спрашивал, я видел в его глазах страх и боль. Я поклялся, как он и требовал! Всё что я знаю — это то, что за полтора века до моего рождения весь мой клан, — он с трудом выдавил последнее слово, оно явно было для него непривычным, — навсегда ушёл из-под гор. И вот, мы три с лишним века живём под небом.

— Твой отец был Мастером над Руной?

— Как ты догадался? — Карагаз прищурился.

— Бляха на поясе. Бляхи с такой гравировкой носят только Мастера над Руной.

Карагаз опустил руку и неожиданно осторожно, с нежностью, дотронулся до бляхи.

— Да. Он был старшим Мастером над Руной и последним выжившим во время побега. Мне было около пятидесяти, когда он умер. Совсем слюнявый щенок. Щебень, — Карагаз тяжело вздохнул. — Я держу слово. Теперь мы живём здесь и не пытаемся вернуться под гору.

— Где же вы берёте еду?

— Не твоё дело, Далур, — Карагаз сильно ударил кулаком по столу и вскочил. — Мы Кровобороды, и мы не любим, когда к нам лезут. Я не прячу своего прошлого, но не позволю лезть в моё будущее! Нам нечем с тобой

торговать. Я не расскажу тебе больше ничего. Я больше ничего не знаю. Ты дварф. Поэтому мы с тобой говорили, а не посадили в клетку или не убили.

— Я слышал, в трёх днях пути отсюда есть поселение людей. Почему вы не торгуете с ними?

Карагаз, тяжело выдохнув, уселся обратно на скамью.

— Что мы им дадим? Это барахло из кричного железа? — он отшвырнул кинжал со стола в сторону. — Я будучи сопляком видел у отца вещи нашего клана. Вещи, как твой топор. Как твоя, — он нахмурился, вспоминая слово, — кольчуга.

Его широкие плечи поникли.

— Ты прав, Далур. Нам нужна еда. Мы промышляли охотой в горах, но в последние годы зверь почти ушёл. Охотиться в лесу слишком опасно. Проклятые гоблины нападают без разбора, как только видят нас. А их больше. Намного больше, да и в лесу им сподручнее, чем нам. Оленья туша ценой жизни нескольких дварфов — это слишком дорого. А зелёных сколько ни руби, всегда ещё десяток вылезет. Мы не можем уйти, Далур. Я в ответе за своё племя, я делаю всё, чтобы они жили. Мы торгуем. Последние девять лет мы ловим орков и обмениваем их пришлым людям на зерно и муку. Ещё коренья собираем, уж не знаю, зачем они людям. Старый Морин попробовал сожрать варёный корень, и умер ещё до темноты. Отравы. Несъедобный мусор.

— Но как они приходят сюда?

— Ногами, да по дороге! Их почему-то гобла не трогает. Я бы задушил каждого из них их же выпущенными кишками. Но нам нужна еда. В этом году орки ушли совсем глубоко в горы. Обычно дерутся, как бешеные. А тут взяли и ушли всем скопом. Ближе двухдневного перехода морд своих не кажут. Без этого зимой нам приходится совсем туго. А с тем поселением людей мы не подружимся. Теперь точно, — он неожиданно яростно произнёс, — Да даже говорить с этими слабаками ниже моей чести! Отец ещё тепло отзывался об их племени. Надо было раньше. Пошли как бараны... — он осёкся, разжал кулаки и устало проговорил: — Уходи, Далур. Ты мне напомнил о том, как мы выглядели когда-то. Поэтому я тебе рассказал всё это. Поэтому ты уйдёшь живым. Сейчас же.

— Мы ждали тебя позже. Что случилось? — Арди вцепилась взглядом в разбитое лицо Далура.

— Потолковал с вождём. Нрав у них куда как крутоват. Признаться, честно, я рад, что живой.

— Ну! Или это всё, что ты можешь сказать? — нетерпеливо спросил Адрей. — Они там? Ты их видел?

— Там они, там. Нет я их не видел.

— Так откуда ты знаешь...

— А вот знаю! Слышал там кое-что.

Далур, кривя лицо от боли и ощупывая языком разбитый рот, принялся рассказывать о всём, что видел и слышал в деревне кровобородов.

— Так значит, орков не наловили — за людей принялись? — Адрей сердито свёл брови. — Надо в город отправить весть. Пусть дружину шлют. Мерзость эту по скалам размажут.

— Быстро же ты в добренького играть перестал. Слышал же, на зерно да муку меняют. Они просто жрать хотят, — Арди задумчиво крутила в руках камушек.

— И что с того? Теперь что угодно могут чинить? Зло в добром отношении не нуждается!

— Да я не про то. Вернёшься в монастырь — со своими братьями обсудишь добро, зло и, может, даже искупление. Мне то похрену, кто добрый, а кто злой. Ты уж поверь на слово. За собой стараюсь больше смотреть, и то через раз получается. Я о другом сейчас. Они ждут, что те парни на телегах привезут зерно и муку. Потому что зима близка. Потому что жрать хотят все, и эти Кровобороды — не исключение. И на еду они односельчан твоих и сменяют. Так вот, если телеги с едой к ним не доедут, то и селян они не отдадут. И держать их у себя будет, прямо скажем, незачем.

— Ты же слышала, — Далур вступил с кислой миной, прижимая к заплывшему глазу холодную сталь топора. — Их десяток уже на телегах, да ещё эти хвосты Толса. Два десятка супротив четверых, такой расклад не по мне.

— Может, из Каменной Топи мужиков поднять? Там найдутся не робкого десятка. Да и охотники местные на меткость не жалуются, — Адрей взволнованно прохаживался туда-сюда по небольшому каменистому пятачку.

— Одно дело оленей всю жизнь стрелять, и совсем другое — в живого человека вогнать сталь. Какой бы мразью он ни был. Разница есть, уж можешь поверить, — Мрачно проговорила Арди, но потом смягчилась. — К тому же слишком рискованно. Пахари на стражу полезут? С дубинками и граблями? Скольких из них посекут? А их посекут, будь уверен. Добрые намерения и благое дело не защищают от железки в кишках. Они без доспехов, без выучки. Не, слишком рискованно. Да и не успеем мы поднять их и привести к тракту. Мы пока до Каменной Топи дойдём, обоз уже до Кровобородов докатится.

— Значит, мы можем на обратном пути засаду поставить. Дорога тут одна, точно не промахнёмся. И внезапность, она всегда сподручна, когда на твоей стороне, — не унимался Адрей. — Вчетвером-то мы точно не

справимся. Ну никак! Хорошо, если в тех клетках сами поедем, а не ворон кормить останемся. Но не отпускать же их с людьми на все четыре стороны.

— Этого я и не говорила.

— А что мы скажем Кровобородам? — встрял Далур. — Мол, не доехала вам кормёжка на зиму, будьте добры, отпустите всех, кого нахватали, — он с сомнением покачал головой. — Боюсь, они их могут с обрыва поотпускать. И харчи переводить не придётся, и концы, как говорится, в разлом. Нрав больно крут.

— Не знаю. Придётся как-то уговаривать их тебе. Обещать припасы... Да хоть из Каменной Топи им привезти.

— Там столько не будет, — Андрей недовольно фыркнул. — Эту мразь ещё кормить. Самим бы хватило до следующего года.

— Ну если не договариваться — точно хватит. На двадцать ртов меньше кормить придётся, — огрызнулась Арди. — К тому же я говорю «пообещать», а не «выгрести амбары». Чувешь разницу?

— Чую. Врать безголовым животным — плохая затея.

— Зато это даст время.

— Что толку?

— А ты подумай, может...

— Тихо! — впервые с прихода Далура заговорил Молчун, встав между спорящими. — Есть идея. Слушайте.

По погружающемуся в темноту лесу глухо разлетались звуки ударов топора в дерево. Меж ветвей и листья кое-где проглядывали длинные и острые лучи заходящего солнца, багровым пятном сползающего за Топь. Чистый прохладный воздух дурманил и дразнил ароматами хвои, земли и осеннего увядания. Хотелось вдыхать его раз за разом, снова и снова, пока не закружится голова. Чуть зашуршала трава, её стебли настойчиво лезли в лицо и щекотали.

— А если не встанут? Вот остерегутся и не останутся? Если назад повернут? — Андрей взволнованно шептал. — Ну или эти не придут...

— Нам же лучше, если повернут. Но за повороты звонкой монетой не платят. А за рабов — вполне. Особенно выгодно, когда их на зерно меняешь. Так что, думаю, встанут как миленькие. Молчун, сколько вы с Далуром подарков оставили? — Арди перевела взгляд на залёгшего рядом мужчину.

— Достаточно.

— Это сколько?

— Меня спросила бы. От этого хрен дождёшься нормального объяснения, — прозвучал голос Далура из высокой травы. — Мы — честно говоря, не много. Тут лес старый и совсем близко к тракту подобрался. Ветровальных деревьев, что блох на шелудивом псе. И без нашей помощи им работы хватит. Но мы кое-что тоже сделали.

— Да уж. Объяснил, так объяснил. Кстати, давно ли ты в лесах стал разбираться, Далур? — насмешливо спросила Арди.

— С вами станешь... Сам скоро деревом обернусь, столько меж них шарахаться, — проворчал дварф и сразу добавил: — Молчун сказал. Единственное, что сказал за столько часов. Там каждые полверсты по стволу лежит. Где-то можно обогнуть, но там придётся по крутой обочине как-то объезд ладить. Ну а где только рубить...

— Прямо все ветровальные? Топором нигде не работал? Поймут же сразу!

— Не учи. Свой котелок варит.

— Интересно, сколько они хотят сегодня ещё протопать. Стемнеет скоро! — Андрей бросил взгляд на тускнеющее небо.

— Сходи спроси... Немного, думается мне. На следующей версте их ещё два завала ждёт. Один основательный такой. Ставлю золотой против драного башмака, что они уже подустали топорами махать.

— О! Затихли, — Андрей поднял палец вверх. — Дорубили наконец.

— Значит, и нам пора затихнуть. Ждём, — Арди надвинула поглубже капюшон с приколотыми листьями.

Тракт проходил внизу, в теснине, чьи оплывшие, немного пологие склоны густо поросли невысоким кустарником. Далур с Андреем залегли на самом верху, в высокой траве, лишь краем глаза выглядывая из-за тёмно-зелёных, уже начавших жухнуть стеблей. Арди и Молчун куда-то скользнули ужами, да так, что и травы примятой не оставили. Потянулись минуты.

В вечерней тишине стал слышен отдалённый стук многих копыт и грохот колёс по старым неровным камням. Спустя ещё немного времени к ним добавились невнятные голоса.

Наконец из-за поворота перед тесниной появился всадник и остановил коня. Животное устало топталось на месте, а всадник утирал пот.

— Вот и они! — прошептал Далур, вжимаясь в землю, несмотря на то что всадник был далеко и никак не мог его увидеть.

— Вижу. Тихо, — коротко бросил Адрей.

— Стой! — донёсся издали окрик, и всадник, развернув коня, скрылся за поворотом. Вскоре он вернулся с ещё одним человеком, и теперь они стояли вместе, оглядывая теснину, и говорили. Пришедший вторым устало махнул рукой и ушёл обратно к обозу. Всадник остался на месте и с подозрением разглядывал склоны теснины.

Вскоре из-за поворота показалась телега, за ней ещё, и ещё. Всего пять. На каждой сидели люди. Ещё тут и там вразнобой ехали всадники. Всего десять, если считать того в голове отряда.

Грохот колёс по древним плитам нарастал. Он почти оглушал в царившей тишине и покое. Фигурки людей и телег стремительно росли, и вот уже можно было различить лица и детали одежды.

— Толс! Вон он, третий слева, на пегой кляче, — горячо зашептал Далур, сильно толкая Адрея в плечо. — И остальные стражнички пожаловали, гляди!

— Ш-ш-ш. Услышат, — едва слышно проговорил Адрей, выразительно выкатывая глаза.

Далур прикусил завязку плаща и снова принялся разглядывать проходящий обоз вторым, не заплывшим фиолетовым пузырьём, глазом.

Наконец голова обоза поравнялась с зарослями, приютившими залёгший отряд. На больших телегах расположились клетки из тонких прутьев, с одной единственной дверью, на которой висел массивный замок. Внутри клеток стояли в множестве ящики, бочки, и лежали мешки, кое-где накрытые парусиной. В идущей первой телеге лежал человек, и несмотря на тёплую погоду, кутался в шерстяной плащ. Ещё один поил его из бурдюка. Под грязной одеждой воинов тут и там проглядывали кольчуги.

Тот самый всадник, которого они увидели первым, всё так же недоверчиво оглядывал склоны теснины. Его глаза скользнули вверх, к месту, где лежали Далур и Адрей. Ещё ближе. И ещё. Далур напрягся всем телом, будто окаменел. Сейчас он был готов твёрдостью поспорить с дубовым поленом. Рука судорожно стискивала топориче. Голова по самые уши вжалась в плечи. Взгляд всадника проскользил ещё чуть выше и упёрся прямо в единственный открытый глаз дварфа. Сердце словно пропустило несколько ударов, а на напряжённом теле выступила испарина. Спустя ещё мгновение взгляд заскользил дальше.

— Да брось, Сагри, тут нет ни хрена никого. Разбойник тут с голоду помрёт, если раньше с тоски не очокурится. Разве что волк какой или олень встретится. Ну или Кровабород.

— Уж лучше все волки сразу, чем эти... У меня мурашки отсюда, — всадник ткнул пальцем себе в шею, — и до приезда домой от этих недомерков.

— При них не ляпни.

— Не поймут же ничего. Интересно, портки хоть скидывают перед тем, как... Ну ты понял. Или прям так, в них валят, — он тут же осклабился своей шутке.

— Не скажи. Карагаз этот, говорят, по-нашему может. Не шибко грамотно, но тебя бы понял. А чтобы объяснить тебе, в чём ты не прав, ему и говорить бы не пришлось. Вон, один из Толсовых не даст соврать! А, подтвердишь?

Голова обоза проехала чуть дальше, и слов говоривших уже было не разобрать. Постепенно мимо прогрохотали последние две телеги, и обоз стал удаляться.

Сзади Далура что-то негромко зашуршало, и рядом появилась Арди.

— Молчун пошёл проводить их до следующего дерева. Идите к следующей точке и там ждите, толку от вас в лесу всё равно немного. Только тихо и аккуратно. Я пока пойду на ту сторону. Действуем по плану. Если они дальше пойдут, вы тоже пойдёте на следующую. В случае чего мы вас найдём. Ну если вы в лесу совсем не заплутаете, так что внимательно смотрите, куда идёте, — она тут же, оглядевшись и что-то буркнув под нос, растворилась в листве.

— Ну погнали. Тут рядышком совсем, — Адрей встал и тихо шурша травой и похрустывая сухими листьями осторожно зашагал от дороги вглубь леса.

Далур с ненавистью посмотрел на окружающие деревья и последовал за ним. Впрочем, идти было действительно недалеко, и вскоре они уселись в условленном месте и принялись ждать.

Адрей лишь успел сменить повязку на ухе Далура, когда пришёл Молчун.

— Всё. Встали.

Глава 7. Тени на лапнике

Тракт пересекал большую свободную от деревьев поляну, густо поросшую высокой травой. Не счесть уже, в который раз за этот длинный и тяжёлый день дорогу перегораживали ветровальные стволы исполинских деревьев.

— Да кому же мы так из Держателей Мира насолили?! Твою мать! В этом поганом лесу все деревья разом решили упасть поперёк дороги? Тьфу ты, невезуха. Хотел сегодня хоть из леса выйти, да куда там... — немолодой, но ещё крепкий мужчина с огромными залысинами и не менее огромным носом поморщился и устало потёр лицо, размазывая грязь по потному лбу. — Толс! Отправляй пятёрку своих дальше по дороге, на разведку. Давай сразу с топорами. Если найдут чего — чтобы и щепок на дороге не осталось! Слышишь? До полуночи обернуться должны. Остальные твои вот за это пусть принимаются, — он ткнул пальцем в лежащие на дороге толстенные поросшие лишайником стволы деревьев. — Что тут за бури-то такие были? Эх... Ладно! Мои пока ночёвку сообразят. Чуть позже с твоими сменятся. Вот тут, вроде, посвободнее, тут и встанем! Сагри! Назначь караульных! Лес хоть и спокойный, но ты мне всю голову уже проклевал...

Вокруг мгновенно закипела работа. Уже в который раз за день мозолистые сильные руки взялись за топоры и принялись выбивать щепки из древних стволов. Некогда гордые лесные исполины как могли противились такому обращению с собой, но им нечего было противопоставить острой стали. И они медленно, неохотно таяли под натиском металла. Отрубленные части оттаскивали в стороны, где они и лежали несуразными осколками прежних себя.

Уютно затрещали несколько костров, быстро набирая силу. Голодный огонь радостно танцевал на ветках и дровах, радуясь, что наконец-то добрался до еды и вот-вот исполнит своё самое древнее, самое главное желание — пожрать всё, до чего сможет дотянуться. Впрочем, накинуться на лежащую вокруг листву и такие лакомые деревья ему не давала земля, предусмотрительно окопанная вокруг костров.

В подкопчённых котелках закипала вода, кашевары закладывали горсти крупы. Лошадям задали корма и воды и привязали их к деревьям. Кто-то принёс из небольшого елового бора неподалёку лапника, и многие последовали его примеру. И теплее спать будет, и мягче. В отличие от дешёвых постоянных дворов, из такой постели никто не вылезет, чтобы вцепиться в тебя и пить кровь.

Солнце почти не проглядывало меж ветвей, стремительно наступили сумерки.

Топоры замолкли. Сталь в очередной раз победила, и деревья были разрублены и растащены в разные стороны. В освещённом пламенем костров кругу усталые люди собирались отдохнуть после тяжёлого дня в дороге.

— Эй! Гинс и Орди! Помогите Шобу к костру перебраться, пусть погрееется малёха. А то трясётся, как кружка забулдыги. Чёртова лихорадка! — Толс кинул плащ прямо на землю и сел на него. В руках блеснул нож, и человек принялся вырезать из толстой ветки какую-то фигурку.

— Спит он. Растрясло за целый день-то. Дай ему отдохнуть.

— Он и вчера весь день спал. Только вот жрать-то ему надо. Он только пьёт третьи сутки. Ведите. Схарчит чуть жидкой каши, да отвара горячего попьёт. И обратно на телегу.

Спустя пару минут двое мужчин помогли подойти к кострам человеку, зябко кутавшемуся в плащ. Несмотря на тёплый вечер, близость огня и согревающую шерсть на плечах, человека сотрясала крупная дрожь. На бледном лице блестел пот, а мутный взгляд вяло перемещался по окружающим.

Шобу помогли сесть, но как только чужие руки перестали его поддерживать, он рухнул как подкошенный. Рядом с ним плюхнулся куль с какими-то тряпками и ему помогли на него облокотиться.

По рукам пошли плошки, котелки и кружки. Горячая сытная еда стремительно пропадала из посуды. Вскоре с пищей было покончено, и люди расслабленно расселись вокруг костров и тихо переговаривались.

— Сагри! Иди сюда, к огню! Что ты там в темноте торчишь? В кости не хочешь отыграться? — стружку за стружкой Толс срезал с деревяшки.

— То и торчу. Не нравится мне тут. Спорить готов, смотрит кто за нами из темноты. А в кости играть не буду. Ты, гад, с меня всё ценное содрал, как бересту с берёзы. У меня кроме порток, сапог да снаряги нет ничего, — донеслось из темноты неподалёку.

— Опять заладил. Нету тут никого, говорено же. Зверь, может, какой смотрит на тебя, или птица, мы же в лесу! А ты, такой чувствительный, и перепугался сразу.

К костру подошёл мужчина в кольчуге и шлеме и сел неподалёку. Меч лёг крестовиной возле правой руки. Морщинистое лицо озадачено хмурилось.

— Не скажи. Я на себе взгляд всегда чую. Звери, они по-другому смотрят. А тут кажется, что человек какой. Ну или ещё кто, но с мозгами, кто думать и говорить способен. Вчера же ещё не было. А сегодня аккурат до полудня впервой почуял.

— Почуял он. И ты теперь так и будешь в кольчуге и шлеме сидеть, как в казарме перед смотром? — Толс

усмехнулся и смахнул стружки со своей поделки.

— Лучше шлем на голове, чем стрела в ней же. Ты, Толс, лучше опытного человека послушай. Оно всегда на пользу.

— Мы тут, почитай, лет восемь уже ходим. Каждый год по осени. Так что не учи. Обычно раньше, правда, на пару недель, ну да не всё ли равно?

— Всё впервой случается, Толс. Всё что угодно. Уж лучше готовым быть.

— Ну так и будь. Ты тут за всех нас готов. Меня в свою дурь только не втягивай, будь добр. Да парней попусту не пугай, — Толс отмахнулся. — Я тебя в кости звал играть, а ты опять свою песню затянул. За день наслушался уже. Хватит, ну! Вон лучше Гарви иди её спой. Хотя тут все уже тебя наслушались.

Сагри хмыкнул, стянул сапоги, давая отдых ногам и немного обсохнуть портянкам. Из темноты послышались шаги.

— Так, парни. Все здесь? Все меня слышат? — в центр освещённого круга вышел мужчина с большим носом и залысынами.

Толс шевеля одними губами быстро посчитал присутствующих.

— Да, Гарви. Только моих пятерых нет, тех, что вперёд ушли.

— Твои и так всё знают. Не впервой ведь к ним идёте, — Гарви громко откашлялся в кулак и продолжил: — Завтра к полудню мы должны выйти к горам Кровобородов. Там нас встретят и проводят до их поселения. Где-то к закату мы дотуда доберёмся. Там мы выгружаем из телег всё, что везли им, забираем то, за чем мы сюда столько времени пёрлись, и сразу выступаем обратно. Ночевать у них мы не будем, а встанем где-нибудь в паре часов от поселения. Так что сегодня хорошо отдохните, завтра у всех будет долгий день. И ещё одно. Ни с кем даже не пытайтесь разговаривать. Их вождь, Карагаз, понимает на нашем. Может, ещё кто, хрен их разберёт... Короче! Никаких разговоров. Ближе к ним не подходите. Да лучше вообще на них не смотрите, не приведи демоны, зацепитесь. Разгрузили, загрузили и ушли. Гару этот Карагаз нос сломал за взгляд. Если начнётся заварушка, мы живыми оттуда не выйдем. Так что любопытство и гордость сразу в жопы позаталкивайте, да так глубоко, чтобы даже кончиков не торчало! — он прервался, тяжело вздохнул и помолчал с минуту. Затем продолжил: — И ещё одно. Парни, в этот раз такое дело... Кхм... В этот раз мы забираем людей.

Повисла тишина.

Плотная и холодная, она затопила всех, и никто не осмеливался её потревожить. Гарви уткнул взгляд в один из костров и хмуря брови жевал губы. Толс внимательно разглядывал на лицах, сидевших вокруг людей изумление, испуг, отвращение, озадаченность и безразличие. Кто-то хмурился, кто-то озабоченно скрёб в затылке.

Немного подождав, пока до них дойдёт смысл сказанного, Гарви добавил:

— Такие дела, парни. Сам узнал... Совсем недавно. Но решать не нам. Нам делать.

— Как людей? Каких? Кто такие?

— Местные все. Тут не очень далеко есть посёлок. Все оттуда, — нехотя ответил Гарви.

— Это что же получается? Как так? Ладно, мы орков возили. Этот скот на продажу не жалко. Да хоть так в костёр бросай. Ну а теперь, что же? Своих повезём? Людей? Я на такое не вызывался!

— Тихо, Гвинс! Ты на работу подрядился, ну так делай её. Да, кое-что поменялось, но для нас всё по-старому. Задача стоит прежняя. Повторюсь, это решать не тебе и не мне. Не приведи демоны отказаться или сорвать обмен — окажемся, в лучшем случае, на их месте! Подумай, Гвинс, — он обвёл тяжёлым взглядом окружающих, на мгновения задерживаясь на глазах каждого. — И вы, парни, мозгой пошевелите! Слишком большие люди и деньги тут варятся. Рабы — это всегда дорого, а тут коротышки ещё какие-то корни нам отгружают почитай бесплатно. При одном упоминании о них алхимики уже готовы кошельки отдавать. Слишком большие деньги это приносит каждый год. Ты думаешь, кого-то там интересует, чего ты хочешь? Ага, держи карман шире! Сожрут с костями и... Прочим. Гвинс, скажи, тебе дышать нравится? Этого можно легко лишиться. Помогут, только повод дай. Да и на одно жалование стражника, поди, отвык уже жить? Так что делай свою работу, да помалкивай! Всё! Рты на засов! Чтобы я об этом ничего не слышал!

Выдохнув, он немного смягчился.

— Эти обрубки дикие, Кровобороды, такую кость выкинули. Никто этого не ждал. Похищать людей на своей же земле и продавать слишком рискованно. Это все понимают. Но их теперь не отпустить. Либо в клетки, либо сразу на корм падальщикам. Если иначе, они же всем растреплют, и пропадёт такой канал... Кхм... Торговли. Парни, мне поручили сказать им, что такой товар нам больше не нужен, и впредь пусть ловят орков. Так что это первый и последний раз. Моё слово! Оно ого-го весит! Вы со мной давно, знать должны. Ладно, парни, ситуация никому не нравится, но мы должны просто сделать это. Поэтому ужинаем, ночная стража на посты, остальные спать, — он выразительно посмотрел в глаза Толса, развернулся на пятках и быстрым шагом ушёл устраиваться на ночлег в сторону стоявших невдалеке телег.

— Да, дела... — Гвинс смачно плюнул в костёр, и тот оскорблено шикнул в ответ. — Что делать?

— Тебе же Гарви сказал. Работу. Твою, за которую тебе платят, — Толс невозмутимо строгал фигурку. — Или ты не слушал?

— Слушал. Да только, сука, спать мне потом как? Я же не тварь последняя, мне совесть уснуть не даст. Это же люди.

— Спать как? С уверенностью, что у тебя всё будет хорошо. А уснуть можно настолько спокойно и крепко, что тебе вряд ли понравится, Гвинс. Да и это неплохая прибавка к жалованию. Бери в постель кувшин вина и спи как младенец.

Тот не ответил, уселся у огня, сильно сжав подбородок, будто горло врага, и застыл. У костра тут и там пробегали шепотки.

— Гвинс, ты чего? — спросил заросший по глаза щетиной мужчина лет тридцати. — Они тебе что, родня какая?

— Нет, — глухо отозвался тот. — Просто это... Неправильно. Как ты так легко об этом говоришь, Килк? О чём ты думаешь?

— Гарви правильно сказал. Я думаю о Лори. О нашем сыне. О нашем завтра и о хлебе с мясом на столе.

— Ты думаешь, у этих нет своих Лори, своих сыновей? Теперь у них ещё и завтра маячит поганое. Они же на рудники идут. Выблёвывать лёгкие, в которых застыла пыль. На галеры, рвать жилы под свист кнутов. На юг поедут, убивать друг друга за ломоть плесневого хлеба под чей-то смех. Ладно, орки. Хрен с ними, эту грязь не жаль. Но это люди. Как ты и я. Со своими Лори и сыновьями.

— Так то не мои, — отмахнулся Килк. — Они пусть как-нибудь сами. Всех в сердце не удержать. Не выдержит и лопнет.

— Ты бы, Гвинс, послушал. Килк тебе дело говорит, — Толс вытянул ноги и спокойно потянулся. — К тому же выбора у тебя нет. Хорош парням голову своим скулежом забивать.

Сагри всунул ноги в чёрные зевы солдатских сапог и подошёл к Гвинсу. Мозолистая рука сочувственно легла на плечо.

— О чужих пекутся, когда самому беда не грозит. Не горячись. Оно, конечно, погано, но так почти всегда и бывает. И у тебя с этим, парень, нихрена сделать не выйдет.

Гвинс дёрнул плечом, скидывая руку. Сагри хмыкнул, хлопнул его по спине и пошёл в темноту.

— Всё. Посидели, и будя. Первая смена по постам.

Толс швырнул в костёр выструганную фигурку человечка, сыто рыгнул, и откинувшись на спину стал любоваться по-осеннему яркими звёздами.

На противоположном конце опушки обоз вставал лагерем. Отрывистые крики и удары топоров металась из одного края опушки до другого, рикошетом отскакивая от древесных стен. Сумрак густым киселём затапливал окрестности, обволакивая собой каждую травинку и веточку.

Но ещё не совсем стемнело, и Арди, засев в кустах, пристально разглядывала выдающийся на опушку лесной язык. С её позиции было совсем не видно лагерь, зато прекрасно просматривалось место, из которого располагающиеся на ночь люди были как на ладони. Почти весь день они с Адреем потратили на то, чтобы выбрать такие точки возле каждого крупного завала. Теперь оставалось только ждать.

Лук с натянутой тетивой стоял рядом, прислонённый к стволу дерева. Из земли у её ног странными пернатыми ростками торчали стрелы. Арди почти нежно поглаживала меч на своих коленях. Рука то скользила по прохладной стали клинка, то цеплялась за ухватистую рукоять.

Где-то в лесу стих монотонный стук дятла, и Арди замерла. Вскоре звуки ударов вновь загуляли по лесу, и девушка, выдохнув, продолжила гладить оружие.

Гладкий холод — шершавое тепло.

Туда — обратно.

Раз за разом.

Так странно. Сколько лет уж этому клинку? Только у неё он уже лет десять, если не дольше. А ведь, когда забирала у прошлого владельца, меч уже был не нов. Чаще оружие переживает человека. Если не хозяина, то его врагов точно.

Зачем он ей? Арди никогда не втыкала сталь в тело человека. Ну кроме того случая в трактире. Всегда только отпускала тетиву. Просто разжимала пальцы. Остальное делали случай и стрелы.

Это ведь не считается?

На мгновение в памяти вспыхнули факелы, беспорядочно пляшущие в ветреной темноте ночной дороги, засвистели стрелы и по ушам ударили испуганные крики. Хлопки тетивы где-то в ближайших кустах, её собственная рука, тянущая следующую стрелу. Ощетинившаяся оперёнными палками, как диковинный ёж, лошадь храпя валится на бок. Люди на дороге испуганно и бестолково мечутся.

Такая привычная и гладкая жизнь. И такая холодная.

Да, если бы справедливость существовала, Арди должна была висеть рядом с ними всеми. Один хлеб, одни схроны в лесу. Одни успехи. Один голод в плохой год и одна боль.

Одна на всех ветка.

Честно и поровну.

В лесу послышалось верещание белого стрепета. Пугливое и мелкое пернатое создание. Боится всего подряд и, едва почуяв малейшую опасность, улетает с громкими пронзительными криками. Мысли вернулись в прошлое русло.

Почему вспомнилась именно та ночь? Что в ней было особенного? Она не была ни первой, ни последней. Хотя после той ночи она всего несколько раз выходила на этот волчий промысел... И всё.

Арди горько поджала губы, вспоминая ощущения той ночи. Тогда в груди стало слишком холодно и пусто.

Стало страшно. Очень страшно.

Как-то чуть за полночь Арди выскользнула из лесного убежища с едой и горсткой монет. С луком и этим чужим мечом, с таким холодным и гладким клинком. За ночь она отошла достаточно, чтобы не бояться погони. Среди них всех не было ни одного равного ей в ходьбе по лесу.

Лёд в груди перестал обжигать. Стало чуть теплее? Жизнь перестала быть гладкой. Она стала шершавой. Как рукоять. Но теперь за неё можно держаться без страха прорезать пальцы до кости.

Одна ветка на всех... Слухи расходятся быстро, и как-то раз в задымлённом и пропахшем выпивкой трактире Арди услышала, что их всех поймали. Всех до единого. Кого не убили сразу, повесили чуть позже. Всех, кроме неё.

Жизнь и вправду стала шершавой. Последние пять лет она провела в дороге. Убегая от себя? Или догоняя?

За последнюю неделю её чуть не убили гоблины, не разорвал тролль, не сожрал сбрендивший кодапи... Не ради своей жизни. Не ради жизней соратников. Ради чужих людей. Ради селян. Еще и бесплатно, этот староста Гарон, скорее всего, не найдёт денег чтобы достойно заплатить. Может, она не плохой человек? Но оно того не стоит... Своя голова всегда дороже. Далур ещё этот. Голову в пекло готов сунуть ни за хрен собачий. Натура у него такая, или правда старый проступок искупает? Теперь и она ни за что своей шкурой рискует. Надо бы развернуться и уйти. И пусть селяне эти пропадут пропадом вместе с Кровобородами, Гароном, Толсом и всем этим сраным краем. Но она больше не чувствует льда в груди, будто делает что-то правильное. Так страшно, что однажды этот холод вернётся...

Рука нырнула под платок на шею и задумчиво погладила неровную кожу.

У основания вольготно вылезшего на поляну языка заверещал белый стрепет. Тряхнув головой Арди обратилась в слух и взялась за лук.

Дважды, с коротким промежутком. Всё ближе и ближе к поляне.

— Если это случайность, пусть земля меня проглотит, — одними губами прошептала девушка.

Земная твердь осталась недвижимой.

Потянулись минуты. Погода стояла безветренная, но отчего тогда та ветка шевельнулась? Совсем слегка, но намётанный глаз Арди засёк движение. Вот ещё одна, еще ближе к кончику языка.

Есть!

В почти переросших в ночь сумерках мелькнула маленькая фигура гоблина. Едва заметная на фоне травы и деревьев. Она прошмыгнула к кустам, таким удобным для наблюдения за лагерем, и так хорошо просматриваемым с позиции Арди.

Гоблин замер, разглядывая костры вдали.

«Неужели ты один? Плохо. Говорят, гоблины никогда не ходят поодиночке. Есть!»

Снова едва заметное колебание листвы, и к первому гоблину мягко скользнул ещё один.

Гоблины замерев смотрели на лагерь.

Рука легко выдернула стрелу из-под ног, нежно разгладила оперение и отряхнула наконечник. Посланица смерти привычно легла на тетиву. Лук по обыкновению нехотя позволил оперению стрелы замереть около уха Арди.

Расстояние немалое, но цель неподвижна. Руки всё сделали сами.

Треньк.

Арди посмотрела, как гоблин с пробитым горлом тихо ткнулся в землю и слабо завозился, а его спутник едва качнув листву растворился в темноте.

— Прости, зелёный. Это не я. Это стрела и случай, — прошептала девушка и, забрав оставшиеся две стрелы, тихо побежала прочь.

— Гарви, вставай!

Он еле разлепил тяжелые веки. Попытался проморгаться и понять, что происходит.

— Надо уходить. Сейчас же.

Над ним стоял Сагри и что-то возбуждённо говорил. Слова сквозь сонную пелену доходили не все и не сразу.

Гарви сильно тряхнул головой и сразу вскочил на ноги с мечом в руках.

Сагри шагнул назад, поднимая руки. Лагерь вокруг спокойно спал, лишь костры спокойно потрескивали и населяли мир вокруг неверными тенями. Гарви опустил меч.

— Что... Что случилось?

— Пятёрка Толса не вернулась. Полночь миновала уж. И... Кхм... В лесу кто-то есть. Их много. У меня вся кожа зудит, так по ней взглядами елозят. Я это всегда чувю!

— Тьфу ты! Опять ты...

— Гарви, послушай! — Сагри перебил. — Надо уходить прямо сейчас. Ты сам говорил, что до выхода из леса не так далеко. Так? Тогда где парни Толса? Меня моё чутьё никогда — ты слышишь? — никогда не подводило.

Гарви нахмурившись молчал. Ожесточенно потёр глаза и решился.

— Хрен с тобой. Собирай часовых. Подъём, парни! Вещи в телеги, живо! — отрывисто зазвучали команды.

Лагерь мгновенно ожил. Какой-никакой выгучкой городская стража всё-таки обладала. Лошадей и телеги с поляны выводили на тракт, палили факелы, догорающие костры закидывали землёй. Гарви стоял неподалёку от кипучей работы и уже отвыкшими от света глазами таращился в темноту.

Проклятый Сагри! Заразил своей паникой! Лес как лес, нет там никого. Разве что белка какая здоровенная.

Тело Гарви мгновенно покрылось мурашками, а рука вцепилась в рукоять меча. Он сощурил глаза до боли, до пляшущих кругов, стараясь увидеть хоть что-то в почти чернильной темноте. Под курткой поселился холод.

Тут и там зазвучали шорохи, тихие и разрозненные, и вскоре затихли так же, как и начались, неожиданно и одновременно.

— Это лес. Трижды проклятый старый лес. Там вечно что-то шевелится. Догоняет, жрёт, трахает друг друга. Чего это я так струхнул? Сагри, гребь его мать. Не приведи демоны ещё раз взять его работать.

Но сердце уже билось учащённо, и никакие слова не помогали старому воину успокоиться.

— Всем надеть доспех. Быстро! И сразу выходим.

— Что случилось? — к нему подошёл обеспокоенный Толс.

— Твоих так и нет. Сагри что-то там опять чувствует. Поднял меня и настоял, что нужно уходить. Да и я, похоже, наслушался его, теперь тоже каждый шорох замахом топора кажется. Совсем не хочу тут ночевать теперь. Выберемся из леса и доспим в предгорье. Давай, своих оставшихся подгони. Выступаем.

Обоз выстроился в колонну и, освещая себе путь факелами, направился в просвет меж деревьев. Всадники жались к телегам, а пешие сидя на мешках и бочках держались за борта и таращились в кусты.

Лес хищно обступил людей со всех сторон. Лишь узкая полоса древнего тракта прорезала столпотворение деревьев. Факелы в руках, призванные разогнать темноту, лишь населяли её мечущимися тенями.

Сзади слева послышался глухой удар, особенно громкий в ночной тишине. Как тупой деревяшкой ударили по стволу дерева.

Спереди справа ему ответили тем же звуком. Вскоре со всех сторон стали долетать звуки глухих ударов, шорохов и хруста веток.

— Не жалею коней! — крикнул Гарви и тут же дёрнулся назад, налетев спиной на холодные прутья клетки.

Что-то шуршало прямо в кусте, мимо которого сейчас проезжала его телега. Все воины в обозе затравленно крутили головами. Лошади начали тревожно всхрапывать и водить ушами.

Из головы обоза долетел испуганный голос:

— Тут топор! На дороге топор!

— Сагри, мать твою гребь, хрен я когда больше не стану тебя слушать! — воскликнул Гарви.

Тракт впереди был засыпан щепой и недорубленными стволами деревьев, а на обочинах валялись их многочисленные куски.

Шорохи в лесу стихли. Это пугало ещё больше.

— Оружие в руки! Смотреть во все глаза! Толс, прикрывай тыл. Сагри, бери парней и разгребите нам проезд! Живо!

Рвано и испуганно застучали топоры. Лес вокруг притих, безмолвно наблюдая за испуганными людьми. Сгорающий в лихорадке Шоб что-то вяло бормотал либо в бреду, либо во сне.

— Живее! Живее, парни! С меня бочонок пива по приезду, если пошевелитесь!

Но это не помогало. Люди и так работали на пределе своих сил, и спешка только мешала. Но сталь снова побеждала, и стволы деревьев распадались на куски, которые спешно стаскивали на обочину.

— Хрен с ними, с топорами, спихните их так! Уже почти!

Наконец образовался проход, достаточный для телеги, и обоз снова загрохотал по древним плитам. Один изгиб дороги, второй, третий, только темнота и тишина вокруг если не считать факелов и звука колёс.

— Сагри, мать твою, может, это кабаны по тропе своей шли и шуршали в кустах? Что это было? Почему сейчас тихо?

— Нет, Гарви. Я же говорил... Тише, тише, — воин потрепал по шее взволнованную лошадь, чуть не выбросившую его из седла. — Она что-то чувствует! Лошадь боится.

— Мы все тут... Кхм... Вон за тем изгибом по прямой с полверсты и всё. Почитай выбрались!

— Нам тут ещё назад ехать, — взволнованно пробормотал кто-то.

Сагри выехал в голову обоза и направил лошадь вперёд по изгибу дороги. Животное упиралось, фыркало, норовило встать на дыбы.

— Тише, тише. Скоро кончится этот...

Из густых зарослей с треском и прихрамывая выбежала огромная фигура и с отвратительным визгом врезалась в Сагри и его лошадь.

Животное отлетело в кусты, потеряв всадника, вскочило и понеслось по тракту вперёд. Из зарослей раздался испуганный крик, оборвавшийся бульканьем.

Тишина вокруг взорвалась воплями, хлопками тетив и треском веток. Со всех сторон из кустов выныривали низкорослые худые фигуры.

Рядом с Гарви на колени упал Килк, держась за стрелу в груди. Через мгновение ему под подбородок с хрустом воткнули копьё. Вокруг умирали люди, отбиваясь от многочисленных противников.

— Щиты! Все к... — договорить Гарви не успел, перепуганные лошади понесли, и он опрокинулся на дорогу.

Пытаясь продохнуть после жёсткого приземления, Гарви почувствовал, как ему раздавило ногу. Щиколотка в сапоге хрустнула. Он резко взметнулся вверх, на мгновение застыл там, ошеломлённо смотря на уродливую громадную голову внизу, и упал головой на древние камни.

Толс видел, как тролль с размаха расколот голову Гарви о тракт. Видел, как упал Гвинс, раненный стрелами, но всё ещё отмахивающийся от наседающих гоблинов. Вот рука не успела выбросить меч навстречу, и копьё глубоко вошло человеку в живот. Гвинс пронзительно закричал, но через секунду другой гоблин вскрыл его горло от уха до уха. Крик оборвался противным бульканьем, и воин упал на живот. На тракт толчками вытекала кровь, быстро образуя лужу под Гвинсом.

Мёртвые лошади лежали истыканные стрелами, придавив собой порой ещё живых всадников. Те дёргали свои поломанные ноги в надежде освободиться, но вместо свободы к ним неизменно приходила только смерть. Гоблины не замечали гибели своих соплеменников и завывая и пронзительно вопя лезли на уже почти истреблённый отряд.

Толс отбил неловкий выпал гоблина и рубанул того по шее. Зеленокожий упал, стараясь зажать рану. Между пальцев струилась тёмная кровь.

Бой был проигран.

Толс оглянулся, сзади, в пляшущем свете факелов, тролль раз за разом опускал свой огромный кулак на лежавшего воина, как ребёнок, который старается камушком разбить скорлупу вкусного ореха. Впереди гоблины дорезали немногих ещё живых. В лесу со всех сторон визжали и кричали десятки голосов.

Пути отступления были отрезаны. Толс посмотрел на так и не очнувшегося Шоба и спрыгнул с телеги. Спустя миг он нырнул под неё, в спасительную темноту. Он втиснулся между осью и досками, под местом возницы. Здесь он был немного прикрыт от посторонних глаз.

Толс затих.

Телега качнулась, и тонкий скрипучий голос обрадовано закричал сверху. Спустя мгновение телега стала раскачиваться от хаотичных и быстрых ударов. Уши резало неистовое завывание. Сквозь старые доски на тракт закапала кровь. Вскоре капли слились в тонкую струйку, соединяющую телегу с быстро растущей лужицей под ней.

Звуки боя стихли.

— Нет! Пожалуйста, нет! Я всё сделаю! Отпустите! Пожалуйста! Не связывайте! Дайте уйти, пожалуйста. Я всё отдам, — голос говорившего истерично дрожал.

В ответ раздались скрипучие голоса и смех. Кто-то прохаживался по телегам, звучал треск взрезаемых мешков.

«Гар, безмозглый трус. Они тебя не понимают. Хоть сдох бы как мужик».

Толс почти не дышал, лишь вжимался в телегу и проклинал всё на свете. Трясущиеся руки вцепились в доски. Два голоса приближались. Один говорил настойчиво и много, второй редко и вяло отвечал. Они остановились около телеги Толса.

Радостный восклик раздался прямо под прячущимся человеком. Толс повернул голову и посмотрел вниз. На него в упор смотрел ухмыляющийся заляпанный кровью гоблин с факелом в худой руке. На его лице танцевали

Неверные тени.

— Лошадь! Там скачет лошадь! — Далур взволнованно схватил Молчуна за руку и сильно стиснул.

— Неужто вырвались? — Арди таращилась в темноту. — Они там орут так, что, наверное, в самой Каменной Топи все под лежаки попрятались, — она притянула к себе лук. — В такой темноте стрелять...

— Погоди. Без всадника! Лошадь без всадника!

— Ты уверен?

— Да! Как в том, что я дварф.

— Значит, не вырвались. Слышите? Затихли, вроде.

— Да уж. И что теперь? Что дальше?

— Ждём рассвета. И вы с Адреем... Ждёте дальше.

— А вы?

— А мы с Молчуном пойдём одним глазком глянем. Не думаю, что гобла будет там до утра сидеть.

— А если будет?

— Вот потому и идём мы с Молчуном, а вы нас тут подождёте. Не бойсь, нас не заметят!

— Угу, если Молчун не поскользнётся!

Молчун заулыбался и пихнул Далура кулаком в плечо.

— Ладно, ложитесь спать. А я до утра пригляжу за трактором. Коли что — сразу растолкаю. — Далур уселся поудобнее. — До рассвета ещё успеете выспаться.

— А ты?

— А я привычный. Да и не хочется чего-то совсем.

— Тебе каждую ночь не хочется? Спишь ночь через две. Как на ногах ещё держишься. Ну смотри. Коли клевать начнёшь — буди сразу. Не хочется в эту ночь остаться без стражи, когда в лесах, до которых рукой подать, шарятся полчища гоблинов.

— Поучи ещё. Ложитесь уже.

В темноте какое-то время раздавалась негромкая возня, которая сменилась ровным дыханием.

На Далура гранитной плитой легли тяжёлые презрительные взгляды. Он поёжился и шепнул севшим голосом:

— Ну здравствуйте...

— Шестнадцать человеческих тел. Всё содержимое телег сволота зелёная с собой уволокла. Даже лошадиные трупы выпотрошили на месте и с собой упёрли. На месте остались только тела людей и поломанные телеги. Всё, — Арди уселась на камень и вытянула ноги.

— Так это замечательно! — Адрей просиял. — Теперь Кровабородам нет смысла держать людей!

— Да, останется только Далуру убедить его сбрендивших соплеменников отпустить селян домой, а не отправить полетать со скал, — кисло усмехнулась Арди. — Судя по тому, как они Далура украсили, эти ребята не прочь так развлечься.

— Посмотрел бы, как тебя украсят, — фыркнул дварф. — На кону еда. Думаю, смогу уболтать. Погоди, ты сказала, шестнадцать трупов? Но в обозе ехали девятнадцать человек. Где ещё трое?

— Да мне почём знать? Может, убежали? Ночью точно никто из леса не выходил?

— Обижаешь!

— Да и хрен с ними, по большому счёту. Еды у них нет, телег, в которых везти пленных — тоже. Что нам до них теперь?

— А если сбежали и дойдут до Кривобороду?

— И что? Поплачутся, что их зелёные немножко поубивали и отняли всё, что те везли? Не думаю, что эта история тронет наших краснобородых друзей. Нам о другом, надо думать. Как выторговать теперь свободу для селян.

— Я к Гарону пойду, попробуем придумать, где откупные взять. Я сомневаюсь, что у наших амбары ломаются настолько, но других путей пока нет, — Адрей неуверенно пожал плечами. — Но сначала надо Далуру договориться с этим Карагазом.

— Я думаю, нам надо принимать предложение Флана, — задумчиво проговорил Далур.

— Что? Это с хрена ли? Забыл, как от кодапи по опушке носился? Ещё захотелось? — брови Арди взметнулись вверх.

— Забыть не забыл. Только вот как ещё поступить? Адрей, вон, говорит, что столько еды не соберут в Каменной Топи. А за мешок полбы и мешок брюквы они не согласятся. Нужно что-то ещё.

— Да, нужно. Ещё под сотню мешков полбы, ржи, пшеницы и брюквы. И с чего ты взял, что они хотят именно

того, чтобы мы с Фланом шарахались по древним всеми забытым руинам?

— Да плевать им на Флана. Они вообще о нём знать не знают. Просто я видел, с какой болью и тоской Карагаз говорил о своём прошлом. О прошлом своего, — Далур смачно сплюнул, — племени. Об отце и о вещах, которые видел в детстве. С какой жадностью и страданием смотрел на мою секиру и кольчугу. Мне, кхм... Мне его жаль. У них отняли прошлое и не дают выбора, как жить. Я хочу помочь им. Тяжело видеть dwarфов такими жалкими. Грязные подobia. Я думаю, он согласится!

— Хорошо. Допустим, он согласился. И что дальше? Идти туда, где поселилось что-то, что выгнало из дома целый город? Где есть что-то, что сводит с ума каких-то там кодапи и заставляет нападать на всех подряд, как грёбанный берсерк с островов? — Арди раздражённо развела руками. — Ну если, конечно, вся та хреношня, что я слышала от Флана, не полная чушь мудака-умника. Ты сейчас нам это предлагаешь? Силёнок-то хватит? А? Я вот ой как не уверена!

— Ты всегда так говоришь. Каждый раз ты против. Но пока всё получалось. Ведь так? — единственный не заплывший фиолетовым пузырьём глаз Далура серьёзно смотрел на девушку.

— Вот именно! Пока! Пока нам везло. Но удача всегда уходит и никогда в подходящее время. Это слишком своенравная и капризная сука, чтобы на неё всерьёз рассчитывать, — она встрепенулась и отвернулась от Далура. — Вы то что стоите столбами? Молчун, хоть ты скажи ему, что это самоубийство! Надо совсем ослом быть, чтобы пойти на такое дело. Ещё и нас погубит, ненормальный.

— Я думаю, людям надо помочь. Если это сработает, и Кровобороды согласятся, давайте рискнём. К тому же, может, этот ваш Флан совсем не прав, и мы вообще ничего не найдём. Ну или найдём старые руины, где самое страшное — это пыль и плесень. Что в них опасного? Давайте попробуем если не получится договориться просто на припасы. Если вы откажете, я расскажу Гарону, как обстоят дела, и пойду сам договариваться, — сказал Андрей и уставился на Молчуна.

— Здесь остался кто-то, кроме меня, не с отбитой головой? А, Молчун? Может быть, ты?

— За. Пробуем. Звучит бредово. Кажется, что сплю и скоро проснусь. Вся прошедшая неделя такая, — Поглаживая повязку на щеке, выдавил Молчун.

— Ага, проснёшься. А может, уснёшь ещё крепче, но вот только уже без сновидений, — притихла и мрачно пробурчала Арди.

— Или так.

Глава 8. Договоры

Холодный ветер завывал в ушах, донося до Далура уютный запах сгорающей в печах древесины. Слегка моросил дождь, скупо рассыпаемый серыми и низкими тучами. Достаточно для того, чтобы погоду можно было назвать противной, но явно недостаточно, чтобы всерьёз воспринимать эту водяную пыль. Если закрыть глаза, то появляется очень приятное ощущение, что вот-вот, и ты зайдёшь в добротный дом, спрятавшись от холода и надоедливого голоса ветра, от противной мороси и всех невзгод за толстыми стенами, в тепле и сухости.

— Зачем ты пришёл? Я тебя предупреждал, — Карагаз мрачной, тяжёлой глыбой навис над Далуром, готовый, чуть что, одним своим весом размазать того по древним плитам тракта.

В этот раз его не пустили в деревню, а заставили ждать у ворот, пока к нему не выйдет вождь. За спиной Карагаза, паскудно ухмыляясь, маячил его безносый отпрыск и ещё несколько незнакомых кровобородов.

— Ну! Отвечай! — при каждом вздохе широкая грудь вождя раздувалась, как кузнечные меха.

— Я был в поселении людей неподалёку, — Далур отметил, как немного сузились глаза вождя. — Там я слышал об их беде.

— Нам нет дела до бед этих... — нос Карагаза презрительно сморщился. — Этих людей. Ты пришёл, чтобы рассказать мне о чужих горестях? А, Далур-воин? Я держу слово, если ты прямо сейчас не скажешь, зачем пришёл — умрёшь.

— Нет, не за тем. Я ушёл от вас по тракту. И возвращался к вам снова по нему. И когда я почти вышел из леса, я кое на что наткнулся, — Далур протянул стрелу на широкой ладони. — Она гоблинская. Там было много таких. В телегах и телах.

— Почему ты думаешь, что мне это интересно? — руки вождя невольно сжались в громадные кулаки, а под бородой задвигались желваки.

— Телеги ехали к вам. Тут одна дорога, больше не к кому. На них были клетки. Помня о твоих рассказах и пропавших селянах, нетрудно догадаться, зачем они там. В телегах просыпали зерно. Думаю, это зерно везли вам. И в Каменной Топи видели, как вы забирали людей.

Повисло молчание. Карагаз тяжёлым и немного растерянным взглядом буравил Далура. Морось медленно собиралась в капли на лысине вождя, те в свою очередь начали робко стекать по лбу и щекам. Карагаз не обращал на капли никакого внимания.

— Откуда мне знать, что ты не врёшь? А, Далур-жизнь-на-волоске?

— Дварфы никогда не врут. Наше слово крепче камня. Тебе ли не знать?

— Думай! Думай, прежде чем отвечать! — Карагаз придвинулся ещё на полшага. Лицо Далура почти уткнулось в грудь вождя. — Есть камни, которые ломаются руками. Тебе ли не знать? Твоё слово такое? Если они всё видели, то почему не пришли освобождать своих сами? А, Далур? Скажи!

— Потому что это люди. Они трусливы. И многих мужчин вы уже забрали, — при словах Далура кровобороды как по команде сплюнули.

Карагаз бесконечно долго смотрел в глаза Далура. Наконец бросил через плечо.

— Караг, проверь тракт. Особо начало леса.

— Да, вождь.

— Люди могут дать откуп, Карагаз. Они знают, что я пошёл сюда, и хотят освободить своих.

— Ты хочешь сказать, что они забудут обо всём? Это племя настолько слабое и трусливое?

— Нет, не забудут. Но если их родные не вернуться домой, они пошлют вестника в город, где обо всём узнает стража. И тогда сюда придут войска. Много войск. Люди такого не простят, сколь трусливы они ни будь, но это плевок в изнеженную рожу местных правленцев. Покамест можно договориться и уладить всё миром.

— Пусть кто захочет приходит. Они этому сами не обрадуются. Ты меня запугать вздумал? Ты мне угрожаешь, Далур-хочу-умереть-за-слова? — Карагаз мрачно ухмыльнулся.

Далур невольно сделал шаг назад, но остановился и решительно посмотрел в серо-стальные холодные глаза вождя.

— Да. Но только потому, что хочу вразумить тебя и помочь найти выход, — выдавил из себя молодой дварф.

— Глупо. Но мне нравится твоя решимость, — Карагаз рассмеялся и сильно хлопнул Далура по плечу. — Пойдём, поговорим в моём доме. Подождём, пока вернётся Караг. После этого я решу твою судьбу.

— У меня есть выбор?

— У воина всегда есть выбор. У тебя их два. Я могу забить тебя до смерти прямо здесь и сбросить тело вон в то ущелье, или ты пойдёшь со мной, — буднично сказал Карагаз и сделал приглашающий жест в сторону ворот.

Поселение снова встретило Далура серостью. Тяжёлые и холодные, словно каменные глыбы, лица и взгляды Кровобородов заставляли чувствовать себя крайне неудобно, и Далур всю дорогу до дома Карагаза смотрел себе под

ноги, лишь изредка поднимая взгляд от грязной скалы под подошвами.

Только когда они зашли внутрь и вокруг Далура сгустилась духота и постоянные для этого помещения запахи пота пополам с нагретым камнем, Карагаз прервал молчание:

— Я не трогал их, Далур. Годами не трогал. Отец говорил хорошие слова о людях. Одного он даже называл другом, пока тот не умер от старости. Их век слишком короткий, чтобы успеть стать мудрым или умелым. Но некоторые могут. Выходит, зря не трогал? Люди глазом не моргнули, когда узнали, что в этот раз будут не орки, а их соплеменники. Другие шли как овцы под нож. Только один набрался духа взбрыкнуть, но пара тумачков быстро его убедила вести себя тихо.

— Почему вы раньше не объявились в Каменной Топи? — видя, что Карагаз непонимающе хмурится, Далур поспешно добавил: — В том поселении, откуда вы забрали людей. Почему не пришли с миром?

— А зачем? Нам нечего им предложить. Грабить их я не хотел, не было такой нужды. Решил, только когда не оставалось другого выхода. Не по нутру мне это. Не могу сказать почему, но не по нутру.

— А как вы их увели с поля? Такая большая толпа должна была оставить следы.

— Большая — да. А вот два десятка пар, сошедших с дороги в разных местах — нет.

— А если бы разбежались?

— У каждого моего воина есть метательные топоры и лук. Люди безоружны и трусливы как овцы. Бояться нечего. Да и потом, в предгорьях, все собрались вместе. Ни у одного не хватило духу попытаться сбежать, — Карагаз презрительно сморщил массивный нос.

— Почему вы просто не уйдёте отсюда? Зачем сидеть у погасшего горна? — задал мучивший его вопрос Далур. — В мире много гор. Как заселённых, так и пустых. Места хватит всем.

— Мы не можем, — зло бросил Карагаз, сжимая кулаки. — Пытались и не смогли. Через несколько лун мы возвращаемся. Всегда. Как во сне. Мы срослись с этими скалами, и гора нас не отпускает.

Далур задумчиво замолчал.

— Карагаз, а что за корни ты отдаёшь торговцам рабами? — нарушил затянувшуюся тишину Далур, внезапно озарённый догадкой.

— Корень цветка. Растёт в трещинах на почти отвесных скалах. Зелёный такой. Сам цветок им не нужен, а вот корни собираем в особые дни, сушим и отдаём им.

— Можно я возьму один небольшой корешок?

— Ты так уверен, что выберешься отсюда живым?

— Я уверен, что ты примешь правильное решение, вождь Карагаз. Ты в ответе за свой народ и не имеешь права на ошибку. Я хочу предложить тебе сделку.

Карагаз мрачным немигающим взором уставился на Далура и выжидающе молчал.

— Ты отпустишь пленных людей. Работоторговцы в этом году, как ни поверни, уже не приедут, а еда тебе нужна. Её тебе дадут в поселении, в Каменной Топи. И они не станут отправлять гонца в большой город, чтобы рассказать, кто похитил селян.

— Не приедут, если ты не соврал, и Караг подтвердит твои слова. Мы хорошо знаем повадки гоблинов, и если что-то смутит его, если ты мне соврал — ты умрёшь.

— Договорились. Но прежде чем ты примешь решение, выслушай меня до конца. У меня есть друзья в Каменной Топи. Вместе мы можем выяснить, что случилось в твоём доме, — Далур выделил последние слова, — несколько веков назад. Ты поклялся туда не ходить, но мы — нет. Что, если ты сможешь вернуться в чертоги своего отца вместе со своим народом? Вернуться как победитель.

— Помолчи, Далур. Мы будем просто ждать Карага. А когда он вернётся, мы поговорим. Может быть, — резко оборвал его вождь и задумчиво уставился в пляшущее в полуразрушенном камине пламя.

Горы вокруг затопил сумрак, на холодном и тёмном небе, сбросившем одеяло туч, начинали поблёскивать самые смелые и яркие звёзды. Далур размашистой походкой почти бежал по скалистому склону, ловко перепрыгивая с одного валуна на другой. Его народ всегда умел передвигаться по скользким и шатким камням. Под ногами других рас они осыпались и скатывались вниз, порой порождая целые камнепады, но широкие ступни тяжёлых дварфов почему-то всегда находили надёжную опору. Деревня Кровобородов, как и тракт, остались далеко позади, и Далур почти бежал в то место, где оставил спутников, чуть не крича в голос.

— Они согласны, — едва повернув за большой камень, сказал Далур поднимающимся ему навстречу людям. — Кое-какой жратвы они сами запасли, но им везли шестьсот пудов всякого зерна и брюквы. К тому же им везли немного грубой ткани и кое-какие инструменты. Карагаз сказал, что они готовы отпустить селян, если им дадут хотя бы половину от этого.

— Это очень много. На носу зима! Гарон столько не возьмет из ниоткуда! Если только из ртов своих же селян доставать, — Адрей взволнованно заходил взад-вперёд.

— Что-то он сможет выделить. Что-то можно закупить в Лесном Пределе. Год был урожайный, желающие продать излишки на торжище найдутся! Только действовать нужно быстро!

— «Закупить»? Ты все проблемы так решаешь? «Если голоден — поешь»? На что закупить? У Гарона нет денег вам за работу заплатить! Ну кое-что он, конечно, соберёт, совсем с пустыми карманами вас не оставит. Но у него точно нет столько монет, чтобы купить жратвы на полгода небольшой деревушке, — Адрей ходил туда-сюда всё быстрее.

— И ещё. Я предложил, и он согласился. Он хочет, чтобы мы помогли ему и разведали, что сейчас происходит в их родных чертогах.

— Если ему так интересно, то какого хрена он сам туда не ходит? Или псов своих грязных туда отправит. Всё равно только сидят в своих камнях, да вшей кормят, — бровь Арди вопросительно поднялась.

— Он поклялся отцу. Что пока он жив, ни он, ни его люди не войдут под эту гору. Слово дварфа крепче камня, — Далур на секунду задумался и торопливо добавил: — Крепче гранита.

— Пустоголовые! Они могли уже столько раз всё узнать и вывести, но сидят на задницах потому что кто-то кому-то что-то сказал? Какое благородство. Больше их благородства только их же непроходимая тупость.

— Слово дварфа крепче камня!

— Да-да. Слышала уже. А ещё наверняка папаша или дед этого самого Карагаза давал слово жить в мире с людьми. Расскажешь мне, как селяне в клетках оказались тогда?

— Да хрен с их словами! Где деньги брать на запасы? — Адрей остановился.

— Надо соглашаться на предложение Флана. Да и насколько я понял, всё сводится к этим чертогам. Отработаем деньги у Флана и будем знать, что рассказать Карагазу. Две заклёпки одним ударом! Дело большое и трудное, пусть старик платит вперёд. Это и потратим на закупку еды.

— И что? За это большое и трудное дело мы, получается, не получим ни одной жёваной монеты? А на кой хрен мне тогда голову совать в пасть хрен знает кому? — Арди недовольно смотрела на Далура.

— Дварфы богаты. Может, в подземельях что найдёшь. Они вроде в спешке бежали, — буркнул Молчун.

— Ладно, может, ты и прав, Молчун. Старые побрякушки мёртвым ни к чему. Только Карагазу ни слова!

Далур нахмурился, но промолчал.

— Ну раз вопрос решён, осталось найти Флана.

— Сам найдёт. Я пока договаривался с Карагазом, его сорока сидела неподалёку, да головой крутила. Я её заметил, так что, думаю, он всё уже знает.

— Ну, значит, ночуем и идём к Гарону. Раз ворон Флана всё слышал, значит, сам Флан где-то рядом и наведается к нам в гости.

— Он как беда, только помяни — сразу приходит, — Адрей, усмехнувшись, указал рукой на прыгающую по камням вдалеке тощую фигуру.

— Ну вот, одной головной болью меньше, — обрадованно хлопнул себя по ногам Далур.

— Как сказать. Он или вечно вокруг нас вьётся, или как-то уж слишком быстро ходит, всегда безошибочно выбирая направление, — хмуро пробормотала девушка, косясь на старика. — Мне не нравится ни одно, ни другое.

Вскоре Флан уже подошёл к отряду и тяжело привалился к валуну, смахивая пот со лба рукавом.

— Уф-ф. Ну вы, почтенные, заставляете старика ломать ноги по каменным осыпям, — он ласково пригладил перья на крыльях севшего на руку ворона. — Ну ладно. Я полагаю, ваше дело движется к завершению и вы, согласно нашей договорённости, скоро будете готовы взяться за мою работу?

— Да. Но нам нужен задаток. Сейчас, — коротко за всех ответил Молчун.

— Деловая хватка! Вместо здарсьте сразу за переговоры! Прелюбопытно узнать, на что же вы в лесу его тратите собираетесь? Обманете старика, лови вас потом по всей стране, как ветра в поле. Знаете ли, это очень сильно утомляет в моём возрасте.

— Мы не спрашиваем тебя, как ты их заработал, так почему должны рассказывать тебе, на что мы потратим? — Арди недовольно поглядывала на Флана.

— О, конечно не обязаны. Как и я не обязан давать вам деньги сейчас. Почему бы не заплатить вам аванс, ну скажем, — он задумчиво почесал кончик носа, — прямо на пороге цели нашего предприятия, там, глубоко в горах? Так что Арди, вы, конечно, не обязаны, но я всё-таки настаиваю. Не праздного любопытства ради. Просто не столь давно случилась у меня одна оказия. Сочти это за небольшую осторожность с моей стороны. Не более того.

— Селян отпустят за откуп едой и инструментом. Чтобы пережить зиму в Каменную Топь нужно будет закупить необходимое взамен отданного.

— И вы им дадите свои деньги? — Флан удивлённо качнул головой. — Поражён. Встречается в наши дни ещё благородство, как оказалось. Каким человеком я бы был, если бы отказал вам в таком благом начинании? Я готов

заплатить вам за всё про всё сто золотых. Из них шестьдесят авансом. Это очень хорошие деньги, и это моё первое и последнее предложение.

— Этого не хватит на триста пудов зерна, — начал было Адрей, но Флан тут же его прервал:

— Первое и последнее. Не выкручивай старику руки, это некрасиво. К тому же торг сейчас, гхм, не совсем уместен. Не находишь? — в голосе старика сквозило недовольство.

— Деньги и вправду неплохие, — задумчиво поскребла шею под платком Арди. — Да, жителям Каменной Топи придётся пояса подтянуть, но с голода точно не пропадут. Я согласна.

— И я, — Далур дёрнул себя за бороду.

Молчун хмуро кивнул.

— Вот и прекрасно! Наконец-то вы приняли это, без сомнений, правильное решение! Мы очень быстро договорились, чувствую, в работе сойдёмся! — из-под плаща Флана появился тугой кошелёк. — Здесь шестьдесят монет. Ещё сорок сразу после того, как разыщем нашу цель и хорошенько там осмотримся. Проверять будете?

Молчун протянул руку, и как только кошелёк упал в неё, мужчина ослабил кожаные тесёмки и принялся тщательно пересчитывать монеты, внимательно рассматривая каждую.

— Это несколько обижает, но я всегда за здоровый прагматизм, — Флан усмехнулся.

— Что?

— Пра... Да ничего. Через сколько вы будете полностью готовы?

— Встреча с Карагазом назначена через шесть дней, начиная с завтрашнего. Сразу после неё мы будем готовы.

— Верно. Шестьдесят, — Молчун затыкнул тесёмки кошелька после того, как закончил с пересчётом.

— Я хочу вам ещё кое-что сказать. Пока вы знакомились с хозяевами здешних камней и грязи, я узнал не самую приятную новость.

— Не успели мы согласиться, как начали всплывать поганые подробности? — Арди подозрительно посмотрела на старика.

— Вы уже успели согласиться Арди. Не подрывай мою веру в вас. И это не поганая подробность, а скорее коррективы вводной информации. Они будут весьма нелишними, так что слушайте внимательно. Я очень заинтересовался этим кодапи и решил взглянуть на него, кхм, своими глазами. Я нашёл в этой части леса несколько его берлог, заполненных костями бедных животных. Своего рода паутина охотничьих угодий, накинутая на лес. В каждом узелке — логово. К счастью, их оказалось не так много. Самое большое и главное логово — то, в котором вы побывали. Но вот незадача: я нашёл места, где он обитает, но не его самого. Кодапи пропал.

Стало очень неуютно. В залитых темнотой скалистых пустошах редко бывает по-другому, но теперь во тьме под каждым камнем мерещилась смерть. Руки невольно взяли за оружие, а головы всех четверых, кроме Флана, испуганно закрутились по сторонам.

— Успокойтесь. Здесь его нет. По крайней мере сейчас.

— А где же он? Ты хочешь сказать, что хреновина из деревяшек, костей и магии пропала и теперь бродит по округе невесть где? — Арди прижалась спиной к огромному валуну, таращась в темноту. — Ты раньше не мог сказать?

— Арди, слова — это прекрасный инструмент и даже оружие. И искусство обращения с ним довольно тонко. Ты же машешь языком, как дубиной, да ещё и без перерыва! Помолчи хоть немного и в эту паузу потрудишься самую малость подумать. Тогда, быть может, тебе станет чуть понятнее происходящее, — неожиданно резко, повысив голос проговорил Флан.

Арди зло стрельнула глазами в старика, но замолчала.

— Ещё у кого-то из вас есть мысли, куда он мог подеваться? — Флан переводил вопросительный взгляд с одного лица на другое.

— Ну не знаю. Убрался домой? Или куда там он мог ещё направиться. Или в Чертог пошёл, из которого бишь вода течёт, — неуверенно прогудел Далур.

— погоди, ты сказал, что он пропал. Вдруг он направился в Каменную Топь! Флан, такое может быть? Если это так, нам нужно остановить его!

Флан устало вздохнул и уставился на Молчуна, кисло улыбнувшись.

— Ну, Молчун, на тебя вся надежда. Ты, кажется, самый сообразительный тут. Да и ответ ты уже знаешь, иначе белеть бы вашим костям среди корней и травы. Не подведи.

— Кровь, — односложно ответил тот.

— Правильно, — удовлетворённо кивнул Флан. — Развивай мысль! В лесу каждый день гуляет смерть и течёт кровь. Конкретнее!

— Большая кровь.

Флан подбадривая кивнул Молчуну и пригладил взъерошенные усы.

— Тракт и стражники.

— Именно! Не зря ты мне показался смышлёным. Я редко ошибаюсь в людях. Поэтому я в них редко разочаровываюсь, на их счастье, — Флан дружелюбно улыбнулся.

— Но погоди, не столь далеко от того места лагерь гоблинов! У них там кровь тоже рекой течёт! Звериная, правда, но не думаю, что этой хреновине есть разница, — воскликнула Арди.

— Вот видишь, насколько чаще приходят толковые мысли, если дать им прорасти сквозь покрывало болтовни? Арди, ты права.

— А ты не мог сказать это сразу, а не ходить вокруг да около, выпытывая у нас уже известное? — недоумённо спросил Андрей.

— Я нанял эту троицу для работы. Должен же я быть уверен, что они способны хотя бы на простые выводы? Вы, на минуточку, не крендель на площади съезть собрались. В любом случае, мне нужно проверить справедливость слов Арди. Как я уже говорил, я хочу посмотреть на кодапи своими глазами. Для начала.

— Ты? Один? А если он нападёт на тебя? Вернее, что будешь делать, когда он нападёт? — Далур поёжился.

— Я в молодости недурно бегал и лазил по деревьям, — Флан холодно улыбнулся. — Авось не пропаду. Да и я сказал «посмотреть», а не «подраться», вам дварфам всё топорами махать. Большая разница, знаешь ли...

— А если кодапи вернётся? Встреча с кровобородами будет в лесу... — обеспокоенно встрял Андрей.

— Думаю, не вернётся. Если мы оказались правы, и он действительно отравился к гоблинам, то еды у него будет много. Но с уверенностью пока сказать, увы, невозможно. Как неизвестно и то, к чему приведёт такое обжорство не самого, признаться честно, доброго создания. Чтобы он точно не вернулся, Андрей, нам нужно выяснить, что привело его к такой, гхм, жизни. Но это ещё не всё. У нас остаётся вторая проблема. Кодапи ушёл. И теперь, когда его нет, насыщенная магией вода беспрепятственно течёт напрямик в лес. Последствия я не могу спрогнозировать. Нам нужно узнать с чем мы имеем дело, для начала, — Флан немного подумал и добавил: — Вам нужно узнать, вы ведь непосредственно к этому причастны. Если бы не ваш фокус с гоблинами, кодапи сидел бы себе в берлоге, да оленей ел. Я уверен, что ответы лежат в горах. И к сожалению, речь теперь идёт не только о старой библиотеке. Ладно, думаю, за шесть дней ничего страшного не должно случиться. Наверное. Так что заканчивайте свою возню, и примемся наконец за дело. Время... — Флан осёкся и замолчал.

Снизу, со стороны далекого леса, чернеющего где-то у самого подножия горы, долетел протяжный волчий вой. Флан внимательно вслушался в тоскливый звук, его глаза возбуждённо заблестели, а из-под усов сверкнули белые зубы.

Вой прекратился так же внезапно, как и начался.

— Не смею больше вас отвлекать и задерживать. Как закончите свои дела — сразу приходите. Не переживайте, в горах я вас найду, ну или изыщу способ передать весточку. Ну, до скорой встречи!

Старик легко оттолкнулся от камня и не оглядываясь заспешил куда-то в сгущающиеся сумерки, пока наконец не скрылся из виду.

— Непростой он, ох какой непростой. Мы ещё не поговорили, а он уже кошель с отсчитанными монетами наготове держит. Не туда мы лезем, чую... — Арди недоверчиво смотрела в направлении камней, за которыми скрылся Флан.

— Тут чуй не чуй, а выбора не оставалось. Да и поздно языками молоть, уже задаток на руках. Кодапи ещё этот. А ведь он прав. По всему выходит, что мы этого кодапи сдёрнули с насиженного места, — Далур поёжился, как-то испуганно оглядываясь. — Я спать теперь не хочу. Небо чистое, звёзды яркие, да и луна вона какая громадина. Вы идти сможете. Предлагаю до полуночи хотя бы сколько-то отмахать. Я с Каразагом времени до встречи заложил впору, но без запаса... Ну, что скажете? Пойдём?

— Да. Там Гарон с ума сходит, его бы успокоить немного. Да и вдруг Флан ошибся, и кодапи попёрся в посёлок. Пойдём. — Андрей принялся поспешно собирать нехитрые пожитки в заплечник.

— Пойдём, — эхом отозвалась Арди.

Молчун кивнул.

Следующие два дня они шли с рассвета и до полуночи, прерываясь лишь на сон и короткие привалы — перемотать портянки и дать чуть-чуть отдыха натруженным и гудящим ногам. Каменные осыпи и валуны постепенно уступали место сначала робкому кустарнику и чахлым деревцам, а потом уже и солидным замшелым великанам, шаловливо щекочущим пузо низким облакам и тучам. Расселины пропали, их место заняли глубокие и многочисленные овраги, а простор вокруг сменился тесно обступившими пугников стволами деревьев. На удачу, небеса только грозились излиться на землю нескончаемыми потоками воды, до дела так и не дошло.

Осень брала своё, и тёмно-зелёный лес стал пестреть жёлтыми и оранжевыми красками, будто сельская баба, которая повязала поверх своего простого платья сразу несколько ярких платков и теперь красуется перед всеми.

Отжившая своё листва легла пока ещё не густым бурым ковром. Она негромко шуршала и похрустывала под ногами, но удача и тут была на стороне отряда, и никто не заинтересовался нарушителями лесной тишины.

На утро третьего дня лес расступился, и вдали показался частокол Каменной Топи. Заприметив вдалеке

несколько человек, идущих по своим делам, Адрей немного успокоился.

Посёлок по-прежнему излучал тревогу. Она, словно густой дым, окутывала все дома и заборы, все лавки и колодцы, погружая всех в мрачное и тягостное ожидание. Изредка встречавшиеся жители поглядывали с надеждой и настороженностью, но никто не решился подойти и спросить напрямую, напшились ли их земляки.

Вскоре показалось добротное крыльцо дома Гарона, на ступенях которого сидели двое. Староста торопливо поднялся навстречу отряду:

— Хвала Держателям Мира, вы вернулись! Ну! Узнали, чего? Заклинаю вас всеми силами, скажите, что да!

Грузный, полноватый мужчина за его спиной сидел, уткнув колючий подбородок в кулаки. Его глаза расширились, словно он узнал кого-то, и он тоже поднялся на ноги.

— Выдыхай, Гарон. Живы твои люди и смогут вернуться домой. Все, — Далур подошёл к старосте в упор и, глядя снизу-вверх, хлопнул того по плечу. — Но времени у нас немного. Кликай своих. Пусть грузят телеги. Триста пудов еды, ещё инструмент всякий. Как придут, я точнее скажу. Это выкуп за твоих. Без него их живыми не отпустят.

Староста изменился в лице и сел обратно на свежие доски недавно отремонтированного крыльца.

— Да как так-то?! Мы тут сами с голоду передохнем до весны. Не все, так половина!

— Кликай, кликай, не тяни! В Лесной Предел небольшой обоз отряди тоже, — Далур аккуратно положил слегка звякнувший кошель рядом с Гароном. — На эти вот деньги купите себе всё что нужно, взамен отданного.

Староста непонимающе смотрел то на Далура, то на Арди, Молчуна и Адрея, то на кошелек. Трясущимися руками он развязал тесёмки и заглянул внутрь. Пару раз он резко выдохнул, дёрнул себя за длинный висячий ус и радостно вскочил на ноги.

Гарон кинулся обнимать всех поочерёдно:

— Храни вас Держатели Мира! Храни от всех бед! Спасибо! Но как я с вами рассчитаюсь? Здесь много денег...

— Потом. Всё потом, Гарон. Сначала вернём твоих по домам, — Далур неловко отстранил от себя расчувствовавшегося старика. — Через три дня Кровобороды приведут их к вашей пристани на озере. Мы должны ждать их там с товарами.

— Ещё кое-что. Своим настрого запрети ходить на север от посёлка. И упаси их Держатели Мира там охотиться, — сказала Арди.

— Мы и так туда не ходим, зелёных сторонимся. Но почему?

— Тут всё не так просто, Гарон. И с кровобородами этими и с... Короче, если вам всем жизнь дорога — запрети. Сейчас некогда объяснять. Как с обозом поедем к озеру, мы тебе расскажем подробнее.

— Пойдём, Гарон, мы тебе поможем, — Адрей взял за локоть старосту, и они заторопились прочь вместе с Молчуном и Арди.

— Я вас догоню! — Далур остался стоять и повернулся к травнику.

— Значит, мой сын тоже нашёлся, и он жив? — глаза Ингвара влажно поблёскивали. На бледной щеке выделялся свежий ярко-розовый рубец.

— Нашёлся, нашёлся, — неприязненно буркнул Далур. — Ты вот что мне скажи, мм ... Почтенный. Что это?

Дварф достал из заплечника небольшую свёрнутую тряпицу и передал её в дрожащие руки травника. Ингвар неуклюже развернул и ахнул.

— Скальный Изумруд!

На ладони травника лежал толстый корешок с тёмно-зелёным матовым срезом.

Полуденное солнце несмотря на осень всё ещё щедро делилось теплом, и Далур, привалившись к перевёрнутой лодке, задремал. Ласковый ветер приятно обдувал лицо и негромко шуршал опавшей листвой. Водная гладь озера покрылась бессчётными искрами солнечного света и слепила.

— Уже полдень. Где их носит? — Арди теребила платок на шее, то и дело оглядываясь на лес.

— Придут. Солнце только встало в зенит, — Адрей прикрыл глаза и посмотрел на небо. — Волнуешься?

— Заволнуешься тут. Что у них на уме? Вроде и договор есть, а всё равно не очень-то мне спокойно.

— Далур вон смотри как спокоен, — Адрей коротко хохотнул.

Молчун усмехнулся.

— Он не спал сегодня всю ночь. Да и в прошлую кое-как. Сморило нашего дварфа. Пусть немного сил наберёт, пока не пришли его менее добренькие собратья, — ответила Арди. — Гарон-то готов? На нём лица нет.

— Боится. Он мужик крепкий, даже в чём-то суровый, но этих кровобородов видно, что побаивается. Хотя и не видел. Да и истории про кодапи он не сказать, что обрадовался.

— Надеюсь, что история с кодапи для него так и останется страшной историей. Далура зато с разбитой рожей видел. И рассказ наш слышал. Да и не верит он им, кровобородам этим, ой не верит.

— А куда деваться?

— Некуда.

— То-то и оно.

Гарон с небольшой группой смелых мужиков из охотников и лесорубов стояли кучкой около повозок, нагруженных мешками и свёртками. Увидев, что Арди смотрит на него, он махнул рукой.

Девушка махнула в ответ.

— А он уверен, что сможет докупить еды для Каменной Топи? Не опрометчиво было отдать половину своих припасов, не дождавшись возвращения ходоков с купленной едой?

— Денег, которые мы получили от Флана, должно хватить. А у Гарона в Лесном Пределе свояк живёт, который сможет пособить с покупкой. Ничего, с голода не помрут за зиму. Это главное. Да и времени не было, сама понимаешь.

— Понимаю... Не понимаю только, почему за мой счёт это происходит...

— Да брось. Ты же согласилась. Да и деньги не все ушли, только задаток. Как работу сделаем, ты свои монеты получишь. Зато стольким людям поможешь! Неужели это тебя никак не утешает? Это добрый поступок хорошего человека.

— Только это и утешает, — Арди кисло усмехнулась. — Необдуманый поступок слабовольной дуры. Опять пошла на поводу... Да и сомневаюсь я, что стоит голову в улей совать. Ну да ладно. Сколько можно мусолить? О! Ты смотри, любопытный какой! Ничего пропускать не хочет, — она указала на ворона с одной лапкой, тяжело севшего на конёк ближайшей крыши.

— Ну так ждёт нас...

— Идут, — тихо бросил Молчун.

Из дальних зарослей появились пять невысоких квадратных фигур и остановились. Раздался низкий окрик на грубоватом дварфийском языке.

Далур встрепнулся и, увидев пришельцев, подбежал к Арди и остальным. Гарон взволнованно ткнул пальцем в сторону кровобородов, и люди вокруг него возбуждённо заговорили.

Вслед за первой пятёркой появились ещё несколько дварфов, среди которых безошибочно угадывался выделявшийся ростом Карагаз. Затем из леса вышли связанные по рукам люди, которых вели вооружённые кровобороды. Вся нестройная толпа направилась навстречу.

— Два десятка. Их всего два десятка! Мы их могли бы прямо сейчас перебить, — Адрей возбуждённо дёргал пояс с привешенной булавой.

— Посмотрел бы я на тебя. Если судить по Карагазу, эти ребята дерутся как бешеные. Ты, конечно, не обижайся, но мужики из Каменной Топи им совсем не ровня.

— У нас семь лучников!

— Не начинай, а? Говорено уже не раз. Даже если и получилось бы их пострелять, и не пострадал бы никто из наших, а я в этом очень сомневаюсь. Луки и у них есть, да и топоры метают, скорее всего, будь здоров. Ну так вот, даже если и получилось бы, то что-то мне подсказывает, что они обиделись бы и не далее, чем завтра пришли бы к Каменной Топи, а дорогу они знают, и вырезали бы там всех. Ты готов на такое? Это если кодапи раньше не почует.

— Далеко он, не почует! Флан говорил...

— Ты уверен? Готов рискнуть?

Адрей потупился и недовольно что-то пробормотал.

— Ну вот и они. Пошли нам Держатели Мира удачи! — подошёл Гарон. — Надеюсь, до железок не дойдёт. Я за своих, как староста, головой отвечаю, — он поскрёб колючий подбородок и как-то растерянно зацепил пальцы за пояс. — Я мужикам сказал, они начеку.

— Ты, Гарон, главное, не бойся. Или не показывай. Всякий дварф презирает трусость, — Далур криво улыбнулся. — А Карагаз — тройне. И лучше не ври. Так что... Ну ты понял. Всё будет хорошо.

— Не бойся... Сказать — оно завсегда проще. Ну да выбора не дано.

Сзади от телег долетали обрадованные возгласы, когда кто-то замечал лицо пропавшего друга или родственника. Кровобороды с пленными быстро приближались. Гарон что-то быстро шептал одними губами.

— Наверде все, кто пропал там. Лиц всех не видать, но голов столько же насчитал.

Кровобороды остановились в паре десятков шагов, невысокий, но грозный вал мехов, встопорщенных красных бород и тусклого блеска топоров. Над ними виднелись лица перепуганных селян.

Вперёд тяжёлой походкой вышел Карагаз. Мускулистая рука предупредительно замерла на топоре, привешенном у пояса. Второй он указал себе за спину и заговорил на плохом, но вполне различимом общем, немного коверкая слова.

— Я Карагаз! Вождь Кровобородов, сын Карагаза Железной Руны! Я воин и тот, кто держит в своём кулаке

жизни этих людей! Далур предложил мне сделку от вашего имени. Я согласен! Но Далур — вестник. Я хочу говорить с предводителем!

Гарон немного промедлил, зажмурился и сделал охранный знак. Выдохнув, он высоко поднял голову и пошёл навстречу Карагазу.

— Я Гарон, сын Парина и Лейны. Я землепашец и староста этих людей. Я отвечаю за их благополучие. От моего бишь имени говорил Далур, предлагая тебе, Карагаз, зерно и инструменты. Говорить ты будешь со мной.

— Землепашец? — губы Карагаза презрительно скривились. — Как землепашец стоит над этими людьми? Почему? Не сам же ты взял это место. Куда ты можешь их привести? А, Гарон-Земляник? Жизнь — это сражение. Какие бои ты можешь выиграть?

— Я проведу их к сытой зиме. К торговле и процветанию. Мои бои не против ратей и головорезов. Мой бой против земли и непогоды. И в этом сражении плуг, цеп и мельница куда как сподручнее и желаннее, чем сотня боевых топоров и луков. Поэтому ты согласился и пришёл, сын Карагаза Железной Руны. Тебе не победить голод, как мне не победить тебя.

Гарон стоял подняв голову и выдерживал тяжёлый взгляд Карагаза, лишь чуть подрагивающие руки выдавали его.

— Что мешает мне перебить всех и забрать зерно сначала у вас, а потом из ваших амбаров? — негромко, но отчётливо процедил Карагаз.

— Данное слово. Слово дварфа крепче любого камня, так навряд же говаривали. Это же будет поступок труса и предателя. И это будет глупый поступок, недостойный вождя, подобного тебе. Зима вернётся, Карагаз, как и голод с пустотой в животах. Они всегда возвращаются. И в этой войне я умелей, а не ты. Повторюсь, тебе не победить голод, как мне не победить тебя.

— Верно говоришь, Гарон-Голова. Я сдержу слово. Дварф всегда держит слово. Если всё, о чем мы говорили, в повозках — я отпущу твоих людей.

— Не только дварфы знают цену слов. Всё на месте.

Карагаз сделал знак рукой, и пять Кровобородов быстро засемили к телегам.

— Дайте им пройти! — крикнул Гарон.

Впрочем, нужды в этом не было. Мужики шарахнулись от дварфов, как от зачумленных мертвецов, и дружно отошли в сторону. Кровобороды, гортанно рассмеявшись, принялись проверять количество и содержимое мешков и тюков. Вскоре один из них что-то прокричал на дварфийском и махнул рукой.

Карагаз оглушительно свистнул, и из леса повалили ещё кровобороды, всё при оружии, но также с коробками и носилками.

— Двадцать, говоришь? Пострелять прямо сейчас? То-то смеху было бы, — процедила Арди и пихнула Адрея локтем в бок.

Вождь сделал знак, и кровобороды начали резать верёвки на запястьях людей. Изученные, грязные, всё ещё не верящие, что всё закончилось, они сначала неуверенно, затем всё быстрее устремились к своим односельчанам.

— Возвращайтесь домой! Трое пусть останутся при мне, а остальные — проводите их. Как только освободятся телеги, мы вас догоним! — Гарон крикнул своим.

К старосте твёрдой походкой подошёл Карагаз. Теперь, когда он встал возле человека, стало видно, что дварф лишь немногим ниже Гарона, зато почти вдвое шире.

— Хороший день, а, Гарон-Голова? Для всех нас. Ты правильно сказал, что зима возвращается. Она вернётся в следующем году, и голод снова запоёт в наших животах. Нам снова нужна будет еда. Что ты скажешь на это?

— А что же я могу сказать? Я не смогу кормить вас, нам самим не хватит. Просто так еда нам не даётся, и вот так отдать её мы не в праве. Сменять или купить — это другое дело. На ярмарку в Лесной Предел каждый год мотаемся, там много чего можно купить...

— Я воин. Как и все мои дварфы. Мне нечего тебе предложить.

— Так ли это, Карагаз? Ты дварф. Дварфу всегда есть что предложить, будь то какой товар или топор на службу.

— Я приду к тебе на следующий год, сразу как сойдёт снег. Будем говорить о еде. Крепко подумай, Гарон-Голова, — мрачно бросил Карагаз и, развернувшись, быстро зашагал к своим.

Поблудневший Гарон остался стоять на месте, растерянно ощупывая пояс.

— Если нам повезёт в нашем деле, им будет чем платить за еду. Не волнуйся, Гарон, всё будет хорошо, — Далур сжал в своей большой ладони руку старосты. — У них уже есть, просто они сами того не знают.

— А если нет, мы пошлём весть войскам! Пусть присылают свои сотни и говорят с ними на понятном языке! Грабить им никто не позволит, — тихо, чтобы не услышал удаляющийся Карагаз, сказал Адрей.

— Я вас никогда не забуду, клянусь Держателями Мира! Денег у нас нет, но мы вам отрядим пушнины и икры, рог и кость... На следующий год. Продав это в большом городе, в накладе не останетесь! Благослови вас все силы

земные, небесные и хрен знает какие ещё! — зачастил Гарон с блеснувшими на глазах слезами. — Если бы не вы...

— Далур! До деревни пойдёте с нами. Солнце лишь чуть пройдет по небу, как выступаем! Когда будем дома, мы поговорим про твоё обещание. Спутников зови. Рады им не будут, но не тронут. Если сами не напроятся. Моё слово, — громогласно крикнул Карагаз и принялся раздавать указания своим.

— Да, — крикнул Далур и чуть помедлив добавил: — Вождь.

— Вождь? — выгаращила глаза Арди. — Ты, никак, не проснулся ещё? Али съел чего?

— Проснулся, — проворчал Далур. — И со вчерашнего завтрака не жрал ничего, кусок поперёк горла встаёт. Я помочь им хочу. Останусь, может, чтобы дел не наворотили. Эти примут. Пока правды про меня не узнают, а сказать им некому. Ну да рано об этом. Сначала Фланово золото отработать надобно.

— Ну точно, — Арди выразительно цокнула языком. — Опять свою любимую песню затянул. Только теперь с этими вот жить хочет. Ты в своём уме?

— В своём! — отмахнулся Далур. — И нечего ко мне лезть!

Арди лишь махнула рукой.

— Как скажешь.

Далур перевёл разговор.

— Флан сказал, за деревней Кровобородов на нас выйдет, а куда сами. Тем паче вон сорока его головой крутит, авось не потеряет. — Далур наконец заметил птицу.

— Кстати, о птичках, — Арди перевела взгляд на Адрея. — Ты как? В монастырь свой отправишься или Гарону пособишь в Каменной Топи? Дело сделано, селяне твои по домам идут.

— Сама-то как думаешь? — отгрызнулся тот. — Ты за кого меня принимаешь? Я с вами теперь, пока по совести долг не верну. Вы всю свою плату от Флана отдали. Да и опасность для посёлка не миновала. Скорее наоборот. Так что не оскорбляй меня своими сомнениями!

Арди промолчала. Молчун ухмыльнулся. Далур обрадовано хлопнул Адрея по плечу.

— Вот и славно! От помощи отказываться в нашем деле себе дороже! Ну, ходу!

Прошло совсем немного времени с момента прихода Кровобородов, но они уже растащили с телег все мешки и свёртки, разложили их по носилкам и закрепили на широких сильных спинах. Карагаз обвёл всех внимательными серыми глазами и громко что-то рявкнул на дварфийском. Толпа кровобородов одновременно качнулась вперёд, ноги в меховых обмотках тяжело оттолкнулись от земли, и дварфы ходко направились к сплошной стене деревьев на севере.

— Что он сказал? — Арди приходилось поторапливаться, чтобы не отстать от неожиданно быстро идущих кровобородов.

— Сказал, что следующий привал будет завтра в полдень. В их деревне, — Далур поправил на плечах трёхпудовый мешок с зерном, принаравливаясь к темпу ходьбы.

— Мы пустые туда дальше шли. Он совсем умом тронулся? Да тут на каждом по несколько пудов груза!

— Если мы будем идти не останавливаясь на ночёвку, мы успеем, — равнодушно, как о чём-то само собой разумеющемся, ответил Далур.

Они шли. Шли не сбавляя скорости, лишь два раза остановившись для того, чтобы закинуть в рот по полоске вяленого мяса и запить водой. Мир сжался до вдохов и выдохов, до шелеста сухой листвы под ногами и неумолимо тянущего к земле груза. Кровобороды, словно духи леса, двигались большой нестройной толпой, в полном молчании и не выказывая никаких признаков усталости. Лишь дыхание было чуть тяжелее, чем обычно, и лица над красными бородами, казалось, перенимали их цвет.

Шаг.

Ещё один.

До тех пор, пока цель не будет достигнута.

Деревня Кровобородов осталась далеко внизу и позади, вместе с хмурыми и неприветливыми лицами, грубыми каменными хижинами и Карагазом, который заставил всех четверых поклясться в том, что те не тронут ничего в древнем чертоге и не станут разворовывать вещи его предков. Уже давно перевалило за полдень, и солнце ползло к горизонту, рождая причудливые тени от острых разбросанных тут и там камней.

— Как не хватает зелени. Хоть рощица какая задрипанная попалась бы. На виду идём, как безумные, — Арди с чувством пнула камешек, и тот задорно подпрыгивая устремился вниз по тракту.

— Никак соскучилась? Пару дней, как ушли из лесов, а ты уже? — Далур коротко хохотнул и с лаской посмотрел по сторонам, на каменистые склоны и ущелья. — А мне тут по нраву. Хоть гоблин из-под куста не лезет.

— Зато орк лезет. А он, говорят, здоровее и злее. А, Далур? Врут, как думаешь? Или все узнаем скоро? — едко спросила девушка.

— Я-то тут причём? Может, и узнаем. Карагаз говорил, они через полдня пути, направо от путевого камня попадаются. Да и то не так часто. Топором учёные.

— Этих научишь, как же.

— Нам-то налево надо, аккуратно по тракту. Так и топтать не сходя, пока он не закончится, да в старые ворота не упрёмся. А мы пока не дошли даже до развилки.

— Считай, дошли, — Молчун указал на выглянувшие из-за поворота два огромных стоящих один на другом валуна.

Даже издали было видно, что на поросших густым ковром мхов телах древних камней вытесаны руны и знаки, но какие именно издали разобрать не получалось. Тракт перед путевым камнем сворачивал влево и терялся в очередном ущелье. Направо же в безумное нагромождение валунов ныряла небольшая, но различимая тропа.

— О! Ты гляди-ка! Сидит, как на пикнике! Точно пастух на лугу близ деревни, — Арди указала пальцем на небольшую фигурку, что-то жарящую на костерке.

— А ты говоришь, орки. Нет тут никого. Этот умник как тогда сказал? Много глаз, и видит всеми? Стало быть, вокруг никого опасного. Ну кроме нас. Вот все и попрятались, — Далур сделал страшное лицо и округлил глаза. Опухоль с разбитого лица только стала спадать, болячки на заживающих губах и повязка на ухе совсем не добавляли ему внушительности, и Арди рассмеялась.

— Воистину, отряд великих воинов, именуемых Бегущие От Гоблинов и Принимающие Тумаки. Как тут не испугаться вражинам!

Запыленные и угрюмые лица озарили улыбки.

Потянуло жареным на углях мясом, и животы дружно поприветствовали этот аромат громовым урчанием.

— Где только мясо тут поймал... Не на себе же пёр, — Арди сглотнула обильную слюну.

— Это только кажется, что горы пусты и безжизненны. Даже в самых скалистых уголках животные находят себе дом. А тут их и охотники находят, ну если умелые. А этот хрен с животными... Сама же знаешь, видала всё.

С каждым шагом привал Флана обрастал деталями. Как и всегда он был налегке, тёплый шерстяной плащ огромной тёмно-серой гусеницей лежал рядом. В центре костра светился плоский камень, на котором аппетитно шкварчала целая шеренга полосок мяса.

— Вы как раз вовремя, почтенные! — переворачивая кусочки поприветствовал их Флан и взглянул Арди в глаза, — как говаривают в Левнаре, — его взгляд тут же переместился на остальных, — пунктуальность — это уважение ко времени, а время — это всё, чем располагает человек. Ну не только человек, конечно, но суть, думаю, всем ясна. Ммм. Ещё немного, и можно будет отведать сей скромный обед. Молодая самочка горной козы попала к нам на стол, и смею предположить, что мясо будет не слишком жёстким.

— Ты чего, Арди? — Далур мягко коснулся плеча девушки.

— Я? Эм-м... Нет, ничего. Задумалась. Вернее, всё никак привыкнуть не могу, что Флан всегда следит за нами...

— Ну, мы это уже проходили. Я бы выразился иначе. «Сопровождает», «наблюдает» — есть множество других прекрасных слов, не столь скверно звучащих, но способных в полной мере передать суть.

Молчун покосился на Арди и уселся возле костра. Кинжал скользнул в ладонь, и мужчина быстрым движением поддел аппетитно пахнущую полосу мяса, с которой капал шкварчащий жир.

— Манеры, конечно, ещё те, но я бы брал пример с Молчуна. Тут нам всем хватит, смелее, не стойте же. Сразу после трапезы мне будет что вам сказать.

Уговаривать не пришлось, и вскоре во всю силу заработали челюсти. Мясо действительно оказалось нежным и сочным. К тому же Флан его посолил, что в переходах не всегда случается, а ароматы дымка и свежий горный воздух, наложенные на здоровый аппетит, сделали вкус еды невероятно приятным.

— Уф-ф — Далур залез мизинцем в рот, пытаясь вытащить кусочек мяса, застрявший между зубов. — Кажись, обед одолели. Ну, Флан, рассказывай, что хотел, — Дварф откинулся на булыжник за спиной и сложил большие руки на животе.

— Прежде всего я хочу прояснить вопрос вот с этим молодым человеком. Адрей, кажется? Я не рассчитывал на оплату твоих услуг и уже растратил все запланированные бюджеты. Иными словами, заплатить я не смогу. Хотя, я полагаю, есть другие причины, кроме денег, которые простимулировали тебя прийти?

— Об этом не беспокойся, Флан. Мы это уже обсудили. Всё нормально. Я здесь бесплатно. В уплату долга совести. Пока Каменной Топи что-то угрожает, я с вами.

— Ну и славненько! Большое дело затеяли, ох большое, и от дополнительной помощи, видят Держатели Мира, я не откажусь!

— Что с кодапи, Флан? — прервал его Молчун.

Старик помрачнел, все кости на его и без того худом лице проступили настолько, что грозили прорезать морщинистую кожу.

— Нажрался, как лис в курятнике. Тролль, знаешь ли, ему оказался совсем не соперником. Я чувствовал его, но он так и не показался и, увы, никак не отреагировал на меня. Либо спал, либо... Неважно. Думаю, у нас есть какое-то время, прежде чем он снова проявит себя.

— Это точно? В Каменную Топь он не сунется? — Арди недоверчиво смотрела на Флана.

— Не должен, — равнодушно отмахнулся старик. — Давайте наконец перейдём к самой сути. Раз уж мы стоим, можно сказать, у порога, и все решения уже приняты — будем говорить начистоту. В общем, должны были меня сопровождать совершенно другие господа. Умелые, сработавшиеся, по рекомендации. Но наёмники публика своеобразная, да и не всегда умная, уж простите мне подобные высказывания. Вот, видимо, мне попались как раз такие. Ничего не смыслящие в деловой этике, ценности репутации и прочих чрезвычайно важных вещах. Решили, что получение весьма солидного аванса — это все деловые отношения, которые нас с ними связывают. Но этот поступок им ещё аукнется. Вернусь только в Андарию и потолкую и с рекомендателем, и с этими... Видано ли! Нагреться на бедном старике! Никаких норм морали у них нет! Ну да ладно, пока что это на их совести, а по моему возвращению вопрос уладим. Вот, значит, вместо их услуг я воспользуюсь вашими.

— Нам-то какое дело? Тебя кинули, ты и разбирайся. Для нас это что меняет? Ты нам уже заплатил, и заплатил за конкретную работу. Более того, эти деньги в наших карманах не задержались, и вернуть мы их тебе не сможем. Значит, как оговорено, быстро смотрим, что там под этими горами в старых залах, и разбегаемся. Каждый в свою нору.

— Ну Арди, куда ты так торопишься? Дай же старику договорить! Не все нанятые мною спутники оказались столь недалёковидны. Ещё двое куда бережнее отнеслись и к своему слову, и к репутации. Они будут здесь через несколько дней.

— Так и что? Нам тут задницы на камнях просиживать пока ждём?

— Не перебивай! — обычно мягкий голос обжёг хлыстом и сразу потеплел. — Арди, я ваш наниматель. Давай ты хотя бы попробуешь блюсти субординацию. Ну так вот. Эти двое не люди. Один — эльф с далёкого юга. Как отсюда до Левинара, и ещё раз столько же. Очень талантливый молодой эльф. Ну как молодой... Годков ему под сто, но для этого народа он ещё сущий сопляк. Его услуги дороги, но это оправдано его умениями. Он знаток и практик оккультных учений. Люди менее искушённые и более закостенелые скажут проще — колдун. Я очень надеюсь, что у вас с ним не возникнет сложностей, учитывая эльфийскую заносчивость. В первую очередь этот вопрос адресован тебе, Далур. Ваши идеологически разные взгляды на жизнь и мироустройство не единожды становились причинами больших конфликтов.

— Лично мне зла от ушастых не было. Если сам ко мне не полезет, то всё будет хорошо. Ручаюсь.

— Хорошо. Надеюсь, что с вами, господа и дама, тоже. Ну и ещё один наш будущий компаньон — взломщик и инженер. Как я уже говорил, он тоже не человек. Полурослик. Большой специалист своего дела, но озорной до неприличия. Предупреждаю сразу: некоторые его проказы и шутки могут вывести из душевного равновесия. Но я настаиваю. Нет, я требую! Никаких конфликтов внутри группы. Уж тем более никакого рукоприкладства. С ними я тоже это всё обсужу. Ну а теперь о наших планах и первых шагах. У меня есть ещё кое-какие дела здесь, на поверхности. Помимо прочего, я должен встретить недостающих членов отряда. Вы же тем временем по указке наших почтенных Кровобородов дойдёте по тракту до врат и заглянете внутрь. Разведаете обстановку, чтобы у нас было хоть какое-то понимание, чего нам ждать по первости. Глубоко не ходить! Как я уже говорил, есть стойкое ощущение, что там всё очень непросто. И потом возвращайтесь на поверхность и ждите нас у врат. Такой первый, подготовительный этап. Когда соберёмся все, я расскажу больше. Но только когда соберёмся, не хочу повторяться.

— С этим всё ясно. Флан, ты ведь уже всё знаешь об этой местности? Не поверю, что нет. Далёко нам топать до этих врат? Свободна ли дорога?

— Твоё внимание к моим привычкам делает тебе честь, Арди! — худое лицо Флана расплылось в широкой улыбке. — Нет, не далеко. Сразу за тем ущельем небольшая долина. На её противоположном конце собственно врата. Да, дорога свободна. Ну по крайней мере очевидных и самых нежелательных опасностей нет.

— Тогда нет смысла терять время. День в разгаре, и за сегодня мы ещё много можем успеть. А, парни?

Молчун коротко кивнул.

Адрей угукнул, энергично жуя очередной кусок мяса.

— Не налегай. Нас работа ждёт. Обожрёшься так, что будешь напоминать беременную корову, что с тебя толку будет? А?

Мужчина отмахнулся, сказав что-то невнятное, но за следующим куском не полез.

— Раз дело только за мной стало, то пошли, — Далур легко поднялся на ноги и закинул на спину мешок. — Я готов.

Глава 9. Воля

Заходящее солнце скромно выглядывало из-за спин в попытке хоть что-то выхватить в угрожающем мраке проёма врат и осветить древние камни, вдохнуть в них хоть немного жизни.

— Ну вот и дотопали. Конец тракту, — прогудел Далур с благоговением. — Вход в гору, в дом моего народа. Конец пути на земле. Солнца больше не будет.

Ущелье, ведущее из долины, перекрывала крепость из тесанного, хорошо подогнанного камня, густо заросшего мхом. Меж толстых зубьев, венчающих стены, и в провалах бойниц башен играл вечный и невидимый хозяин горных долин — ветер.

— Поразительно. От кого они тут хотели отбиваться? От драконов? От Держателей Мира? Не могу представить себе армию, которой под силу взять штурмом такое, — Адрей восторженно разглядывал укрепления. — В Лесном Пределе шалаш, а не замок, в сравнении с этим...

— Штурмом дварфийские крепости не берут. Осадой тоже, — не скрывая гордости, веско сказал Далур. — В наши цитадели ведёт множество ходов, лазов и пещер. Припасы всегда поступают, как и бойцы на смену павшим. Ну если только эта крепость не осталась последней на захваченной земле. Наши бастионы пасуют только перед сильной магией. И перед предателями. Хотя отсюда не видать, там есть ещё одно кольцо стен. Боевые машины на башнях и полным-полно подарков захватчикам... Так что прорванное первое кольцо ещё ничего не значит.

— Но крепость мертва, — не обращая ни к кому пробормотала Арди.

— Так я и говорю, виной всему может быть только магия. Со слов Флана, так оно и выходит. Единственная сила, с которой дварфийскому топору не совладать, — печально проговорил Далур.

— Что нас там ждёт?

— Это наземная часть. Тут — немного. За первой стеной обычно пустое место. Ярмарку провести там, или празднество какое. Оно до второй стены. Её обычно ставят под уже сомкнувшимися стенами ущелья, чтобы сверху нельзя было никак напасть. За второй стеной склады, казарма стражи, кухня, арсенал и тому подобное. А вот после всего этого вход в Гостевой Чертог. Там останавливаются те, кто решил посетить нас, и кого пустили. Торговцы, послы и прочие. Дальше не дварфу хода нет. Только самым важным гостям, отдельным тоннелем в Зал Клана. Для остальных Гостевой Чертог — это черта, которую не перейти.

— Значит, нам свезло? Увидим недоступное другим! — отозвалась Арди.

— Не знаю, есть там ещё что-то, на что можно глядеть? — Далур указал толстым пальцем на лежавшую на земле воротину: — Но вход открыт.

Молчун, не проронив ни единого слова, уверенно пошёл к воротам. Остальные заторопились следом.

— Гостевой Чертог уже под землёй? Ну, в смысле, там темно?

— Днём сумрак. Вырубленные окна и ещё кое-какие хитрости дают чуть света. Ночью — сама понимаешь. Так было у меня дома. Но нам свет так сильно не нужен, а для гостей есть факелы и Каменные Слезы.

— Что это?

— Прозрачные кристаллы. Руны заставляют их светиться. Не думаю, что они ещё живы... Так что вас ждут только факелы и мои подсказки.

Ветер безумно выл на древних стенах, стараясь прогнать незваных гостей, бесцеремонно мешающих его играм. Стена росла, угрожающе нависая над ними, и вскоре они миновали лежавшую на земле воротину. Все четверо, опасливо ступая, вошли в чёрный зев врат крепости. Сразу за ними оказалось пустое стиснутое меж двух толстенных стен пространство. В бойницах наверху проглядывались крупницы света и виднелись желоба, назначение коих угадать было нетрудно: лить кипящее масло на головы штурмующих.

— Проклятый ветер! Чтоб ему! Воет, как перепивший сумасшедший. Даже жутко как-то становится в таком месте да с такими звуками, — её голос взлетел под потолок и эхом вернулся обратно.

— Горы. Привыкай.

— А ты, смотрю, Далур, не особенно волнуешься под землю-то переться невесть к кому?

— А с чего? Я-то домой иду. Утраченный дом моего народа, как ни крути. Да и камень милее неба. Хотя признаю, оно прекрасно. Особенно ночью или в бурю...

— Ого. Дварф-то наш — тонкая натура. К прекрасному тяготеет, — хохотнула Арди, но тут же осеклась. — Ладно, шутки шутками, но мы здесь не на прогулке.

Молчун лишь хмыкнул.

— Как оно ещё не развалилось? Стены всё ещё выглядят крепкими... Я не могу найти места, где был бы нужен ремонт кладки. Поразительно, — едва слышно бормотал Адрей, крутя головой.

Выход из уютной каменной кишки перекрывала проржавевшая решётка, на удачу поднятая кем-то столетия назад да так и оставленная приоткрытой.

За первой стеной, странными грибами с громадными шляпками, весь двор был заставлен каменными ларцами. Тут и там на замшелых плитах желтели кости вперемешку с ржавым металлом, в котором лишь по очертаниям угадывалось оружие.

— Похоже, тут была ярмарка, — Далур поднял крышку одного из ларцов. Тот оказался заполненным неоднородной пылью.

— И бой, — Молчун носком сапога аккуратно перевернул явно проломленный череп.

— Этот череп явно дварфийский, — Адрей сел возле большой кучи костей. — А вон тот уже нет. Человеческий.

— Точно ярмарка!

— А вот этот не знаю чей...

— Орочий! — Далуру хватило одного короткого взгляда.

Руки потянулись к оружию. Но врагов вокруг не было. Лишь ветер посылал им свои проклятия.

— Этим костям очень много лет. Хотя вот эти орочки, вроде, свежее, — Далур внимательно разглядывал большой череп с характерными клыками и расколотой надбровной дугой.

— Это ты как понял?

— Мне так кажется, — Далур немного смутился. — Да и что делать оркам на нашей ярмарке, а? Скорее всего, они пришли позже, когда здесь уже не было рук, готовых вбить в их зеленые головы добрую дварфийскую сталь.

— Ну раз кажется... Только кто тогда ему голову раздолбал?

— Да я-то почём знаю? Я что, всё на свете должен ведать? Может, ещё орки были тут, и они передрались.

— Может...

— Вторые ворота тоже настезь. Ну, пошли уже? — Арди было явно неуютно, она тревожно крутила головой. — Мы здесь не на старые кости смотреть. Давайте что-то свежее найдём.

Постройки во внутреннем дворе сохранились не в пример хуже самой стены и врат. Крыши прогнили и частично обрушились, разбросав вокруг обломки черепицы. Перекрытия обвалились и рассыпались в пыль под бременем лет. Кое-где стены старых зданий не устояли и теперь лежали на грязной мощёной площади, обнажая мёртвое и серое нутро строений.

Костей стало не в пример меньше, но всё-таки то тут, то там взгляд наткнулся на грязно-жёлтый остов, щерящийся с земли черепом.

Холодом в спину Далуру упёрся осуждающий взгляд, который дварф мгновенно узнал.

— Пришли. — едва слышно прошептал Далур, но на пустой площади его слова прозвучали почти криком.

— Что? — встрепенулась Арди.

— Говорю, пошли. Вон, за той развалиной, кажись, ещё ворота торчат. Если тут всё, как у нас — они и должны вести в Гостевой Чертог.

Осторожно ступая, боясь потревожить древние кости, они медленно добрались до третьих, распахнутых настезь ворот, прилаженных на входе в пещеру. Молчун достал огниво и факел.

— Пока всё будет просто. По главному тоннелю до Гостевого Чертога. Он должен быть недалеко. В боковые сходы не поворачиваем! Их, скорее всего, тут полно, и заблудиться можно запросто. Особенно вам, в темноте. Умеет кто под землёй ходить?

Неуверенные взгляды и отрицательные покачивания головой.

— Значит, слушаем меня. Нас ждёт темнота. Полная и беспросветная. Так что факелы стараемся экономить. Тишина. Тяжёлая, сводящая с ума тишина. Но пока нас четверо, это не страшно. Да и на ходу хоть сапоги скрипят, да кольчуга звякает. А вот у одиночек, особо на привале или ночёвке, и ум за разум заходил, бывало...

— Хоть что-то хорошее. Головой не тронемся пока вместе, — кисло улыбнулась Арди.

— Ага, Кровобородов вспомни. Думается, не от темноты они... — начал было Адрей.

— Я буду объявлять привалы, — Далур перебил, не обращая внимание на разговоры. — Я привычный к течению времени под землёй, а вот вы и не поймёте, одна ночь прошла или все три дня. Гора легко убьёт неумеху. Измотает, сведёт с ума и заведёт в пещеру, где истощённый бедняга, не заметив расщелину, улетит на камни далеко вниз. Или навсегда заблудится в тёмном чреве горы.

— Нахрен вы здесь живёте? — искренне удивилась Арди. — Затхлый воздух и пыль. Это если про обвалы ещё не вспоминать.

— Здесь наше богатство. Здесь мы становимся сильными. Становимся собой. Здесь дом, Арди. Гора породила нас и проверяет насколько крепки её дети. Она давит тебя. Если ты дал трещину — тебе не место в клане. Ты не дварф. Ты — брак, сломанная заготовка, которой уже никогда не стать предметом гордости своего народа, — низкий голос дварфа садился ещё больше, а могучие плечи ссутулились.

Молчун с силой хлопнул того по широкой спине и ободряюще улыбнулся.

— Пошли. Факел горит, и время выходит. Нам без тебя тут не справиться. И, Далур, я горд тем, что знаком с

тобой. Вина, она как ржа. Со временем сожрёт даже самый толстый металл. Подумай.

Он ещё раз сильно хлопнул дварфа по спине и шагнул в тёмный коридор, рассеяя по стенам пляшущие тени от факела.

Коридор тянулся бесконечно. Узкие ответвления сменяли друг друга, но отряд не сходил с широкого и удобного прохода, немного изгибаясь ведущего вперёд. Украшенные искусной резьбой каменные стены потрескались и сплошь заросли тёмно-зелёным, почти чёрным мхом. Он сжирал тусклый свет одного-единственного факела и впитывал звуки шагов, как только те пытались отразиться от его бархатного покрова.

— Стоп! — Далур выхватил боевой топор и встал как вкопанный, уставившись в темноту впереди. — Там кто-то сидит на полу.

Оружие в один миг выхватили и остальные.

— Он свежее, чем прочие, — подошедший ближе Далур негромко бросил через плечо. — Смотрите.

Свет факела наконец дотянулся до застывшей на полу сгорбленной фигуры. На полу сидел мертвец. В ещё не истлевшей одежде он, отвернувшись, смотрел куда-то вглубь тоннеля. Обтянутая тонкой жёлтой кожей высохшая рука сжимала рукоять кинжала, торчащую из живота прямо сквозь рваные звенья проржавелой кольчуги.

— Одежда цела, костяк не развалился. Сталь ещё ничего, не совсем труха, — Далур бесцеремонно потянул за кольчужный рукав, разглядывая доспех. Труп опрокинулся, и обрамлённый грязной паутиной волос череп звонко ударился о камень. — Это человек, и он намного моложе тех костяков во дворе.

— Но он же мёртв, так? Чего нам его опасаться? Ходили сюда какие-то люди, и кто-то его прирезал. Бывает. Да и давно это было. Они, наверное, своей смертью успели помереть, те, кто тут ошивался, — Арди безразлично смотрела на останки.

— Угу. Скорее всего. Но мне решительно не нравится, что здесь проходной двор. Сначала орки, теперь вот этот, — буркнул в бороду Далур.

— Так хозяев не было не один век. Удивительно ли? — Адрей внимательно разглядывал кожаную вставку на окольчуженном плече. Но та была заплесневелой и твёрдой как камень. — Нет, не разобрать нашивки.

Далур уверенно подошёл к каменной табличке на стене и принялся метательным топором счищать с неё мох. По тоннелю расплылся кислый запах, от которого начинало першить в горле. На срезах проступили ярко-изумрудные пятна.

— Почти пришли. Ещё чуть-чуть, и мы в Чертоге. Тут сказано, что трактир через версту. Его обычно ставят на самом входе.

— Жаль, дварфийского пивка не отведать в этот раз, — широко улыбнулась Арди.

— Да, жаль, — серьёзно сказал Далур и пошёл в темноту. — Но там мы отдохнём.

Трактир уцелел. Перепутать его с чем-то ещё было трудно — перед входом красовалась огромная пивная бочка, вырезанная из цельного валуна. Как и всё здесь, её круглые бока чернели густым ковром мха.

Внутри царили полнейший разгром и запустение. Разбросанные по полу осколки глиняной посуды перемешивались с костями и ржавым железом. Огромные пивные бочки у стойки сгнили, от них остались лишь подставки и кольца, и теперь они ржавыми пауками замерли вдоль стены. В остальном всё было почти в порядке. Каменные колонны и столешницы совсем не заметили веков запустения. Лишь пыль плотным серым покровом легла на все горизонтальные поверхности. Ступени, выдолбленные прямо в теле горы, спускались к стойке, на которой одиноко стоял целый кувшин и лежала горстка позеленевших монет.

— Не очень уютно. И опять всё в старых костях, — Адрей спустился в трактирный зал вслед за Молчуном и закрутил головой. — Я бы поискал другое место, конечно...

— Здесь должны быть комнаты для постояльцев. Там наверняка почище, — Далур сжал в кулаке бороду и сильно дёрнул. — Почему везде кости? Кто их убил?

— Может, друг друга? — Арди неопределённо указала рукой в зал: — Смотрите, здесь оружия почти нет. Выглядит как обычная кабацкая драка.

— Только почему-то до смерти, — пробормотал Далур и спустился в зал.

Комнаты нашлись. Небольшие закутки в задней части трактира. Целыми оставались только каменные части интерьера, остальное давно сгнило. Но здесь не было груд костей и проломленных черепов. Из каждого угла не скалилась смерть, хотя её присутствие вязким холодом расплзлось по коже.

— Это лучшее, что нам сегодня могут предложить, — Далур с горечью осматривался. — Располагайтесь. Добро пожаловать.

Никто не обрадовался, но особо и не возражал. Надежды найти место получше или хотя бы такое же не было.

Далур достал небольшую колбу с остро пахнущим зельем, небольшой плоский камень и кожаный футляр с инструментами. Расположившись на сохранившейся каменной столешнице, он принялся аккуратно выщарапывать что-то на камне, изредка капая из стеклянного флакона на проступающую чуть светящуюся руну. Наконец, работа

была закончена, и тёплый жёлтый свет залил холодный каменный мешок, в котором они сидели.

— Как потухнет, пойдём дальше. Долго она не протянет, но передохнуть успеем.

— Что это за руна? — Арди с любопытством взяла камень в руку, аккуратно касаясь пальцем светящихся контуров. На ощупь они были тёплыми.

— Это не руна. Вернее, неправильная Руна Очага. Брак, под стать мастеру, — Далур затравленно оглянулся, опустил глаза и негромко добавил: — Я пойду в главный зал. Осмотрюсь внимательно, может, увижу чего.

— Помощь нужна? — спросила Арди.

— Нет.

— Ты уверен? — Молчун недоверчиво посмотрел на дварфа.

Далур промолчал и тяжёлым шагом вышел из комнаты.

— Опять его накрыло? — Молчун встал было, чтобы пойти за дварфом.

— Дай ему побыть одному. Если что, мы здесь, совсем рядом, — мягко остановил его Адрей. — Да и ему тяжелее, чем нам, видеть дварфийский чертог в таком состоянии.

— Сочувствую, если ему ещё тяжелее. Тут как будто сам воздух из тебя жизнь тянет, — Арди поёжилась. — То ещё местечко. Пустота, пыль и смерть. Эхо ещё это. Словно передразнивает...

— Ты с Молчуна бери пример. Его вот никто не дразнит, — попытался пошутить Адрей, но никто не улыбнулся. — Я тогда попробую подремать. Толку глаза таращить.

Адрей подложил под голову заплечный мешок, улёгся на плащ и вскоре размеренно засопел.

— Посмотри, пожалуйста, что со щекой, — Молчун взял руны и подошёл к Арди. — Чешется, дрянь.

Девушка осторожно размотала повязку, и пальцы едва касаясь скользнули по неровному ковру шрамов на голове Молчуна. Мимо уродливого пенька с отверстием в середине — всего, что осталось от уха — к широкому и длинному струпу на щеке.

— Уже не пухнет. Рана всё ещё чистая, гноя нет. Далур отлично поработал. Его с такими руками в любом городе боготворили бы, да ещё и дрались за право называть лекарем своей гильдии.

— Почему ты всё-таки согласилась пойти, а, Мэва? — неожиданно спросил Молчун и посмотрел на Арди в упор.

В глазах девушки поочерёдно мелькнула злость, недоумение и недоверие, она невольно сделала шаг назад, а рука потянулась к кинжалу, но почти сразу остановилась.

— Тебе бы тоже поспать, Молчун. Я Арди, помнишь? — язвительно проговорила девушка, расслабившись.

— Брось. В твоих глазах всё читается.

— Не понимаю, о чём ты.

— Я не осуждаю. Мне просто интересно.

— Мне вот тоже интересно, о чём ты. Очень.

— Когда я упомянул Левнар, я видел, как ты поменялась в лице. Это очень далеко отсюда, и ты надеялась, что здесь о нём не заговорят. Потом, когда Флан упомянул его, ты вновь поменялась в лице. Этот твой неизменный платок на шее. Что под ним? Думаю, там приметный такой шрам.

Арди выжидающе смотрела на мужчину и молчала.

— Все эти намёки. Про одну ветку и прочее. Я слышал об общительной девушке со шрамом на шее, которая в трактирах разговаривала с торговцами из караванов, а вскоре большинство из них грабили на лесных дорогах. Девушку по имени Мэва, родом из окрестностей Левнара. Лживую суку, пудрившую мозги торговцам и охране, а потом вместе с подельниками потрошившую их добро.

— Ты сегодня очень разговорчив, Молчун. Я бы сказала, слишком.

— Я всегда презирал разбойников. Но я знаю тебя. И не могу сказать, что я тебя презираю. Почему?

— Потому что хреново разбираешься в людях?

— Я и не хочу в них разбираться. Там, чтобы найти хоть что-то кроме говна, ещё покопаться нужно. Я уверен, что Мэва — это ты. Но её поступки не вяжутся с твоими. Повторюсь, мне интересно, почему ты здесь, да ещё и забесплатно.

— Ну а ты? — Арди проигнорировала вопрос и уставилась на Молчуна.

— Да всё просто. Про семью ты уже знаешь. Мой учитель тоже вскорости умер. Он успел меня кое-чему научить и стать для меня близким.

— Опять разбойники или солдатня?

— Время. Больше я не хочу сидеть на одном месте. Нужно идти, постоянно что-то делать. Я говорю — всё просто. Ну а ты, Мэва?

Арди тяжело вздохнула и опустила глаза. Немного помолчав, она вновь посмотрела на мужчину и сказала:

— Молчун, слушай внимательно, я не буду повторять, если не поймёшь сразу. Я Арди. Точка. Если какая-то там Мэва когда-то и была, то она мертва. Банду Флемета Зуба повесили в тёмном и глухом лесу, куда они сами так

самозабвенно лезли. Мэва умерла ещё раньше, умерла вместе со всеми своими поступками, мыслями и мешком говна, который она за собой с упоением таскала. Арди вышла из того леса. Я — Арди. Ты меня знаешь. Второй шанс... Я его не заслужила. Но я его получила и очень постараюсь не просрать. Та история в Левнаре произошла слишком давно и слишком далеко отсюда, чтобы об этом говорить. Мир действительно очень маленький, я и не думала, что настолько. Молчун, пожалуйста, запомни моё имя и впредь обращай по нему. Договорились?

Молчун хмыкнул, утвердительно кивнул и, устроившись поудобнее, закрыл глаза.

Далур сидел в трактирном зале, посреди царства тишины и смерти, в окружении останков. Тоска и тревога каменной плитой придавили дварфа. Его губы что-то беззвучно шептали, время от времени он затравленно озирался по сторонам, но его взгляд неизменно натёк на пустоту.

— Ганур? Уходи! Ничего не исправить, — неожиданно громко произнёс Далур и сам испугался звука своего голоса.

Голова упала в большие ладони, и те с силой её стиснули. Тело стало раскачиваться взад-вперёд, скребя кольчугой о холодный и грязный пол.

Они снова пришли. Призраки прошлого, невидимые и озлобленные, как всегда, они стояли за его спиной, сверля дварфа мёртвыми глазами.

«Я не могу тут быть. И не хочу! Я не справлюсь! У воина всегда есть выбор, у меня его нет и никогда не было. Потому что я — пустая порода, Далур-тряпка. Я — брак и позор своего народа. Сломанная заготовка».

Внутренний голос Далура превратился в голос Карагаза. Десятки дварфийских голосов из прошлого вторили ему, перебивали его, ругали и разочарованно вздыхали.

— Трус! — как всегда низко и словно вибрируя прозвучал голос его брата.

— Позор! — в ту же секунду отозвался мягкий и вкрадчивый голос Пузатого Хнори.

— Из-за тебя, выродок, сегодня погибли честные дварфы. Настоящие дварфы, они отдали жизнь, выполняя свою работу! — рассерженным ульем продолжал гудеть брат.

— Ты не должен дышать! Повесить эту мразь! — пророкотал кто-то, кого Далур уже не мог вспомнить.

— Мокрой глине не место среди детей камня! — с презрением чеканил слова его учитель, Мастер Над Руной. Дварф, который научил Далура всему, и ставший примером.

Голосов становилось всё больше, злых и насмешливых. Далур не мог вспомнить, где он их слышал и слышал ли вообще. Они, словно обвалом, накрыли Далура, не давая ни вдохнуть пыльный затхлый воздух, ни шевельнуться.

— Ты привёл сюда людей. Они в нашем царстве, и ты хочешь провести их дальше Гостевого Чертога. Далур-предатель, ты никогда не был одним из нас, и никогда не сможешь быть, — злобно шипело в его голове.

— Нельзя, чтобы они тревожили прах предков. Уведи их отсюда, Далур-человечий пёс.

— Им здесь не рады. Прогони их.

— Далур-тряпка.

— Отговори их соваться в недра горы. Там им нет места.

— Это Чертог дварфов.

— Пусть уйдут!

— Трус!

— Этот чертог для мёртвых.

— Нет места живым!

— Убей их!

Голоса накатывали волнами и окутывали потяжелевшую, стиснутую меж рук голову. Их уже почти невозможно было различить, лишь холодная ярость и презрение переполняли дварфа.

С трудом Далур протолкнул такой плотный и тяжелый воздух в застывшие лёгкие и с силой ударил себя огромным кулаком в лоб. С губ сорвался негромкий то ли рык, то ли стон.

— Смерть и слепая злоба, — неразборчиво пробормотал Далур и резко вскрикнул: — Нет! Я обещал. Дойду. Я не подведу их. Больше нет.

— Далур? Ты тут уронил что-то? Что за грохот? С кем ты говоришь? — раздалось из коридора невдалеке, и на стенах заплясал свет факела.

Далур очнулся, голоса смолкли. По словно скованной льдом спине ручьями тёк пот.

— Ни с кем. Так, задумался и что-то вырвалось вслух, — испуганно крутя головой, неуверенно произнёс дварф вошедшим в зал людям.

— У тебя всё хорошо? Руна почти погасла, мы готовы идти, — Арди протянула Далуру едва светящийся камень.

— Брось. От него уже не будет никакого прока. Нельзя больше сидеть, — Далур замялся и поморщившись добавил: — Раз вы уже передохнули, пошли. Нам надо найти выход из Гостевого Чертога.

Арди сунула гаснущую руно в заплечный мешок и вышла из таверны вслед за остальными.

Обстановка вокруг никак не изменялась. Они шли меж приземистых каменных зданий, сплошь поросших тёмным мхом. У каждого было добротное крыльцо, на котором валялись сорванные с петель двери. Из чёрных проёмов, казалось, смотрят тысячи враждебных глаз. Многочисленные переулки и ответвления путники благоразумно игнорировали. Заблудиться в тёмном и незнакомом лабиринте было проще простого. Сводов потолка пещеры не было видно. Лишь крошечная тьма вокруг и крошечный круг жизни в небольшом ореоле дрожащего света факела.

— Стой! — шедший первым Далур остановился и перегородил дорогу остальным. — Смотрите под ноги. Тут провал был. Его перекрывали, да погнило всё. Чуть железа только и осталось.

От ног дварфа вперёд убегала трещина. Она быстро расширялась, и стали видны железные скобы, перекинутые через провал. Видимо, когда-то на них было постелено дерево, но сейчас от него не осталось и следа. Из трещины раздавался отдалённый негромкий плеск воды.

— Там ручей что ли?

— Может, и ручей. Всё на то указывает, — недовольно буркнул Далур. — Под ноги смотрите, да пошли. Нечего стоять без толку.

Вскоре они вышли на большую площадь, полностью свободную от построек. Лишь в самом её центре стояла статуя: кто-то широкоплечий тянул руки в стороны. Фигура так густо поросла мхом, что издали её можно было принять за громадного живого медведя.

Площадь была усеяна бугорками. Птица видит то же самое, глядя на далёкую землю, сплошь покрытую холмами, с высоты своего полёта. Странные чёрные сугробы из мха. Шаги больше не вызывали гулко-го эха, грохоча по камню. Подошвы сапог тонули в мягком чёрном ковре, с таким аппетитом, пожирающим свет и звуки.

— Пришли, кажись, — Далур с досадой плюнул на пол и почти побежал в темноту. Вскоре оттуда донеслось: — Тут мост через провал. Был. Всё обвалилось к орочьей матери. До другой стороны шагов сорок поди будет. Мы тут не пройдем.

— А другой путь? — разочарованно спросил Адрей у темноты.

— Да почём я знаю? Искать надо, — ответ не заставил себя ждать, Далур быстро прошёл мимо отряда и снова скрылся в темноте. — Сейчас вернусь. Природа зовёт.

Люди остались втроём ждать Далура в пляшущем свете двух факелов.

Молчун внимательно разглядывал мох и отошёл чуть в сторону, прямым к скоплению мшистых бугров, и кинжалом надрезал податливое чёрное покрывало на самом большом. Мужчина оглушительно чихнул от поднявшейся в спёртый воздух пыли. Под мхом оказался иссохший труп в кольчужной рубахе с нашивкой на рукаве. Его рука тянулась в сторону.

Молчун взрезал мох на соседнем холме и откинул покров. Тот оказался гораздо плотнее и толще, едва уступая стали.

В свете факела россыпью блеснули мелкие рубины на рукояти старого кинжала. Оружие торчало из груди высохшего трупа. Кольчуги на нём не было, лишь кожаная куртка, распахнутая на впалой груди, и большой позеленевший от времени кулон причудливой формы на цепи. Тело покрывали мутные пятна старых, едва различимых татуировок. Лысый череп злобно скалился сквозь свалывшуюся пыльную паутину длинной растрёпанной бороды.

Молчун пристально смотрел на старое оружие, столь щедро изукрашенное драгоценными камнями. Хорошо сохранилось, даже отлично, и наверняка стоит немалых денег. Придвигаясь ближе, он замер от того, что оружие едва заметно дёрнулось в теле.

— Задел, наверное, да и факел... — едва слышно пробормотал человек.

Усмехнувшись, Молчун резко придвинулся совсем близко и потянулся к оружию. Он осторожно стряхнул костистую руку с кинжала и, сжав тёплую, чуть подрагивающую рукоять, выдернул оружие. В ушах зашумела кровь и подкатила тошнота.

— Тёплый? Почему он тёплый? — только и успел прошептать Молчун в недоумении, когда раздался противный шелест, и с бороды трупа с хрипом слетело облачко пыли.

Далур решительно шёл в темноту. В сознании раздавались приглушенные отголоски чьих-то фраз. Хотелось побыть одному, хотя бы несколько минут.

«Чего ты ждал, когда поперся сюда? Пустой породой был — пустой породой и подохнешь. Решил спасти Карагаза с его племенем? От чего? И главное, как? Они все убежали отсюда столетия назад. Бежали воины не чета тебе, бракованной поделке. Мастера над Руной бежали. Что ты собрался сделать здесь? Тебя остановил первый же

обвалившийся мост, и ты уже готов скулить, сжавшись в комок. Тебе так страшно, так одиноко... Так надеешься найти новый дом, где над тобой не будут смеяться? Вместо этого ты пришёл в темноту и ходишь едва не по костям мёртвых. Достойных дварфов, павших неведомо от чего».

— Пустой породой и подохнешь, — вторил ему внутренний голос.

Далур остановился в проулке между двух домов и опёрся на стену. Кулаки мягко ткнулись в мох.

«Молчун и Арди добры ко мне. Но что они знают о дварфах? О наших традициях и чести? Есть пятна, которые не смыть! Зачем они пошли со мной? Помочь селянам? В них больше смелости, чем во мне. Я всех подвёл... Подведу и их. И себя».

— Ты подвёл! Не знают ничего! Убей их, чтобы они не могли рассказать о твоём позоре! — злобно шипело в сознании Далура.

На дварфа навалилась волна тошноты и слабости. Сердце с нарастающим грохотом билось где-то в ушах.

— Берегись! — раздался испуганный крик Молчуна.

Дварф сильно мотнул головой, стремясь прогнать подкатившую дурноту. К тошноте добавилась головная боль, и рассудок вновь заполнился сотней озлобленных шепотков. Они проклинали, насмехались, грозили и повелевали. Шуршащий хор, подобно песчаной буре, накрывал дварфа, вытесняя его волю и наполняя страхом и ледяным бешенством.

По мху перед его глазами расползались малахитовые вспышки. Далур оттолкнулся от стены и с силой отвесил себе пощечину, вновь разбивая едва зажившие губы. Рот быстро наполнился кровью, заменив противный привкус солью и железом. Но всё же голова прояснилась. Дварф нетвёрдо побежал туда, где на стене, пульсирующей малахитом, плясал неверный свет факелов.

Сил едва хватало, чтобы отрывать отяжелевшие ноги от пола. Боевой топор тянул вниз, и Далур боялся его попросту выронить. Ощущение полного бессилия и смертельной усталости накрыло его тяжёлой волной. Но он насколько только мог быстро бежал вперёд, хрипло дыша и отплёвывая вязкую, густую слюну пополам с кровью.

Когда он выбежал на площадь, то увидел, что его спутники сгрудились возле шипящих на полу факелов и вяло отбиваются от нападающих на них мертвецов. Из темноты, волоча ноги и неуклюже размахивая ржавым оружием, шли всё новые противники. Площадь наполнилась множеством шорохов, доносящихся из темноты.

Дварф остановился как вкопанный и не находил в себе сил пошевелиться. Он лишь лихорадочно обшаривал глазами площадь и старался не упасть на толстый моховой ковёр от усталости.

Чёрно-малахитовые лохмотья вездесущего мха свисали с тварей, словно лоскуты кожи. Руки сжимали давно уже непригодные для боя мечи и топоры, мертвецы неумело размахивали ими.

Адрей и Молчун с огромным трудом управлялись с неожиданно ставшим таким неподъёмным оружием. Как подростки, которые впервые схватились в рукопашной на тренировке тяжелеными учебными болванками. Движения, вялые и медленные, вязли в густом и душном воздухе подземелья.

Арди с видимым усилием натянула тетиву до уха и с нескольких шагов пустила стрелу в пыльный надтреснутый череп. Та с глухим стуком влетела в глазницу, раскрошив ветхие кости, и вылетела из затылка. Труп качнулся и, промедлив мгновение, продолжил брести вперёд, шаркая задубевшими плесневыми сапогами.

— Надо достать того, с кулоном, — прохрипел Молчун и закашлялся, едва не пропустив медленный, но сильный удар ржавой болванкой, некогда бывшей мечом.

Едва восстановив дыхание он добавил:

— Вот этим ножом! Они встали, когда я его вытащил!

В десятке шагов за костяными телами в ржавых кольчугах стояла фигура, что-то едва слышно бормоча шелестящим голосом. Её иссохшее тело, казалось, каждую секунду наливалось силой и жизнью. Сгорбленные костистые плечи расправлялись и округлялись. Руки из двух тонких палок, обтянутых пергаментом жёлтой кожи, становились сильными и мускулистыми.

Молчун раздробил дубиной череп одному из нападавших и, перехватив кинжал свободной левой рукой, побежал к мёртвому колдуну. За его спиной запоздало прошипел меч неугомонного трупа.

Мутные покрытые плесенью глаза уставились на мужчину. Губы колдуна ритмично что-то проговаривали, и свет медальона пульсировал в такт словам.

Через пять шагов Молчун закачался, упал на колени и вырвал кровью. Опираясь дрожащими руками прямо в багровую лужу перед собой, Молчун поднял голову, но уже ничего не видел. В ушах ревели водопады, по щекам текло что-то горячее и влажное.

Вроде, сзади кто-то кричал. Но Молчун не был уверен даже в этом, не говоря о том, чтобы понять, что именно кричали. Он попытался сесть, но тело, деревянное и лишённое сил, его не слушалось. Молчун завалился на бок, вытянулся, как червь, который пытается ползти, и застыл. Последнее, что он почувствовал перед тем, как отдаться уносящей его от боли и шума тьме, это то, как дёрнулась левая рука.

«Не стой же, ну! Они пришли сюда за тобой. Потому что ты пообещал Карагазу всё выяснить. Они умрут из-за тебя! Ты не можешь просто стоять и смотреть! Ты — брак своего народа! Пустая порода!»

Далур стоял на едва держащих его ногах и раскачивался из стороны в сторону. Его собственным мыслям вторил хор непрекращающегося шёпота в голове.

— Умрут, как Ганур. Из-за твоей слабости. Умрут из-за тебя, трус!

Спину обжигал привычный холод осуждающих, презрительных взглядов давно не видящих глаз. Далур зажмурился изо всех сил и, стиснув зубы до хруста, протяжно завыл. Слезы градом потекли по грязному бледному лицу и смешиваясь с кровавой слюной повисали на бороде.

Дварф вновь отвесил себе мощную оплеуху, и вой перешёл в надсадный рык. Неполный ряд крепких желтоватых зубов обнажился в кровавом оскале. Отрывистое и частое дыхание чуть замедлилось.

Голова немного прояснилась, и Далур сделал несколько мелких и неуклюжих шагов по направлению к маячившей вдалеке фигуре с пылающей малахитом рукой у груди.

Холод, прочно обосновавшийся в прошлом году на его спине, исчез. Что-то другое пришло на его место. Что-то тёплое.

Одобрение?

Ноги почти не слушались, но Далур, рыча до рези в горле, шёл всё быстрее и быстрее, пока наконец не побежал.

В этот раз на врага, чтобы защитить друзей.

Он бежал туда, где скорчившись в луже рвоты и крови лежал Молчун, вытягивая вперёд руку с зажатым кинжалом.

Справа Адрей из последних сил отбивался от нескольких мертвецов. Молодой воин из монастыря уже не пытался достать булавой окруживших его неровным кольцом врагов. Сил хватало лишь на то, чтобы подставлять оружие под удары нежити, сыпавшиеся на него с разных сторон. Несколько он не смог парировать, но негодное оружие нежити не пробило добротную кольчугу.

За его спиной на коленях сидела Арди, держась за живот. Вторая рука бессильно опиралась на меч. Беспольный лук валялся в стороне.

Далур бежал. Походя он снёс голову стоящему к нему спиной мертвяку. Другой взмахнул секирой, но сгнившее топориче выскользнуло из топора, и вместо того, чтобы проломить дварфу голову, тот лишь ударил его в лоб трухлявой палкой.

Далур остановился около Молчуна на секунду, выдернул нож из ослабевших пальцев и продолжил выжимать из почти неподконтрольного тела всё, что мог.

От человека с длинной бородой в плесневой кожаной куртке его отделяли два мертвеца и несколько шагов. Колдун что-то говорил, по крайней мере его губы безостановочно шевелились. Шёпот в голове перешёл в крик. Дварф не слышал ничего, кроме гремящего в его голове камнепада проклятий и угроз.

Тёплое ощущение между лопаток настойчиво толкало его вперёд и наполняло сердце спокойствием.

Далур с недоумением понял, что его боевой топор покрыт толстым слоем ржавчины. Дварф рубанул ближайшего к нему скелета. Мертвец рухнул на пол грудой костей с раздробленными рёбрами и позвоночником. Об камень звякнул топор, слетевший с рассыпавшегося трухой в кулаке дварфа топорича.

Не думая уже ни о чём, Далур кинулся к человеку в кожаной куртке. На бегу он отшвырнул плечом разделяющий их оживший труп. Бок намок, и его пронзила резкая боль.

Человек перед ним, видимо, что-то кричал. Кулак, сжатый у груди, полыхал огнём цвета весенней листвы. Но ничто не могло заглушить какофонию в голове Далура.

Тепло меж лопаток стало почти обжигающим, и руки дварфа вновь налились силой.

Всем весом он врезался в мёртвого колдуна. Со всей своей немалой силой дварфийского воина он вбил нож в левую сторону груди. Когда лезвие ушло по рукоять в тело врага, от удара хрустнули рёбра.

Но дварф этого не слышал.

Далур упал сверху на обмякшее тело. В воздухе повисла едкая вонь палёного мяса, и Далур с криком отпустил кинжал. Оттолкнувшись левой рукой от трупа, он скатился на каменный пол, и голова мягко ткнулась в мох.

Щёки нежно гладил ветер. По лицу разливалось приятное едва осязаемое тепло весеннего солнца. Спина лежала на чём-то мягком. Мягком и уютном. Напитанном солнечным теплом и ароматами разнотравья горной долины.

Далур открыл глаза и уставился в ледяную лазурь весеннего неба. Никакие каверны не могли спорить с ним в бездонности, и никакие алмазы не были чище него.

Настоящее чудо.

Он так и лежал, даже не пытаясь смотреть по сторонам. Лишь он, приятный шелест ветерка вокруг и не имевшее края чистое небо. Далур не мог надышаться этими запахами тёплой земли и дварфийского сыра.

Сыра?

Он повернул голову и увидел в нескольких шагах разложенную на валуне тряпицу, на которой лежала нарезанная головка солёного сыра, стоял жбан слабого пива, и румянились пышные крутобокие буханки ржаного хлеба. Обычный паёк в патруле в горных долинах.

Рядом были составлены пики, угрожая своими уродливыми стальными коронами таким светлым и прекрасным небесам.

На лицо Далуру упала тень. Он недовольно повернул голову чтобы посмотреть, кто мешает ему наслаждаться отдыхом.

Над Далуром покачивалась сплетённая в толстую косу рыжая борода с начищенной медной застёжкой на конце. Весёлые карие глаза смотрели из-под кустистых бровей.

— Ганур?

— А то кто ж? Давай, подъём. Безусый Норн прибежал. Говорит, тролль через ущелье опять за овцой сюда прёт, — взгляд рыжебородого воина устремился в небо. — Как солнце в зенит встанет — будет здесь.

Ганур протянул руку. Правой руки Далур не чувствовал.

Отлежал что ли?

Он схватился за крупную мозолистую ладонь левой рукой и начал вставать. Ганур с силой потянул вверх, помогая подняться.

— Айда к нашим. У меня хорошее предчувствие сегодня. Дело будет быстрое и лёгкое! Норн сказал, что тролль — молодняк. Они тоже опасны, но не чета старшим. Это, конечно, если всё правильно сделать и никто не побежит, — глаза Ганура хитро блеснули. — А давай так! Кто из нас двоих добьёт тварь — тот выиграл! А, как тебе такое? Проигравший ставит пиво. И не пару кружек, как в тот раз, а ставка посерьёзней будет.

— Мне завтра Первый Рунный Круг защищать, — неожиданно вспомнилось Далуру.

— Да брось, — Ганур беззаботно отмахнулся. — Первый Рунный все проходят. Там умений много не надо. А Пузатому Хнори в трактир привезли несколько бочек нового тёмного. Человеческое, но говорят, что нашему оно не уступит. Вот как раз и проверим! — глаза Ганура весело сощурились. — Или ты испугался?

— Ха! Ты платить будешь так же охотно, как языком мелешь?

— Это мы ещё посмотрим, кто будет, — Ганур свернул тряпицу с едой и, завязав, закинул на спину.

— Готовь монеты! — Далур схватил пику и весело рассмеялся. — Ребятам тоже предложу! Гулять, так гулять.

Адрей упал на миг позже вдруг развалившихся скелетов. Упал тяжело, прямо лицом в угасающую зелень пыльного покрова. Треклятый мох вонял какой-то кислятиной, и каждый вдох вызывал отвращение.

Но сил повернуть голову не было. В горле першило от пыли.

Адрей с ужасом прислушивался к себе, но сердце не билось. Пот холодной испариной покрывал всё обессиленное тело. Вдруг между хриплыми и судорожными вздохами он уловил слабый удар в груди.

И ещё один.

Он был жив. Хотя если бы ему предложили немедленную смерть, мужчина бы крепко задумался.

Время не существовало. Лишь собственный натужный хрип и тошнота от кислой вонючки, поселившейся уже где-то в гортани. Сзади раздался шорох. И ещё один. Кто-то тяжело дышал и шуршал.

Сил вскочить на ноги или хотя бы испугаться не осталось. Но сдаться и безропотно ждать участи было не в его правилах, и Адрей, перебирая дрожащими руками, повернулся на звук. Там, подобно новорожденному телёнку, на подкашивающихся ногах пыталась встать Арди.

Адрей упрямо нахмурился и сел, помогая себе руками.

Странно, но как только он начал двигаться, сил заметно прибавилось. Взгляд невольно упал на утонувшие во мху ладони, и мужчина поспешно отдернул их. Малахитовое свечение несколько секунд повторяло очертания рук, а затем медленно погасло.

Стало ещё немного легче. Спустя минуту он уже пытался удержаться на неверных и таких слабых ногах. Тяжело раскачиваясь, подошёл к снова севшей на пол Арди и протянул руку.

— Надо вставать. Мне кажется, мох пьёт силы. То, что от них осталось.

— Что случилось? Где остальные? — голос девушки был очень тихим и хриплым. — Помню, выронила меч. Он весил, как целое бревно. Кто-то кричал. И всё. Ничего больше не помню.

— Молчун лежит тут, недалеко. Я видел, как Далур пробежал к этому... Кем бы он там ни был. И потом не знаю, что случилось. Факелы дотуда не светили.

— Молчун жив?

— Не знаю. Вставай. На этом мху нельзя сидеть.

Когда Арди опёрлась на руку Адreja и поднялась, они оба чуть не упали. Но силы постепенно прибывали. Минуя кучки костей и подобрав по пути почти сгоревший факел, они дошли до Молчуна.

Тот так и лежал с вытянутой левой рукой.

Опираясь на плечо Молчуна, Адрей прижал грязные пальцы к шее. Через несколько секунд выдохнул:

— Живой! Без сознания, но живой! Помоги оторвать его от чертова мха. Смотри, как он светится под головой.

Молчун слабо застонал, когда его прислонили к заплечному мешку.

— Дай ему время. Мужик крепкий, очухается.

Арди с немигающим взглядом механически кивнула и спросила.

— А Далур? Куда он побежал?

— Запали ещё факел, пока эти не погасли, — Адрей устало поморщился. — Он мимо Молчуна бежал, должен тут быть где-то.

Далура нашли чуть поодаль. Он лежал рядом с обтянутым кожей скелетом в плесневой куртке и с пыльной длинной бородой. К впалой татуированной груди оплавленным кинжалом с потухшими в рукояти рубинами был прибит почти разрубленный надвое амулет.

Противно воняло палёным мясом и раскалённым железом. Мускулистая правая рука дварфа теперь была невообразимым сплавом растаявших и потёкших колец кольчуги и плоти. Двух пальцев не было, оставшиеся, обугленные и изломанные, торчали в разные стороны.

Под его телом набежала огромная лужа крови. Она сочилась через рваную дыру в боку, стекала по вылезшим внутренностям. Кольчуга свисала гнилыми проржавевшими лохмотьями.

С такими ранами не живут.

Но Далур лежал и смотрел перед собой. Его налитые кровью глаза бегали из стороны в сторону, ища что-то. Борода казалась покрывалом из темноты на фоне обескровленного бледного лица. Далур дышал. Очень рвано и тихо, скорее даже хрипел.

Адреј встал у изголовья и с грустью покачал головой.

Взгляд Далура застыл на нём на несколько секунд и продолжил своё беспокойное блуждание во тьме.

— Что ты стоишь? Надо помочь ему! Остановить кровь! — Арди, почти плача, кинулась к лежащему дварфу. — Ну, Далур, давай, помоги мне. Ты сдюжишь! Ты от тролля в морду получил, и ничего, жив остался! И это переживёшь! Адрей, чего ты встал! Ну давай, помогай.

Мужчина молча стоял и с сожалением смотрел на умирающего дварфа.

— Мы ничем ему...

— Чушь! Ты его не знаешь! Хрен он так сдастся! Его надо поднять со мха! — Арди схватила Далура за целую руку и потянула вверх. — Давай, вставай! — истерика наконец прорвалась, и слёзы хлынули из глаз.

Адреј схватил её и прижал к себе, отворачивая от Далура. Девушка быстро прекратила вырываться и лишь прижималась сильнее, отчаянно рыдая.

Кхахххх-хххак-ххаххх.

Они одновременно повернулись к дварфу. Лицо исказила гримаса, отдалённо напоминающая улыбку.

Хакххх-кхахх.

Лицо стало медленно расслабляться, черты разглаживаться.

Кхааахххххх.

Резко выдохнув последний воздух из лёгких, Далур наконец затих.

Вскоре Молчун пришёл в себя, и услышав о смерти дварфа, он до крови закусил губу и сжал голову руками.

— Если бы не нож... Я подумал, что мёртвым он ни к чему. Никак не мог отогнать от себя эту мысль.

— Именно поэтому и не стоило брать его. Ладно, потом. Сейчас нам надо убрать его отсюда, — глухим бесцветным голосом прошелестела Арди.

— У нас самих нет сил, — попытался возразить Адрей, но Арди его перебила.

— Мне плевать, можешь не помогать. Если и Молчун откажется, я одна потащу. Я не оставлю его здесь, среди

всей этой гнуси. Хрен ты меня отговоришь! — в голосе зазвенела злость. — Он бы это сделал для каждого из нас. Мы бы уже подошли, если бы Далур не дошёл до этой мрази. Молчун, вспомни, он один тебя по лесу несколько часов пёр. А тут нас трое!

— Да, Арди. Мы его уберём.

— Хорошо. Я помогу. Конечно, мы его не оставим здесь, — Адрей не стал спорить, хотя понимал, что вынести из пещер тяжёлого дварфа будет на пределе их сил. Но оставлять товарища, пусть и мёртвого, здесь он не хотел. — Что потом?

— Ждём Флана. Далур обещал выяснить, что случилось в этих чертогах. И сделал всё, чтобы это узнать. Я сказала, что пойду с ним. И я намерена сдержать своё слово. Сдержать его слово, — она выдохнула и смахнула последние слезинки. — На сей раз не за деньги. Но из-за друга и до конца. Теперь у меня с этим местом свои счёты.

Молчун согласно кивнул головой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net